Glass _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

I. Разоблаченіе клеветы на Русское духовенство.

II. Сужденіе о книгѣ, изданной въ 1858мъ году въ Лейпцигѣ, на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи.“

III. Духовное званіе въ Россіи.

IV. О благотворномъ участіи Православной Церкви и пастырей ея въ судьбахъ Россіи.

V. О монашествѣ.

VI. Взглядъ Православнаго на санъ Епископа.

VII. Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ: „Описаніе сельскаго духовенства.“

БЕРЛИНЪ.

ТИПОГРАФІЯ КАРЛА ШУЛЬТЦЕ.

Kommandanten-Strasse No. 72.

1859.

РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

„Безнравственные люди, во всѣ времена, ни о чемъ такъ не заботились, какъ ослабить клеветами и злословіемъ уваженіе къ священному сану. Гдѣ нѣтъ уваженія къ духовенству, тамъ какую силу можетъ имѣть религія?“

Нрав. богосл. Арх. Платона.

БЕРЛИНЪ.

ТИПОГРАФІЯ КАРЛА ШУЛТЦЕ.

Kommandanten-Strasse No. 72.

1859.

BX540
.R85

Съ нѣкотораго времени стали появляться въ печати статьи, направленныя противъ Христіанскаго ученія и Православной Церкви. Передаются оныя въ отдѣлахъ наукъ и въ произведеніяхъ словесности. Прикрытыя мнимо-глубокими выводами ума или прогрессомъ просвѣщенія и цивилизаціи, онѣ касаются догматовъ Церкви, священнаго писанія и обрядовъ религіи, съ ложнымъ и превратнымъ разъясненіемъ общепринятыхъ истинъ; чаще передаются вставочными мыслями или выраженіями при разныхъ описаніяхъ. Наконецъ появились цѣлыя книги критическаго содержанія о Церкви. Въ прошломъ 1858^мъ году, въ Лейпцигѣ, отпеча-

тана на Русскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи,“ въ которой ярко выставлены недостатки управленія, съ огромными прибавленіями лжи и клеветы. Ни въ одномъ государствѣ, никакая часть администраціи не можетъ быть во всѣхъ частяхъ совершенною, какъ никакой человѣкъ не можетъ быть непогрѣшителенъ. Одно только божественное ученіе, принесенное съ неба Христомъ Спасителемъ, распространенное во вселенной Его Апостолами и разъясненное Отцами Церкви и вселенскими соборами, остается непзмѣннымъ. Во всей чистотѣ хранитъ его Православная Церковь.

Заблужденіе нѣкоторыхъ писателей дошло до того, что они отвергаютъ вѣрность бытописанія боговдохновеннаго Пророка Моисея въ „Книгѣ Бытія,“ относительно созданія міра, гуманно разсказывая будто міръ сложился по сти-

хіямъ природы, а не Богомъ сотворенъ. Этими нелѣпыми выводами подрывается основаніе Христіанскаго ученія, а всё для того, чтобы освободиться отъ закона религіи; жить, подобно животнымъ, по повлеченію страстей; никому не повиноваться, дѣлать, что каждому вбзредетъ въ голову. О вѣчномъ воздаяніи за прохожденіе земной жизни, конечно, уже и помину нѣтъ. До такого жалкаго состоянія можетъ довести человѣка умъ его, не просвѣщенный свѣтомъ истинной религіи.

Кто бы повѣрилъ, что въ періодическомъ изданіи, имѣющемъ большой и разнообразный кругъ читателей, можетъ быть напечатана статья, гдѣ пишутъ, что молиться всё равно въ Христіанскомъ храмѣ или въ языческомъ капищѣ, и что посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ не должно быть: изъ этихъ началъ

прямо вытекаетъ, что не должно быть и таинствъ, не должно быть и духовенства.

Въ другомъ журналѣ, также имѣющемъ большое число подписчиковъ, говорятъ: связь мущины съ женщиною должна быть кратковременна, всё противорѣчитъ ея продолжительности, и перемѣна — необходимое условіе. Помыслилъ ли матеріальный писатель, что съ уничтоженіемъ брака, уничтожатся и законы нравственности и законы правды? Въ какомъ бы видѣ ни передавались подобныя мысли, съ какими бы комментаріями ни были, всегда онѣ преступны и особенно вредны въ легкой литературѣ, открытой не исключительно для ученыхъ, а для всѣхъ: по слабости природы нашей, людей, незнакомыхъ со зломъ, лучше оставлять въ невѣденіи о немъ, нежели сближать ихъ съ правилами льстящими страстямъ.

Чтобы не вводить читателя въ грустныя

размышленія, ограничимся приведенными примѣрами.

Вѣра и нравственность служатъ основаніемъ государственнаго благоустройства; по этому каждый благонамѣренный членъ общества обязанъ обнаруживать зло и предупреждать его, останавливать заблудшихъ и предохранять несвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей отъ опасности.

Въ этихъ видахъ печатаемъ настоящую книгу.

Въ 1858мъ году издана въ Лейпцигъ книга: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи,“ наполненная злословіемъ и клеветою на всё Русское духовенство, а особенно на высшихъ лицъ Іерархіи.

Г. Погодинъ, въ 9мъ No. Русскаго Вѣстника сего года, объявилъ, что книга эта писана по его заказу священникомъ, что авторъ, написавъ первую половину, желалъ оставить нечистое дѣло; но Погодинъ убѣдилъ его окончить. Получивъ рукопись отъ священника, онъ исправилъ её по своему желанію, и давалъ читать и списывать закомымъ, а при свиданіи съ однимъ пріятелемъ, проживавшимъ постоянно

за границею, который просилъ дать ему ходившихъ по рукамъ рукописей, выдалъ и „Описаніе сельскаго духовенства.“ Значитъ: дѣятельности Г. Погодина Русскіе обязаны обнародованіемъ упомянутой книги.

Въ Россіи, неизвѣстнымъ путемъ, появилась она во множествѣ экземпляровъ. Гдѣ ни случались разговоры о семъ предметѣ, вездѣ слышались отъ благомыслящихъ людей осужденія книгѣ. Многіе подозрѣвали въ составленіи ея Г. Погодина; можетъ быть, онъ не могъ уже долѣе скрываться, и объявилъ въ услышаніе міра о своей литературной продѣлкѣ.

Г. Погодинъ, какъ бы въ извиненіе свое говоритъ, что онъ былъ боленъ, когда поправлялъ рукопись, распространялъ её по знакомымъ и выдалъ заграничному пріятелю. Вѣримъ этому, иначе трудно было бы объяснить смѣлый поступокъ его. Посовѣтуемъ ему, од-

нако-жъ, ради его пользы, на будущее время, въ болѣзненномъ состояніи не заниматься мысленнымъ трудомъ. Извѣстно медицинское правило: когда одинъ членъ тѣла подверженъ недугу, прочіе члены сочувствуютъ ему, а самая незначительная, по видимому, болѣзнь можетъ имѣть вліяніе на мозгъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	Разоблаченіе клеветы на Русское духовенство .	1
II.	Сужденіе о книгѣ, изданной въ 1858мъ году въ Лейпцигѣ, на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи“	59
III.	Духовное званіе въ Россіи	139
IV.	О благотворномъ участіи Православной Церкви и пастырей ея въ судьбахъ Россіи	177
V.	О монашествѣ	235
VI.	Взглядъ Православнаго на санъ Епископа . .	265
VII.	Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ: „Описаніе сельскаго духовенства“	349

РАЗОБЛАЧЕНІЕ

КЛЕВЕТЫ НА РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Не одна только ложь и клевета, а частію и грустная правда высказана въ книгѣ: „Описаніе сельскаго духовенства,“ — въ книгѣ, которую многіе читаютъ, перечитываютъ и находятъ, что нѣкоторыя темныя краски, которыми очерчена жизнь сельскаго священника, съ его юныхъ лѣтъ, взяты тутъ съ натуры. Но тотъ очень ошибся бы, кто бы подумалъ, что таково состояніе всѣхъ вообще лицъ сельскаго духовенства. Авторъ правъ, если будутъ понимать его описаніе, какъ попытку изобразить тѣ мрачныя стороны, которыя встрѣчаются иногда, и только иногда, въ воспитаніи и службѣ сельскаго священника. Но его описаніе будетъ совершенно ложно, если захотятъ видѣть въ немъ изображеніе воспитанія и судьбы сельскаго духовенства вообще въ Россіи.

Бѣдность сельскаго духовенства въ Россіи из-

вѣстна всякому, хотя немного знакомому съ бытомъ его. При средствахъ, едва составляющихъ дневное пропитаніе и одѣяніе, содержаніе дѣтей въ училищѣ и Семинаріи весьма затруднительно для священно и церковно-служителей. Укажу на примѣръ воспитанія своихъ братьевъ. Отецъ мой, сельскій священникъ, имѣвшій семь человѣкъ дѣтей, отвезъ двоихъ сыновей въ училище, и долженъ былъ за квартиру и пищу платить за каждаго по пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Черезъ годъ онъ не въ силахъ былъ вносить эти деньги и хотѣлъ старшаго сына исключить и хлопотать объ опредѣленіи его дьячкомъ въ селѣ, гдѣ самъ былъ священникомъ. Только помощь дяди дала возможность продолжать ученіе этому мальчику, предназначавшемуся въ дьячки, и во всѣхъ классахъ отъ училища до Академіи занимавшему первое мѣсто, и теперь служащему Церкви въ санѣ Архіерея. Но эта бѣдность содержанія не влечетъ за собою порчу нравственности. Пишущій эти строки, не имѣя шести лѣтъ отъ роду, отданъ былъ на квартиру къ одному штатному служителю монастыря, и по совѣсти не можетъ сказать, чтобы изъ примѣра жизни его и о-

бращенія научился чему-нибудь худому. Старикъ хозяинъ, державшій семью свою въ рукахъ, оттаскалъ разъ и меня за волосы за то, что я дочь его назвалъ дурою. Я съ благодарностію теперь вспоминаю этотъ урокъ. Взяточничество смотрителя и учителей совершенно неизвѣстно въ Московской епархіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ описываетъ авторъ книги „О сельскомъ духовенствѣ.“ Въ теченіи семнадцати лѣтъ моего ученія, отъ училища до Академіи, гроша никому не дали за меня, и никогда, по собственному моему сознанію, не лишали меня того въ спискѣ мѣста, котораго я стоилъ. Можетъ быть, въ училищѣ и дѣлались иными отцами приношенія, но это дѣлалось весьма секретно. Въ Семинаріяхъ и помину объ нихъ не было никогда. При той бѣдности, которую описываетъ самъ авторъ, откуда взялись бы средства на безчисленные подарки? Учители въ низшихъ училищахъ дѣйствительно не всѣ способны и достойны; но не потому, что бы эти мѣста покупались за деньги или давались по протекціи, но потому, что хорошіе ученики не хотятъ ихъ занимать. Часто, по крайней мѣрѣ въ Московской губерніи, не

по охотѣ посылаютъ въ учители. Скудость содержанія, множество уроковъ, малое поощреніе за службу, во время ея и при выходѣ въ епархіальное вѣдомство, отбиваютъ всякую охоту занимать должности учителей. Выписывать новыя книги, новые учебники и руководства ни училища, ни учители не имѣютъ средствъ, да едва ли они имѣютъ возможность узнать и о выходѣ по ихъ классу полезнаго руководства. Кого винить въ этомъ? Начальство винить нельзя; потому, что оно для воспитанія дѣтей духовенства дѣлаетъ то, чего не дѣлается для дѣтей другихъ сословій; оно даетъ возможность съ малыми средствами доставить не только хорошее, но иногда отличное образованіе. Въ другихъ сословіяхъ рѣдкость, если отцы съ такимъ ограниченнымъ состояніемъ, какъ состояніе нашего духовенства, доставятъ возможность порядочнаго образованія своимъ дѣтямъ. Дешевымъ воспитаніемъ сыновей духовенство значительно вознаграждается за скудость средствъ своего содержанія.

Не будемъ входить въ подробности духовнаго образованія. Можетъ быть ужъ и теперь готовятся многія перемѣны въ образованіи духовенства; по-

тому, мы ограничимся только указаніемъ на духъ воспитанія духовнаго юношества. Бранить семинарское образованіе сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ, и самое названіе семинариста сдѣлалось ругательнымъ, но справедливо ли это? Бранить семинарское образованіе за односторонность нельзя; потому, что кругъ преподаваемыхъ въ Семинаріяхъ наукъ такъ обширенъ, что съ нимъ не сравняются и Гимназіи. Ругаютъ Семинаріи за схоластическое преподаваніе; но имѣетъ ли смыслъ это обвиненіе? Правда, что къ сочиненіямъ пріучаютъ посредствомъ періодовъ и хрій, но едва только мальчики пріучаются связывать сколько-нибудь мысли, объ этихъ формахъ и помину нѣтъ. При изученіи уроковъ любятъ въ духовныхъ училищахъ буквальное чтеніе, но съ тѣмъ, чтобы и понимали читанное. Это заученіе упражняетъ память, и усвояетъ болѣе точный способъ выраженія. Что семинарское образованіе никакъ не хуже гимназическаго, видно изъ того, что порядочный ученикъ Семинаріи изъ средняго отдѣленія, что равняется пятому курсу Гимназіи, выдеживаетъ съ честію экзаменъ для по-

ступленія въ Университетъ *). Между тѣмъ навѣрное можно сказать, что ни одинъ, кончившій курсъ въ Гимназіи, не выдержитъ экзамена для поступленія въ Духовную Академію. И какъ бы они выдержали экзаменъ, не зная ни древнихъ языковъ, ни философіи? Говорятъ: семинаристы все-таки выходятъ изъ Семинаріи — съ малыми познаніями. Но даетъ ли какое нибудь учебное заведеніе столько знанія, чтобы его стало на всю жизнь? Истинное, твердое знаніе пріобрѣтается собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ. Назначеніе учебныхъ заведеній только раскрыть способности, сообщить первые элементы, указать задачи науки и путь, которымъ отыскивается рѣшеніе ея вопросовъ. Духовное образованіе достигаетъ этой цѣли изученіемъ классическихъ языковъ и частымъ упражненіемъ въ сочиненіяхъ. Кто знакомъ хорошо съ сочиненіями духовныхъ писателей, тотъ не можетъ

---

*) Одинъ изъ профессоровъ Московскаго Универс. печатно сказалъ, что первенство въ знаніи классическихъ языковъ принадлежитъ семинаристамъ; другой говорилъ намъ, что сочиненія семинаристовъ, по стройности изложенія и чистотѣ языка, лучшія.

не признаться, что связность изложенія, точность въ выраженіи составляютъ почти общую принадлежность ихъ сочиненій*). Мы охотно признаемся, что познаній, пріобрѣтенныхъ въ Семинаріяхъ, не совершенно достаточно для достойнаго прохожденія сана священника. Необходимо, чтобы священникъ дополнялъ и усовершалъ свои познанія. Но не требуется ли этого отъ воспитанника всякаго учебнаго заведенія при поступленіи его на службу? Достаточно для семинарскаго образованія и того, что оно дѣлаетъ человѣка способнымъ къ дальнѣйшему образованію. Семинаристы поступаютъ въ Университетъ, Педагогическій Институтъ, Медико-Хирургическую Академію, на службу всякаго вѣдомства и вездѣ легко пріобрѣтаютъ нужныя дальнѣйшія познанія**).

---

*) Отъ одного знаменитаго доктора, профессора Моск. Универс., мы слышали, что логичность мышленія преимущественно развита у семинаристовъ. Прочитавъ одно нелогическое описаніе болѣзни, сдѣланное студентомъ, онъ едва повѣрилъ, что тотъ учился въ Семинаріи.

**) Изъ біографическаго словаря профессоровъ Московскаго Университета видно, что треть профессоровъ его вышла изъ духовнаго званія, изъ семинаристовъ.

Что касается до нравственнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, то его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. У насъ болѣе учатъ, чѣмъ воспитываютъ. Воспитаніе ограничивается почти только отрицательными мѣрами. Стараются не допускать воспитанниковъ до шалостей и проступковъ; но мало заботятся о возбужденіи воли къ самодѣятельности, о развитіи живаго сознанія своихъ будущихъ обязанностей и стремленія дѣйствовать неуклонно и неутомимо въ званіи учителя руководителя, духовнаго отца народа. Безпрекословное повиновеніе даже одному капризу начальника — вотъ что считается обязаностію ученика! Отъ того въ характерѣ семинариста образуется какая-то упругость, тягучесть, способность сживаться съ обстоятельствами, выносить то, чего другой никогда бы, можетъ быть, не перенесъ, но нѣтъ жажды свободной дѣятельности, стремленія простереть свое вліяніе далѣе казенной формы; — яснѣе сказать, нѣтъ желанія и ревности стать чѣмъ нибудь болѣе, чѣмъ однимъ совершителемъ таинствъ и обрядовъ для народа... Между тѣмъ ни для кого такъ не нужно тщательное воспитаніе, какъ для

дѣтей духовнаго званія. Домашнее воспитаніе ихъ скудно и бѣдно: ему негдѣ пробрѣсть понятія объ условныхъ приличіяхъ свѣта; часто онъ не умѣетъ ни войти въ комнату, какъ надо, ни встать, ни сѣсть, ни учтиво поклониться, и вѣжливо сказать слово. Семи, осьми лѣтъ его отвозятъ въ школу, и до окончанія курса онъ продолжаетъ жить, почти не зная другаго общества, кромѣ своихъ товарищей. Мудрено ли послѣ этого, что семинаристъ, незнакомый съ условіями общества, бываетъ неловокъ, даже, можетъ быть, смѣшонъ; у него образуются свои понятія чести, приличія, мало соотвѣтствующія общепринятымъ. — Это-то и составляетъ тотъ типъ семинариста, надъ которымъ любятъ посмѣяться. Конечно, есть не мало исключеній: дѣти достаточныхъ родителей бываютъ и ловки и развязны; но мы говоримъ о большинствѣ. Оно не знакомо съ житейскими отношеніями, съ наукою жить. Главное правило, главное знаніе для него въ училищѣ — грамматика, въ Семинаріи — система (словесности, философіи, богословія). Одинъ ученикъ училища, подавая Архіерею трость, не поцѣловалъ у него руку ... „Что въ грамматикѣ не написано,

сказалъ Архіерей, цѣловать руку Архіерея, когда ему подаютъ трость?“ „Нѣтъ, отвѣчалъ, мальчикъ. „Ну ты правъ.“ И точно семинаристъ думаетъ, что вся мудростъ житейская заключена въ грамматикѣ и системѣ ея! Между тѣмъ школа науки и школа жизни — двѣ совершенно различныя вещи. Стоитъ только, взявъ списокъ воспитанниковъ Семинаріи, спустя лѣтъ пять, десять, сличить судьбу ихъ, и окажется, что не рѣдко первые становятся послѣдними, а послѣдніе первыми. И это естественно. При совершенномъ незнаніи житейскихъ отношеній, семинаристъ прямо со школьной скамьи, изъ подъ надзора начальства, пріучившаго его повиноваться безъ разсужденія, дѣлаетъ крутой переходъ къ самостоятельной жизни, столь самостоятельной, какая на долю воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній рѣдко прямо выпадаетъ. Онъ дѣлается главою семейства, настоятелемъ церкви и причта, духовнымъ пастыремъ прихода; на него возлагаются различныя духовныя и свѣтскія должности; онъ поставляется въ многообразныя, часто весьма затруднительныя, отношенія къ помѣщикамъ, поселянамъ, къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ. Чѣмъ болѣе

онъ надѣется на свои познанія, на свой умъ, тѣмъ чаще онъ впадаетъ въ ошибки, запутывается въ дѣлахъ и подпадаетъ штрафу. Слабый по способностямъ и ученію семинаристъ, не довѣряя себѣ, дѣйствуетъ осторожнѣе, и мало по малу пріобрѣтаетъ нужныя опытность и благоразуміе, и вмѣстѣ съ этимъ заслуживаетъ доброе мнѣніе начальства. — Потому-то необходимо въ Семинаріяхъ пріучать къ самостоятельной дѣятельности, знакомить съ будущими отношеніями, развивать чувство законности, требовать повиновенія не во имя своей личной воли, своего каприза, но во имя закона, объясняя почему это нужно и для чего. Иначе и семинаристъ пріучится требовать сѣбѣ повиновенія во имя личнаго каприза. Не осуждаемъ намѣреній начальства духовныхъ училищъ; оно имѣетъ въ виду послушаніе иноческое, и исполненіемъ своихъ приказаній безъ разсужденія думаетъ пріучить къ смиренію. Но прямо скажемъ, что оно ошибается, и достигаетъ противоположныхъ результатовъ. Монашеское послушаніе есть обѣтъ произвольный, и потому не обязательный для всѣхъ; требуй его отъ того, кто сознательно отрекся отъ своей воли! Начальникъ

не долженъ забывать, что онъ не есть законъ, но наблюдатель за исполненіемъ закона. Зная горькія слѣдствія непослушанія, подчиняются и капризу; но въ душѣ остается скорбное чувство оскорбленнаго достоинства. Опытъ показываетъ, что безропотно послушные подобнаго рода приказаніямъ, въ жизни семейной и общественной, сами становятся деспотами. Ласковое, довѣрчивое, отеческое обращеніе смягчитъ грубость первоначальнаго воспитанія, дастъ свободу развитію мальчиковъ, принесетъ имъ рѣшеніе на многіе вопросы жизни, укажетъ имъ и настоящій способъ дѣйствованія въ будущемъ ихъ служеніи. — Неразвязность духовныхъ воспитанниковъ, непривычка ихъ къ бесѣдѣ съ посторонними, имѣетъ слѣдствіемъ то, что они кажутся менѣе знающими, нежели знаютъ на самомъ дѣлѣ, и не умѣютъ употребить въ дѣло своихъ познаній и высказать ихъ.

Между тѣмъ духовный воспитанникъ всѣ знанія пріобрѣтаетъ именно для того, чтобы передавать ихъ народу. Потому развитіе этой развязности, этой способности передавать другимъ свои знанія и свои мысли, должно быть предметомъ особен-

наго попеченія начальства. Нужно пріучать семинаристовъ къ устнымъ состязаніямъ, заставлять излагать сочиненія не въ формѣ сухаго разсужденія, но живой бесѣды; самые уроки передавать такъ, какъ бы они передавали заключающіяся въ нихъ истины значительному кругу слушателей. Пусть все напоминаетъ духовному воспитаннику, что онъ назначается быть учителемъ народа, и все направлено будетъ къ этой цѣли при его образованіи.

Мы откровенно высказали свои мысли о достоинствѣ и недостаткахъ семинарскаго образованія и воспитанія и общая картина далеко не такъ мрачна, какъ ее рисуетъ авторъ книги: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи.“ Въ сравненіи съ Семинаріями, свѣтскія учебныя заведенія имѣютъ гораздо болѣе недостатковъ.

Что касается до наставниковъ Семинарій, — то когда мы учились, всѣ они были люди молодые, способные и усердные къ своему дѣлу. Изъ уроковъ академическихъ они передавали намъ все, что могло быть намъ полезно и нужно! Профессоръ Философіи былъ отличный наставникъ. Четыр-

надцати лѣтъ я началъ слушать курсъ философіи и въ шестнадцать уже знакомъ былъ съ философіею Платона, Аристотеля, Декарта, Бакона, Локка, Малебранша, Лейбница, Канта, Фихте и Шеллинга. Въ наше время еще читали исторію философіи во всемъ ея объемѣ. Живой энергическій нашъ наставникъ живымъ словомъ возбуждалъ любовь къ наукѣ, угадывалъ проблески дарованія въ каждомъ ученикѣ и поощрялъ его своимъ вниманіемъ. И теперь, черезъ двадцать почти пять лѣтъ, ученики съ любовію и благодарностію вспоминаютъ объ немъ. Его классъ былъ праздникомъ для насъ; а этотъ праздникъ былъ всякій день. Любовь къ философіи такъ была пробуждена въ насъ, что очень многіе своею рукою списывали уроки по философіи Голубинскаго, переписывали выходившіе тогда сочиненія и переводы, и, просиживая ночи за этими трудами, съ одушевленіемъ слѣдили за всѣми явленіями въ области философскихъ наукъ, не пропуская безъ вниманія не только замѣчательной книги, но и дѣльной журнальной статьи. И все это ученіе философіи строго покорялось святой Вѣрѣ, какъ

ступень къ ней, какъ руководство. „Теперь," говорилъ намъ наставникъ философіи, при переходѣ нашемъ на курсъ богословскій, „теперь поручаю васъ, братіе, говоря словами Апостола Павла, Богу, и слову Его благодати, могущему наздать васъ болѣе и дать вамъ наслѣдіе со всѣми святыми. Вы знаете, что моя единственная забота была пробудить въ васъ любовь къ Истинѣ Вѣчной, добру присносущему, красотѣ несозданной. Могу и я съ Апостоломъ сказать, что любовь къ вамъ, любовь къ истинѣ руководила мною." — Мы всѣ плакали, прощаясь съ нимъ.

Что касается до нравственнаго состоянія, то главнымъ недостаткомъ была нѣкоторая грубость и соединенныя съ нею пороки, но духъ послушанія начальству былъ твердо укорененъ. Это, кажется, общее свойство воспитанниковъ духовныхъ. Недаромъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ университетской жизни говоритъ: „Съ нами были семинаристы; они завидовали нашей развязности, а мы досадовали на ихъ Христіанское смиреніе." — Но среди воспитанниковъ, моего времени были юноши, проникнутые глубокимъ чувствомъ благочестія, силившіеся

подражать аскетизму древнихъ отцевъ, любившіе тайно отъ товарищей проводить ночное время въ молитвѣ, искать случая подвергнуться незаслуженному наказанію со стороны начальства, чтобы претерпѣть это ради Господа.

Не смотря на всю строгость главнаго начальника Семинаріи, я съ чувствомъ любви и скорбнаго сожалѣнія оставилъ Семинарію, и тогда же писалъ къ одному товарищу, прилагая слова пѣсни Пророка Іереміи: Аще забуду тебе... забвена буди десница, аще не поляну тебе, аще не предложу, яко въ началѣ веселія моего. — И всѣ товарищи, сколько припомню, спустя десять, двадцать лѣтъ, съ признательностію посѣщали мѣсто своего воспитанія, осматривали каждый уголокъ, гдѣ они сиживали, каждую березку, подъ которою учили уроки, съ отраднымъ чувствомъ припоминать былое время юности съ ея мечтами и наслажденіями. — Мнѣ кажется, нужно имѣть самое неблагодарное сердце, чтобы ругать намъ наше семинарское образованіе. Кто неволилъ получать его? Духовное начальство никого насильно не принуждаетъ поступать въ Семинаріи. Ступай, если хочешь, въ Лицей,

въ Училище Правовѣденія, въ Университетъ, въ Гимназію. Но я не имѣю правъ поступить въ Лицей въ Училище Правовѣдѣнія, я не имѣю средствъ воспитываться въ Гимназіи, въ Университетѣ. Такъ зачѣмъ же жаловаться? Эта жалоба похожа на то, какъ если бы нищій, протягивая руку за подаяніемъ, сталъ ругаться зачѣмъ ему даютъ грошъ, а не сто рублей серебромъ. Семинарское образованіе дѣлаетъ насъ людьми, даетъ намъ возможность имѣть свой кусокъ хлѣба, даровитымъ людямъ открываетъ возможность получить высшее образованіе, достигнуть высшихъ степеней не только въ духовномъ званіи — сана Епископа, Митрополита, но и въ свѣтскомъ званіи оно дало возможность Сперанскому, родившемуся въ полѣ, когда мать его жала рожь, достигнуть званія графа Россійской Имперіи. Уничтожьте училища, духовныя Семинаріи, и что будутъ дѣти священно и церковно-служителей? Извѣстная у духовныхъ поговорка: какъ не будешь учиться, такъ пастухомъ будешь, осуществилась бы буквально.

Грустно, невыразимо грустно въ воспитанникѣ Семинаріи встрѣтить такую неблагодарность къ мѣ-

сту своего воспитанія. Что не пусто это образованіе, — доказываетъ уже возможность составленія подобной книги, какъ „Описаніе сельскаго духовенства“, семинаристомъ, неполучившимъ высшаго образованія. По этому-то мы не желали бы съ авторомъ книги, чтобы въ училищахъ и Семинаріяхъ все было измѣнено и преобразовано, а только желаемъ того, чтобы нѣчто было улучшено.

Перейдемъ теперь за авторомъ къ разсмотрѣнію судьбы сельскихъ іереевъ.

1. Поступленіе на мѣста.

Опредѣленіе на мѣста въ духовномъ званіи гораздо легче, нежели въ свѣтскомъ. Иначе, что̀ бы заставило студента Семинаріи, имѣющаго 14^{й} классъ, страдать такъ въ пріисканіи мѣста, какъ описываетъ это страданіе авторъ книги? Онъ поступилъ бы въ гражданскую службу. Епархіальное начальство почти никогда не удерживаетъ противъ воли въ духовномъ званіи. Мѣста лучшія, говоритъ авторъ, раздаются архіерейскимъ племянницамъ. Но для этого нужно, чтобы Архіерей былъ родомъ изъ той епархіи, гдѣ онъ Архіереемъ, а это рѣдко бываетъ. Потомъ племянницы сами не получаютъ мѣстъ;

нуженъ для нихъ женихъ. Отчего же лучшему ученику, не быть женихомъ и мужемъ архіерейской племянницы? Вотъ ему и лучшее мѣсто. Потомъ, не законно ли и лучшаго по аттестату ученика испытать на худшемъ мѣстѣ, дабы узнать, будетъ ли онъ лучшій и по жизни, а не по одному аттестату? Школа науки и школа жизни, какъ мы сказали, двѣ совершенно различныя вещи. Чтобы и посредственныя мѣста продавались за деньги, въ Московской епархіи, мы этого не слыхивали. Потому пусть исключитъ ее авторъ изъ списка епархій, ему извѣстныхъ. Что дочери бѣдныхъ не получаютъ богатыхъ жениховъ, на это странно указывать, какъ на недостатокъ именно духовнаго званія. Мало ли гдѣ этого не бываетъ? Вопросъ сдѣлается слишкомъ общій: почему богачъ не беретъ за себя нищую, почему богатая невѣста не выходитъ за бѣдняка и пр.? Напротивъ нигдѣ такъ легко не устроиваются сироты и бѣдныя, благодаря попеченіямъ Архіереевъ, какъ именно въ духовномъ званіи. Примѣры этого вы встрѣтите повсюду, и всякій духовный подтвердитъ это. Кажется, авторъ самъ не знаетъ, что говоритъ. То

жалуется онъ, что семинариста принуждаютъ жениться противъ воли, то жалуется, что семинаристы обходятъ бѣдныхъ невѣстъ, а берутъ богатыхъ.

Что касается до семейнаго быта священника, то общій голосъ признаетъ женъ священниковъ счастливицами. Въ молодыхъ лѣтахъ, не растративъ силъ и чувствъ своихъ, семинаристъ вступаетъ въ семейную жизнь, и любитъ и бережетъ свою жену, такъ какъ другой ему не дадутъ. Дѣвушекъ съ высшимъ образованіемъ, какъ и вообще женщинъ, онъ почти не знаетъ, а потому его не можетъ и возмутить сравненіе ихъ съ его женою. Одна дама, урожденная княжна Ш., аристократка по рожденію и по мужу, часто говаривала мнѣ, что еслибы она могла возвратиться опять къ дѣвичьей жизни съ настоящимъ знаніемъ свѣта, то ни за кого бы не вышла за мужъ, какъ за священника; потому, что нигдѣ жены не бываютъ такъ спокойны и счастливы, какъ у священниковъ. Если что причиняетъ скорби въ ихъ жизни, то это ихъ бѣдность, но мой милліонъ устранилъ бы это горе. —

Напрасны жалобы на перезрѣлыхъ невѣстъ; Архіереи строго наблюдаютъ, чтобы этого не было.

Средства жизни священниковъ дѣйствительно скудны, но надобно припомнить, что и потребности ихъ ограничены. Они рождены въ этой скудости, въ ней воспитаны и имъ не тяжело и нести ее.

Прилично ли, законно ли іерею произносить проклятіе на Архіереевъ за то, что они возставали противъ жалованья духовенству? Безъ всякаго прекословія, говоритъ Апостолъ, меньшее отъ большаго благословляется... Неужели авторъ книги не могъ отгадать причинъ, которыя побуждали Архіереевъ къ подобной мѣрѣ? 1., Дѣло шло о епархіяхъ, гдѣ духовенство имѣетъ достаточное содержаніе и безъ того. 2., Опредѣленіе жалованья священникамъ отъ казны могло поставить ихъ на степень чиновниковъ, зависимыхъ отъ гражданскаго начальства, а для силы Церкви, для ея значенія, для сохраненія ея чистоты, требуется ея самостоятельность. 3., Вознагражденіе отъ прихожанъ за совершеніе требъ сближаетъ священника съ прихожанами, поставляетъ ихъ въ болѣе тѣсное взаимное отношеніе, заставляетъ священника заботиться о любви прихожанъ, а прихожанъ принимать участіе въ его семейномъ положеніи. Одинъ Архіерей писалъ къ

Н., что нѣкоторые священники, получающіе жалованье, не ходятъ совершать требы, не хотятъ служить молебновъ, — требуя за нихъ неумѣреннаго вознагражденія. — Прихожане не терпятъ въ священникѣ корыстолюбія и притязательности, но съ любовію даютъ по мѣрѣ средствъ своихъ, и почли бы себя оскорбленными, если бы священникъ откарался принять приношеніе ихъ усердія. Разсказывали мнѣ примѣры, что прихожане стали удаляться отъ священниковъ, какъ отъ чиновниковъ, когда тѣ стали жалованье получать; ихъ подкупаютъ, говорятъ они, и особенно этимъ пользовались раскольники, чтобы отдалить народъ отъ духовенства. Говоримъ не къ тому, чтобы признавали вреднымъ назначеніе жалованья священникамъ, но къ тому, чтобы показать, что возстававшіе противъ жалованья имѣли свои уважительныя причины, съ которыми можно не согласиться, но за которыя проклинать безсмысленно, нелѣпо, дерзко.

Трудно положеніе священника въ селѣ, особенно молодаго. Ему нужно дополнять, усовершать свои познанія, ему нужно общество для отдохновенія въ свободное время. Но книгъ ему негдѣ взять;

въ обществѣ крестьянъ онъ не найдетъ себѣ отвѣта ни на одинъ вопросъ, его занимающій. Онъ можетъ и долженъ являться въ среду ихъ, какъ наставникъ, какъ учитель, отъ котораго они будутъ слушать наставленія и назиданія, но не какъ равный. Ему непремѣнно нужно при сношеніи съ ними сохранять степенную важность, привѣтливость и ласку, но ласку отца къ своимъ дѣтямъ, привѣтливость учителя къ своимъ ученикамъ, — иначе онъ потеряетъ все ихъ уваженіе. Но онъ не можетъ отвести душу свою въ равной бесѣдѣ, обмѣняться мыслями. Что касается до общества помѣщиковъ, которые иногда бываютъ въ селахъ; то мы согласны съ тою картиною быта мелкихъ помѣщиковъ, какую нарисовалъ авторъ. Чѣмъ далѣе будетъ священникъ отъ такого общества, тѣмъ лучше будетъ для него. Счастливъ священникъ, если встрѣтитъ помѣщика благочестиваго, интересующагося духовною литературою. Здѣсь онъ найдетъ для себя истинное отдохновеніе, пищу для ума, подкрѣпленіе и вразумленіе въ своемъ служеніи. Но вообще сближеніе священника даже съ лучшими помѣщиками, не безъ вреда для него. Этотъ внѣшній

лоскъ, эта свѣтская образованность, эти удобства жизни, и роскошь въ столѣ, одеждѣ, жилищѣ, эти разсказы о большомъ свѣтѣ, эта любезность дамъ, ихъ изящество въ одеждѣ, поступи, голосѣ, ихъ пѣніе, музыка — все это переноситъ священника-семинариста въ новый, невѣдомый міръ. Ему тѣсна, грязна послѣ того кажется собственная его жизнь, начиная отъ жилища до жены. Въ душѣ его рождается недовольство его воспитаніемъ, его положеніемъ, его семействомъ, всѣми отношеніями его. И мудрено ли послѣ этого, что онъ напишетъ о своемъ образованіи и положеніи такую книгу, какъ „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи?“ Бѣдный семинаристъ! Куда увлекли тебя мечты? Пышную княжну, подъ звуки Штраусовскаго вальса порхающую по паркету блистающихъ позолотой комнатъ, не введешь въ домикъ сельскаго священника въ качествѣ жены его?!!... По этому-то занятіе сельскимъ хозяйствомъ, хотя дѣйствительно и огрубляетъ нѣсколько священника, но за то даетъ ему на цѣлое лѣто и на половину зимы занятія, избавляющія его отъ опасности привязаться къ быту, котораго онъ не можетъ никогда у себя устроить.

Во многихъ селахъ бывалъ я, со многими священниками говаривалъ, но ни отъ кого не слыхалъ, чтобы прихожане принуждали священника пить, и десять лѣтъ въ состояніи были сердиться за то, если онъ не пьетъ. Вездѣ прихожане любятъ непьющихъ священниковъ, и довольны тѣмъ, если священникъ благословитъ имъ ястіе и питіе. Нарочно заводилъ я разговоръ и съ крестьянами. Они сами осуждаютъ священниковъ, охочихъ до угощеній. Священникъ самъ виноватъ, если онъ не умѣетъ держать причта въ своихъ рукахъ. Самъ авторъ книги признается, что это бываетъ тогда, какъ священникъ самъ подверженъ слабости.

Не знаемъ мы, въ какой епархіи бываютъ благочинные, представленные авторомъ книги. До его книги мы не представляли себѣ возможности подобныхъ благочинныхъ, нѣсколько десятковъ ихъ зная на своемъ вѣку коротко. Благочинный мало имѣетъ по своей должности отношеній къ Консисторіи. Онъ доноситъ непосредственно Архіерею. Власть его и значеніе слишкомъ ограничены, чтобы онъ могъ сдѣлать что нибудь въ пользу себя или во вредъ другаго. Архіерей выслушиваетъ обвиняемаго лич-

но, и всякій лживый доносъ обратится на голову доносчика. Знаю, что есть доходы и благочинныхъ, но они не покрываютъ почти расходовъ по объѣздамъ церквей и поѣздокъ къ Архіерею, если благочинный живетъ далеко отъ мѣста его жительства. Въ Московской губерній неохотно принимаютъ на себя священники эту почетную дожность. Но не осуждаю мысли автора книги о томъ, чтобы благочинные были избираемы духовенствомъ, и при томъ закрытою балотировкой.

О духовныхъ Правленіяхъ и Консисторіяхъ не будемъ говорить, потому, что не имѣли счастія или несчастія познакомиться съ ними. Разъ въ жизни съ тѣмъ и другимъ мѣстомъ пришлось намъ имѣть сношеніе по метрическому свидѣтельству, и ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не взяли съ насъ за хлопоты ни копѣйки. Но это, можетъ быть, исключительный случай; Консисторіи всѣ ругаютъ; лучшею считаютъ Петербургскую; въ Московской по крайней мѣрѣ члены не берутъ взятокъ, а въ провинціальныхъ, говорятъ, они не уступаютъ и подъячимъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣшительное преобразованіе ихъ необходимо не только для спокойствія духо-

венства, но и для чести человѣчества. Самые строгіе, самые дѣятельные Архіереи, не смотря на все свое желаніе, не въ силахъ исправить это зло при нынѣшнемъ устройствѣ, и украсить Георгіемъ 1й степени нужно бы того, кто изобрѣлъ бы проэктъ, разбивающій на голову это полчище взяточниковъ. —

Не защищая Консисторій, считаемъ долгомъ совѣсти защитить Архіереевъ отъ несправедливыхъ нареканій. Тутъ авторъ пустилъ въ ходъ всю свою риторику, всю свою патетику чтобы забросать грязью этихъ, какъ онъ называетъ, сатраповъ въ рясахъ. Спросили бы мы прежде: видалъ ли онъ пріемы министровъ, губернаторовъ и другихъ разныхъ чиновъ въ мундирахъ, а не въ рясахъ? Если видалъ, то не сталъ бы такъ ругать пріемовъ у Архіереевъ, гораздо болѣе доступныхъ нежели свѣтскіе начальники. Напрасно бы тотъ трудился, кто бы пожелалъ, по описанію автора книги, узнать, гдѣ и какъ принимаетъ Архіерей просителей. „Какъ собакъ, пишетъ онъ, держатъ іереевъ за дверми своихъ прихожихъ: кликнутъ на нѣсколько минутъ — для подачи ли прошеній или для необходимыхъ объясненій, — и стараются какъ можно скорѣе выпроводить ихъ изъ

своей прихожей. Не только удостоить продолжительнаго собесѣдованія, — даже подойти близко не хотятъ они къ іерею, и изъ дверей зала протягиваютъ руку для пріема прошеній.“ Читатель видитъ, что священники находятся у Архіерея за дверями прихожей, и именно на лѣстницѣ, какъ выше сказалъ авторъ: „іереи, даже покрытые сѣдинами постыдно толкаются въ сѣняхъ (даже и не въ прихожей!) съ причетниками и мужиками; сидятъ на лѣстницѣ въ ожиданіи выхода Владыки; нѣтъ нужды, что это бываетъ и въ морозы градусовъ въ 25.“ На слѣдующей страницѣ авторъ книги изображаетъ сельскаго священника, готовящагося предстать предъ Архіерея: „Страшныя конвульсіи въ рукахъ у него. Онъ обдумываетъ, какъ и что сказать Архіерею: но мимо его непрестанно снуетъ архіерейская сволочь — отъ письмоводителя и до лакея, — и каждый какъ будто необходимымъ считаетъ толкнуть его и разорвать нить его мыслей лакейски грубымъ: что сталъ не на мѣстѣ. Онъ отходитъ въ другое мѣсто, но гдѣ бы ни сталъ, гдѣ бы ни сѣлъ, — вездѣ не на мѣстѣ, вездѣ ругаютъ. „Преосвященный идетъ“ шопотомъ раздается въ толпѣ просп-

телей. Принявъ прошенія, Архіерей обращается къ іерею съ вопросомъ: тебѣ что? Объясниться съ В. П. „Вѣрно кляузы какія нибудь. Не дослушавъ, Архіерей обращается спиною.“ Вотъ до чего доводитъ риторика? За кого же авторъ принимаетъ читателей своихъ? Вы сказали, что іереи со всѣми просителями сидятъ въ сѣняхъ на лѣстницѣ въ 25го градусовъ морозу. Неужели Архіерей выходитъ къ нимъ туда? Неужели и тамъ архіерейская сволочь, не исключая и письмоводителя, непрестанно снуетъ мимо просителей и гоняетъ ихъ со ступеньки? Вѣрно имъ нечего дѣлать, особенно архіерейскому письмоводителю!! Какъ же вы говорили, что Архіерей не хочетъ близко подойти, а изъ залы протягиваетъ руку для принятія прошеній, и священника, изъ за дверей прихожей только вызываютъ подать прошеніе? А тутъ самъ Архіерей выходитъ, самъ обираетъ прошенія и спрашиваетъ іерея, о которомъ очевидно не было ему доклада: за чѣмъ онъ? Что нибудь да не такъ! Тому, кто обвиняетъ архіерея за то, что онъ не хочетъ близко подойти къ іерею, согласно ли съ духомъ Христіанскаго смиренія оскорбляться тѣмъ, что приходится сидѣть вмѣстѣ

съ причетникомъ и мужикомъ? Развѣ не съ ними вмѣстѣ молится іерей въ храмѣ Божіемъ? Развѣ не въ томъ же олтарѣ прислуживаетъ причетникъ священнику, въ которомъ онъ приноситъ жертву святую? Если онъ можетъ войти во святое святыхъ, гдѣ престолъ Божій, гдѣ самъ Господь въ таинственной жертвѣ: то неужели будетъ оскорбленіемъ для священника, если онъ посидитъ съ нимъ на одной скамьѣ? И, можетъ быть, этотъ причетникъ отецъ, братъ или зять священника! Учащій высшихъ себя смиренію, должнъ бы самъ явить примѣръ; а то видно, что гордость говоритъ во всѣхъ этихъ упрекахъ. Если іерею кажется вреднымъ сидѣть рядомъ въ дьячкомъ и мужикомъ, чтобы они не потеряли уваженія: то развѣ и Архіерей не можетъ опасаться, что излишнимъ сближеніемъ съ священниками, онъ лишится уваженія ихъ. Іерей понимаетъ важность своего сана, выставляетъ высоту его: зачѣмъ же онъ забываетъ еще большую высоту сана Архіерейскаго, зачѣмъ онъ не хочетъ видѣть въ немъ образа Самого Господа, къ которому истинный служитель Христовъ не дерзнетъ никогда обратиться

не только съ укорительнымъ словомъ, но и съ тайнымъ ропотомъ?...

Помѣщеніе у Архіереевъ большею частію бываетъ небольшое. Естественно, что просители, которыхъ иногда въ день перебываетъ до ста человѣкъ, тѣснятся у него и въ прихожей и въ сѣняхъ, которыя впрочемъ бываютъ теплыя. По самому свойству дѣлъ, касающихся Архіерея, онъ долженъ съ каждымъ просителемъ переговорить наединѣ. Но для сотни просителей и по пяти минутъ отдѣлить много; съ кѣмъ нужно переговорить, онъ вызываетъ того въ залу или пріемную. Размѣстить всѣхъ просителей по ихъ чинамъ и орденамъ рѣшительно нѣтъ возможности. Посмотрите на пріемныя и свѣтскихъ начальниковъ: тутъ вмѣстѣ и генералъ со звѣздами, и купецъ съ бородой, и сіятельный князь или графъ, и бѣдная вдова мѣщанка. — Не оскорбляются же этимъ; одному іерею Божію пришла только въ голову подобная идея. — Но простите ему, добрые читатели: онъ семинаристъ; онъ изъ духовнаго званія: а семинаристъ, по его же собственнымъ словамъ, не можетъ быть представленъ безъ претензій. — Чтобы Архіерей въ то время, какъ

онъ принимаетъ просителей, допустилъ у себя сидѣть четыре часа помѣщику, — это рѣшительная нелѣпость. Кто знаетъ, сколько дѣла у Архіереевъ, какъ мало они имѣютъ времени для отдыха, тотъ признаетъ, что ему рѣшительно невозможно потерять четыре дорогихъ для него часа пріемнаго дня — на пустыя бесѣды, съ пустымъ человѣкомъ, изъ за того только, что его жена или дочь пришлютъ банку варенья, или подушку, вышитую горничными. Для собственнаго облегченія Архіерей никогда не можетъ откладывать дѣла; оно не уходитъ отъ него, а только наростаетъ. Въ одинъ день не прочиталъ онъ кипы дѣлъ консисторскихъ, — не принялъ 50 ти просителей; на другой день у него двѣ кипы дѣлъ и 100 просителей, и такъ пойдетъ въ удвоенной пропорціи. Послѣ этого досугъ ли Архіерею принимать священника, пріѣхавшаго на базаръ такъ просто безъ всякаго дѣла? Если ему нужно въ чемъ нибудь наставленіе по дѣламъ службы, онъ можетъ смѣло явиться, и Архіерей выслушаетъ его и дастъ наставленіе. Священникъ, внимательный къ своимъ обязанностямъ, въ вопросахъ своей совѣсти, въ своихъ отношеніяхъ къ прихо-

жанамъ, найдетъ множество случаевъ быть у Архіерея за дѣломъ. Онъ, если хочетъ, всегда можетъ обратить на себя вниманіе Архіерея, не просто являясь безъ дѣла на глаза его, но по обязанностямъ своей службы... Не говоритъ ли въ этомъ желаніи пустое тщеславіе, чтобы можно было похвастаться, что я дескать былъ у Архіерея? за чѣмъ? да такъ посидѣть у него, повидаться съ нимъ... Если іерей дозволяетъ себѣ осыпать проклятіями Архіереевъ, звать ихъ сатрапами въ рясахъ, называть ихъ лакейски грубыми, — въ правѣ ли онъ сердиться на Архіерея за то, что тотъ называетъ деревенскихъ поповъ ослами, отъ которыхъ не услышишь слова толковаго? Іерей, который въ слухъ всей Европы, такъ опозорилъ своихъ Архіереевъ, имѣетъ ли право жаловаться, если Архіерей обругалъ его въ присутствіи какого-нибудь помѣщика? И неужели похвалы заслуживаетъ тотъ священникъ, котораго изобразилъ авторъ книги? „Его образованіе безцѣльно, нелѣпо, ничтожно; мало добра, а много зла онъ вынесъ изъ Семинаріи; на мѣстѣ онъ дѣлаетъ всякаго рода мерзости; прежде всего у него чарка; никакого сознанія обязанностей,

ни страха Божія, ни совѣсти передъ людьми; если онъ благочинный или членъ Консисторіи, то страшный грабитель и взяточникъ", — если таковъ дѣйствительно іерей, — то какого названія онъ стоитъ, какого пріема заслуживаетъ? Но для автора книги: „Описаніе сельскаго духовенства", — истина — дѣло постороннее, противорѣчій самому себѣ онъ не боится. Когда нужно ругать образованіе семинарское, онъ не находитъ въ немъ ничего хорошаго; когда нужно поругать священниковъ, онъ бранитъ въ нихъ все; но дѣло дошло до Архіереевъ, — и вотъ священники являются у него высокими, достойными служителями, единственными сотрудниками Архіерея, черезъ которыхъ онъ можетъ узнать нужды паствы, которые могутъ поучить Архіерея, о чемъ онъ доженъ бесѣдовать съ крестьянами, барами, купцами, которые въ состояніи сдѣлать его слово не звукомъ мѣди звѣнящей, какъ теперь, а словомъ живымъ, проникающимъ до глубины костей и мозговъ и врѣзавшимся въ сердца слушавшихъ. Откуда же мудрость такая взялась у тѣхъ священниковъ, которыхъ въ такомъ жалкомъ, отврати-

гельномъ видѣ незадолго передъ тѣмъ представилъ авторъ книги?...

Часто въ книжкѣ встрѣчается упоминаніе о богатствѣ Архіереевъ, о роскоши ихъ. А намъ кажется: ни гдѣ Архіереи такъ не бѣдны, какъ въ Россіи. Переберемъ епархіи, на которыя указываетъ авторъ. Содержаніе Московскаго Архіерея, конечно, достаточное; онъ получаетъ жалованья и доходовъ отъ управляемыхъ имъ монастырей (Лавры и Чудова) около 9,000 р. серебромъ. Но кто не знаетъ скромности его жизни, отвращенія отъ всякой роскоши и вмѣстѣ несобиранія денегъ? Онъ истрачиваетъ все, но не на себя, а на бѣдныхъ, и разныя дѣла благотворенія. Тверской и Ярославскій — получаютъ около 3,000 р. серебромъ со всѣми окладами; Владимірскій имѣетъ средства для содержанія дома достаточныя; но для себя получаетъ немного болѣе жалованья (600 руб. сер.); Костромской съ трудомъ можетъ прокормить себя, получая не болѣе 700 рубл.; а своей свиты не имѣетъ, чѣмъ и кормить; Тульская и Калужская епархіи доставляютъ крайне бѣдныя средства для содержанія Архіереевъ. Ставропольскій Архіепископъ

Іеремія распустилъ своихъ пѣвчихъ по невозможности ни отопить ихъ помѣщенія, ни прокормить ихъ самихъ. Нынѣшній Олонецкій Архіепископъ, старецъ Аркадій, какъ всѣмъ извѣстно, не имѣетъ на столѣ болѣе двухъ простыхъ блюдъ. Объ Рязанскомъ извѣстно, что на него даже жаловались высшему начальству, что неприлично бѣдно одѣвается, и отъ того, что не имѣетъ средствъ сшить приличную рясу. Знаемъ мы, что иногда Архіерею во время болѣзни не только не на что пригласить врача и купить лекарства, даже не на что купить и рыбы для ухи. Подарятъ Архіерею орловскихъ рысаковъ, — онъ поѣдетъ на нихъ, не подарятъ, — онъ ѣздитъ на лошадяхъ въ 30 цѣлковыхъ, въ старой колымагѣ.

Если священнику тяжелъ подвигъ, по словамъ автора книги, остаться честнымъ и чистымъ въ атмосферѣ причетничества и люда православнаго; то не болѣе ли тяжелъ подвигъ для Архіерея, когда у него въ вѣдѣніи тысячи этихъ приходовъ, съ прибавкою десятка монастырей и тысячи священниковъ, изъ которыхъ многіе ведутъ себя недостойно? Сколько разъ, можетъ быть, обливается

кровію его сердце при видѣ безпорядковъ, нравственнаго растлѣнія своей паствы, за которую (онъ твердо это помнитъ) онъ долженъ дать отчетъ на страшномъ судѣ? Сколько возникаетъ у него трудныхъ, запутанныхъ служебныхъ дѣлъ изъ отношеній его къ свѣтской власти, къ высшей духовной? И онъ одинъ долженъ работать своею головою, болѣть своимъ сердцемъ, не имѣя человѣка, съ кѣмъ бы могъ посовѣтоваться... Какъ часто, измученный, усталый, онъ склоняется на ложе позднею порою, не имѣя силъ освѣжить себя продолжительною молитвою? И за всѣ труды, за всѣ скорби онъ часто встрѣчаетъ ропотъ, осужденіе, недовольство! Если сельскій іерей хочетъ, чтобы Архіерей побывалъ на его мѣстѣ, то я желалъ бы, чтобы и іерей побывалъ на мѣстѣ Архіерея, и тогда пересталъ бы осуждать его! Бытъ сельскихъ іереевъ извѣстенъ нашимъ Архіереямъ; потому, что они сами — дѣти духовныхъ, воспитывались и росли среди этого круга, по родственнымъ отношеніямъ и своей службѣ всегда близки къ нему, — и потому монашество ихъ и воспитаніе въ Академіи не препятствуетъ ему знать бытъ сельскаго священ-

ника. Воспитаніе въ Академіи, не говоря о высшемъ образованіи, уже потому полезно для будущаго служенія Пастырей, что здѣсь онъ въ лицѣ товарищей и черезъ нихъ знакомится съ нуждами, характеромъ духовенства различныхъ предѣловъ Россіи. Примѣры Архіереевъ, бывшихъ сельскими іереями, не рѣдкость, но они большею частію не оправдали надеждъ автора на большую доступность къ сельскимъ священникамъ. Если тяжела, грязна жизнь сельскаго іерея: зачѣмъ марать грязью того, кто долженъ быть свѣтильникомъ Церкви? Десять лѣтъ жизни сельскаго іерея наложитъ на человѣка свой типъ, который не сгладится въ теченіи всей жизни; мелочныя обыденныя заботы угасятъ тотъ священный огонь ревности по Богѣ, стремленія къ высшему совершенству, который горитъ въ душѣ ученаго монаха. Церковь Русская охотно причисляетъ къ числу своихъ Епископовъ и сельскихъ іереевъ, если они кажутся достойными. Примѣръ — Анатолій Могилевскій, Иннокентій Камчатскій, Александръ Архангельскій.

Но да не подумаетъ кто-нибудь, чтобы мы одобряли недоступность Архіереевъ, гордое и грубое

обращеніе съ священниками, оно убиваетъ нравственно, а иногда и физически священниковъ. Среди трудной жизни священника, среди опасности для него погрязнуть въ невѣжествѣ или порокахъ, только простертая ему Пастыремъ рука помощи можетъ возбуждать его, извлекать изъ тины этой жизни. Сколько людей съ отличными способностями гибнутъ отъ того, что имъ не указано занятіе, не сдѣлано поощреній, что за первую ошибку, за первое заблужденіе ихъ замарали навсегда, и встрѣчаютъ съ укоромъ и бранью! Придумайте занятіе для каждаго; пусть каждый священникъ будетъ знать, что око Пастыря всегда слѣдитъ за нимъ, что сердце его всегда открыто для него. Правда, что у Архіерея мало времени; но можно учредить какіе нибудь комитеты изъ того же духовенства, которые бы распредѣляли занятія между священниками, давали имъ вопросы и доносили о результатахъ Архіерею. Жалкія формы, груды письменныхъ дѣлъ изъ Архіерея дѣлаютъ только чиновника; придумайте мѣры къ сокращенію этихъ пустыхъ переписокъ, этой формальности, которою всегда можетъ прикрыться злоупотребленіе, но которая отнимаетъ

время отъ дѣлъ духа и жизни. Совершенно согласны мы съ авторомъ, что поощренія и награды нужны духовенству сельскому. Больно видѣть иногда, что священникъ, всю жизнь хлопотавшій объ устроеніи храма, на свой счетъ десять лѣтъ ходившій по судамъ, чтобы выхлопотать планъ на землю, потомъ отведшій свою землю для кирпичнаго сарая, сбиравшій много лѣтъ съ прихожанъ дрова, подводы, ходившій по домамъ, умолявшій ихъ объ этомъ, и продажею кирпича наконецъ собравшій деньги на построеніе церкви, послѣ 40 лѣтней службы священникомъ, — не получилъ и набедренника. Крайняя скупость въ наградахъ, конечно, возвышаетъ достоинство ихъ. Но почему же эта скупость должна пасть именно на долю духовенства, и безъ того уменьшеннаго въ правахъ въ сравненія съ другими служащими? Не больно ли видѣть, что благочинный за 27 лѣтъ службы въ этомъ трудномъ званіи, службы усердной, ничѣмъ незамаранной получилъ въ награду только набедренникъ и скуфью? Нѣтъ! Это нехорошо, это несправедливо! Не подобныя награды нужны священнику; онъ не даютъ

никакихъ матеріальныхъ выгодъ, но нужно ему убѣжденіе, что его труды замѣчены, оцѣнены.

Важный вопросъ объ отношеніи духовенства къ расколу, — жизненный вопросъ Россіи, авторъ рѣшаетъ, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера.

Кто не согласится, что расколъ Русскій есть невѣжество, крайнее, безсмысленное невѣжество? Всякое невѣжество искореняется, уничтожается только просвѣщеніемъ. Забота Правительства должна быть обращена особенно на образованіе народа. Долѣе всего этому просвѣщенію будутъ противиться раскольники; но они увлекутся общимъ духомъ, общимъ движеніемъ. Организовать въ одно цѣлое этотъ отсадокъ Русской жизни, дать ему единство подъ управленіемъ какой либо іерархіи — въ высшей степени неблагоразумно и вредно. Это значило бы — среди Русскаго государства создать другое, совершенно враждебное всѣмъ началамъ государства, торжественно признать отъ имени Правительства вождей, предводителей возмутительной, анархической толпы, нехотящей знать ни церковной ни гражданской власти, неимѣющей ни малѣйшаго уваженія къ ихъ предписаніямъ и распоряженіямъ: это

значило бы еще на долгое, на очень долгое время даже навсегда, отдалить возможность ихъ присоединенія къ Церкви, подчиненія уставамъ государственнымъ, дать возможность образоваться партіи, способной произвесть переворотъ въ Россіи, который отодвинетъ ее во времена до Петровскія, дастъ возможность верховнаго господства Пугачева съ его клевретами.

Духовенство одно, безъ содѣйствія гражданской власти, ничего не можетъ сдѣлать къ уничтоженію раскола. Расколъ прежде всего есть отчужденіе отъ Церкви, вражда противъ нея; потому слово духовнаго лица выслушивается враждебно, и не можетъ имѣть дѣйствія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ. А какіе плоды могутъ приносить мудрыя дѣйствія гражданской власти, — примѣръ этого показалъ въ недавнее время Уралъ. Раскольники прямо говорятъ, что Правительство не хочетъ ихъ присоединенія къ Церкви, что оно велитъ имъ оставаться въ старой вѣрѣ. Въ послѣднее время въ Вятской и Костромской епархіяхъ, и вѣроятно и въ другихъ сосѣднихъ распространились печатные манифесты отъ имени: то Императора Александра, то Императора

Константина, въ которыхъ имъ повелѣвается оставаться въ старой вѣрѣ. Многіе раскольники говорятъ, что если бы Царь хотѣлъ, чтобы мы присоединились къ Церкви, то Онъ прямо бы сказалъ; а то мы не слыхали отъ Него подобнаго слова. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не выдать манифеста къ раскольникамъ не въ видѣ рѣшительнаго приказа, но въ видѣ сильнаго увѣщанія раскольникамъ присоединиться къ Церкви? Между раскольниками надобно различать людей различныхъ убѣжденій. Одни привязаны къ расколу съ полною увѣренностію, что здѣсь только они могутъ найти себѣ спасеніе. Противъ такихъ людей строгія мѣры и безполезны и беззаконны. Хотя это люди самые упорные въ расколѣ; но слово убѣжденія, согрѣтое любовію Евангельскою, во имя вѣчнаго спасенія скорѣе найдетъ доступъ къ ихъ сердцу. Примѣры обращенія подобныхъ людей изъ раскола къ Церкви представляетъ о. Парѳеній съ своими товарищами. Есть раскольники, которые слѣдуютъ расколу потому, что слѣдовали ему ихъ отцы, не разсуждая, по упорству и упрямству Русскаго характера, и такихъ строгія мѣры могутъ только ожесточить. Просвѣщеніе есть

единственное средство вывести ихъ изъ этого состоянія. Есть еще раскольники, которые держатся раскола потому, что здѣсь они находятъ выгоды, возможность безнаказанно удовлетворять своимъ страстямъ, не стѣсняться законами ни государственными, ни церковными, однимъ словомъ, жить по своей волѣ и наживаться на счетъ простяковъ, не имѣя никакой вѣры. Можетъ ли Правительство оставить подобныхъ людей безъ стѣсненія? Строгія мѣры противъ нихъ не будутъ посягательствомъ на религіозныя убѣжденія, но только законнымъ преслѣдованіемъ гражданскаго безпорядка. Не костеръ, не пытки мы признаемъ нужными противъ нихъ, но только такія мѣры, которыя бы не оставляли имъ выгоды внѣшней оставаться въ расколѣ. Они бросятъ расколъ, когда увидятъ, что, оставаясь въ немъ, они теряютъ свои внѣшнія выгоды. Были случаи, что бабы, носившія званіе раскольничьихъ поповъ, изъ за матеріальныхъ выгодъ, служили противъ роскольниковъ. Конечно Церковь не пріобрѣтетъ въ нихъ добрыхъ сыновей, но по крайней мѣрѣ ихъ дѣти воспитаются въ Церкви, по крайней мѣрѣ они не будутъ соблазнять и увлекать дру-

гихъ къ отпаденію отъ Церкви временными выгодами. Есть еще раскольники, которые охотно бы перешли въ Церковь, если бы не связывали ихъ отношенія родственныя или коммерческія съ другими раскольниками. Они рады бы случаю, который бы далъ имъ возможность, не подвергая себя преслѣдованію со стороны единовѣрцевъ, перейти къ Церкви. Но такой случай могутъ представить только понудительныя мѣры Правительства. Всего вреднѣе въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ непостоянство мѣръ Правительства: слабыя мѣры смѣняются строгими, строгія слабыми. Потому раскольники смотрятъ на всѣ стѣснительныя мѣры противъ нихъ, какъ на вопросъ денежный. Они говорятъ, что вѣрно понадобился отъ насъ милліонъ, — и — везутъ его. Какъ мало вѣрятъ раскольники въ искренность желанія Правительства обратить ихъ въ Церковь, и напротивъ убѣждены, что дѣло идетъ только объ ихъ деньгахъ, — разскажу одинъ случай. Возникло дѣло о совращеніи въ расколъ мужа и жены. Архіерей пожелалъ самъ поговорить съ ними, чтобы подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія. Онъ призвалъ ихъ и началъ говорить имъ сильно о

томъ, что они потеряютъ вѣчное спасеніе внѣ Церкви. Видимо, обоимъ имъ стало неловко; сила убѣжденія была велика.... И вотъ жена толкаетъ мужа, мужъ вытаскиваетъ изъ за пазухи деньги и подаетъ ихъ Архіерею. „Что это значитъ“, спрашиваетъ Архіерей? „Да ужъ перестаньте говорить батюшка, мы не знаемъ, что отвѣчать, оставьте насъ въ покоѣ“.

Можно себѣ представить всю скорбь Архіерея... Чтобы дѣйствовать на раскольниковъ путемъ убѣжденія, — нужно Архіерею имѣть денежныя средства, на которыя бы онъ могъ посылать особыхъ, къ тому приготовленныхъ, миссіонеровъ изъ священниковъ ли, или изъ другихъ лицъ, давая имъ хорошее содержаніе. Но Архіерей не имѣетъ въ своемъ распоряженіи денегъ на подобныя издержки. Но во всякомъ случаѣ неправду говоритъ авторъ, что раскольники не переходятъ и всѣ донесенія объ этомъ не болѣе, какъ ложь. Гдѣ только гражданское начальство содѣйствуетъ духовной власти, — тамъ дѣйствія противъ раскола бываютъ плодотворны. Но что дѣлать духовному начальству, когда всѣ его усилія парализуются дѣйствіями свѣт-

скихъ властей? А между тѣмъ вопросъ о расколѣ вреднѣе для Государства, нежели для Церкви; расколъ грозитъ большею опасностію Государству, нежели Церкви, отъ которой раскольники, какъ гнилые члены, уже совсѣмъ отдѣлены. Понятно, почему Искандеръ съ своею братіею громко вопіетъ противъ всякихъ строгихъ мѣръ на расколъ. Они видятъ въ этой общинѣ зародышъ демократическаго начала, противнаго Церкви и Государству, долженствующаго въ ихъ идеяхъ преобразовать общество Русское. Но только ихъ слѣпая, фанатическая любовь къ своимъ идеямъ можетъ въ этомъ тернистомъ полѣ видѣть сѣмя свободы. — Какъ ни ненавистна имъ поставленная отъ Бога власть; но думаю, что они въ тысячу разъ лучше согласятся быть подъ ея управленіемъ, нежели подъ управленіемъ какихъ нибудь Емельяновъ Пугачевыхъ. Расколъ отличается рѣшительною нетерпимостію къ другимъ вѣрованіямъ и обычаямъ, заклятою враждою противъ всѣхъ, непринадлежащихъ ихъ обществу. И этотъ духъ вражды, нетерпимости, вмѣстѣ съ крайнимъ невѣжествомъ, придаетъ такой

характеръ расколу, что всякое благородное сердце должно обливаться кровію при мысли объ немъ. —

Но оставимъ наконецъ эту книгу. Грустно, что передъ Европою, которая по самому различію вѣроисповѣданія, охотно готова слушать всякое худое слово о Православной Церкви, выставлено въ такой мрачной картинѣ наше духовенство и кѣмъ же? служителемъ самой Церкви. Признаніе Г. Погодина, конечно, слагаетъ съ него часть вины. Но если онъ былъ проникнутъ дѣйствительно сознаніемъ недостатковъ и скорбей своего званія, зачѣмъ, подражая Хаму, открывать наготу отца, передъ чужими людьми? Вѣроятно, авторъ боялся, что духовные слишкомъ скоро узнаютъ всѣ его преувеличенія, всѣ его прикрасы, всѣ обобщенія, и представленія частныхъ случаевъ въ видѣ общаго характера всего сословія. — Лучше было бы, если бы авторъ остался только съ познаніями, пріобрѣтенными въ Семинаріи; онъ сохранилъ бы уваженіе къ духовному начальству, остался бы доволенъ своею смиренною долею, и для открытія себѣ болѣе обширнаго поприща для дѣйствія не сталъ бы такъ передъ чужими людьми марать свое сословіе. Зна-

комство съ свѣтскою жизнію только породило въ немъ недовольство своею смиренною долею; но такъ какъ оно поверхностно, то онъ не пріобрѣлъ того такта, того чувства деликатности, какія отличаютъ людей съ высшимъ свѣтскимъ образованіемъ. Свѣтски образованный человѣкъ не дозволилъ бы себѣ тѣхъ площадныхъ выходокъ, которыя допускаетъ авторъ.

Мы бы желали, чтобы для покрытія своей вины авторъ съ другой точки зрѣнія взглянулъ на духовенство Русское, и фактами, несомнѣнно достовѣрными, которыхъ такъ много, выставилъ свѣтлую сторону его.

Намъ понятны причины нерасположенія свѣтскаго общества къ Семинаріямъ духовнымъ. Корень его кроется въ историческомъ развитіи всего Русскаго общества. Было время, когда всѣ Русскіе не знали другаго образованія, кромѣ образованія духовнаго. Первыя школы въ Россіи были школы духовныя. Настала эпоха преобразованія древняго быта. Ринувшись на путь новый, Русское общество, какъ всегда бываетъ при перемѣнѣ направленія, произнесло безпощадный приговоръ осужденія

всему старому, не отличая добраго отъ дурнаго. Явились свѣтскія школы, въ которыхъ преподавались науки новыя, незнакомыя духовнымъ школамъ. Въ томъ же увлеченіи общество осудило духовныя школы, какъ отсталыя, какъ памятникъ старой жизни, отвергнутой обществомъ, не подумавъ о томъ, что если для свѣтскаго общества нужны новыя школы, то для духовенства были необходимы прежнія школы духовныя, что подробное изученіе богословскихъ и философскихъ наукъ, неприложимое къ жизни матеріальной, было нужно для воспитанниковъ, готовящихся быть пастырями Церкви. Надобно вспомнить притомъ, что устроеніе свѣтскихъ школъ у насъ въ Россіи совпадаетъ съ развитіемъ Французской философіи XVIII в., враждебной духовенству и вѣрѣ Христовой, которой оно служитъ. Насмѣшки надъ духовенствомъ, которыми Вольтеръ съ своими единомышленниками осыпалъ духовенство, слишкомъ были извѣстны и у насъ. Хотя немногіе изъ пороковъ Римскаго духовенства могли быть усмотрены въ нашемъ духовенствѣ, но общество свѣтское, отчуждившись отъ Вѣры, отчуждилось и отъ духовенства. Если общество не могло осудить

духовенство наше за тотъ развратъ, который былъ на Западѣ, то оно осудило за недостатокъ свѣтскости, за грубость. Нельзя не замѣтить, что съ перемѣною духа общества, съ развитіемъ въ немъ сознанія односторонности прежняго направленія, и необходимости воспользоваться многими добрыми началами прошедшаго, отчужденіе отъ духовенства уменьшается. Лица, у которыхъ развивается это направленіе, уже не считаютъ смѣшнымъ типа семинариста, и теперь нерѣдко можно встрѣтить примѣры, что семинариста берутъ учителемъ дѣтей въ лучшія семейства. Съ духовенствомъ также болѣе сближаются, хотя по положенію нашего духовенства полнаго сближенія его съ обществомъ не можетъ быть никогда. Самое званіе, самый костюмъ духовенства запрещаютъ ему принимать участіе въ собраніяхъ общества, сопровождаемыхъ различными увеселеніями. Онъ можетъ являться, какъ служитель Церкви, какъ совѣтникъ, но не какъ соучастникъ общества. Бѣдность не позволяетъ ему равняться съ знатью; превосходство образованія дѣлаетъ для него невозможнымъ дружеское сближеніе съ низшими классами, въ обществѣ которыхъ онъ

не найдетъ сочувствія и отвѣта на свои мысли. Но намъ кажется, что это можетъ служить не ко вреду, а къ пользѣ духовенства; пусть паства видитъ своего пастыря чаще предъ олтаремъ Божіимъ, нежели въ простомъ, домашнемъ кругу; пусть она встрѣчаетъ его у себя, какъ служителя Божія, а не какъ простаго знакомаго. Но такое положеніе духовенства отзывается нѣкоторою невыгодою. Свѣтская ловкость, умѣнье держать себя въ лучшемъ обществѣ, пріобрѣтается только обращеніемъ среди него. Потому люди высшаго общества обвиняютъ духовенство въ неловкости, грубости. Низшее общество, особенно богатые въ немъ, видя отчужденіе духовенства отъ сближенія съ нимъ, обвиняютъ его въ гордости.

Конечно, такое положеніе духовенства претятствуетъ ему имѣть живое, дѣйственное вліяніе на общество; но что можетъ сдѣлать у насъ, напримѣръ, сельскій священникъ? Помѣщики и земское начальство подозрительно смотрятъ на всякое увеличеніе вліянія духовенства. Въ немъ они могутъ видѣть постоянныхъ свидѣтелей своихъ злоупотребленій, и стараться уронить ихъ значеніе и силу. Недавно въ

К-ской епархіи донесли губернатору на священниковъ, какъ на бунтовщиковъ за то, что они стали склонять къ трезвости своихъ прихожанъ, и успѣли убѣдить къ этому нѣкоторыхъ. Въ одномъ селѣ N... епархіи священникъ сталъ убѣждать управляющаго не тиранить крестьянъ, а ихъ убѣждалъ къ терпѣнію, потому что недолго имъ терпѣть; и его выставили возмутителемъ крестьянъ противъ помѣщика, и онъ лишился мѣста. Случилось священнику нѣсколькихъ раскольниковъ обратить къ Церкви; ихъ единомышленники сплетаютъ, при посредствѣ земской власти, на него рядъ обвиненій и онъ также лишается мѣста этого, и переводится на другое. Что касается до простого народа, то въ немъ слишкомъ развита привязанность къ обрядовой сторонѣ религіи, и онъ хочетъ видѣть въ священникѣ только совершителя требъ и таинствъ. Внутреннее духовное пониманіе Вѣры, потребность внутренней чистоты сердца не раскрыта у него. Отъ того такъ легко народъ переходитъ въ расколъ, гдѣ за большой крестъ и чтеніе по старымъ книгамъ обѣщаютъ вѣчное спасеніе, какова бы ни была жизнь. Трудно священнику касаться этой стороны; его тотчасъ

назовутъ безбожникомъ. Единственный путь къ развитію въ народѣ истиннаго благочестія, — это распространеніе образованія. Духовенство учитъ народъ грамотѣ, но дальше умѣнья читать и писать — эта грамотность не простирается; не распространяется въ народѣ книгъ полезныхъ, а иной разъ подъ гнетомъ барщины онъ и не имѣетъ свободнаго времени для дальнѣйшаго ученія.

Священники не Ангелы, а потому неудивительно, если пороки общества и времени обнаруживаются среди нихъ. Но дѣло въ томъ, что въ обществѣ сохранилось еще уваженіе къ священному сану, еще остается во всѣхъ сердцахъ сознаніе той чистоты и святости, какими долженъ быть облеченъ служитель Церкви; потому тѣ пороки и недостатки, какіе въ мірскихъ людяхъ оставляются безъ вниманія и не считаются пороками, — въ духовномъ лицѣ выставляются, какъ самое безнравственное дѣло. Этотъ судъ міра да научитъ духовенство болѣе бодрствовать надъ собою!...

Что касается до высшаго нашего духовенства, то едва ли въ болѣе образованныхъ государствахъ можно найти столько благочестивыхъ, просвѣщен-

ныхъ пастырей, какъ въ нашемъ Отечествѣ. Достоинство духовнаго образованія въ нашихъ Академіяхъ признаютъ заслуженные профессоры духовныхъ наукъ въ заграничныхъ Университетахъ.

Съ утѣшеніемъ и съ надеждами на будущее смотримъ мы на духовенство въ Россіи, всегда скромное, благочестивое, преданно Перестолу и Отечеству. Недаромъ такъ нападаетъ на него Искандеръ съ своими послѣдователями. Попытка увлечь его на путь революціонныхъ идей тщетна; брань и ругательство для него не новость и не могутъ унизить. Выросшее по большой части въ тяжкой школѣ бѣдности, закаленное въ борьбѣ съ нуждами, оно въ случаѣ важномъ выкажетъ такую силу, какой въ немъ не подозрѣваютъ его враги. Надѣемся, что не исполнится намѣреніе революціонеровъ слить духовное образованіе съ свѣтскимъ, и воспитывать пастырей Церкви въ Университетахъ. Тогда, точно, пастыри Церкви могутъ проникнуться другими идеями и идти по другому пути.

Въ заключеніе не можетъ не высказать упрека виновнику появленія книги о сельскомъ духовенствѣ, г. Погодину. Его ничто не извиняетъ въ этомъ.

Послѣ неудачныхъ попытокъ быть ученымъ и политикомъ, онъ еще сдѣлалъ несчастную попытку вмѣшаться въ дѣла церковныя. Какъ мало онъ понимаетъ Церковь и ея ученіе, — видно изъ дикой мысли, высказанной имъ въ началѣ своего объясненія по поводу книги о сельскомъ духовенствѣ. „Духовенство внѣ священнослуженія не составляетъ Церкви.“ Почему онъ предаетъ анаѳанѣ, отлучаетъ отъ Церкви духовенство, когда оно скинетъ ризы? Если онъ считаетъ себя членомъ Церкви, то почему исключаетъ духовенство? Развѣ снимается съ Архіерея или священника ихъ священство и епископство, когда они не служатъ? Если онъ хотѣлъ сказать, что духовенство внѣ священнослуженія не составляетъ всей Церкви, — то кто не знаетъ, что Церковь состоитъ изъ пастырей и паствы, и изъ всѣхъ вѣрующихъ? Странно, какъ академикъ и профессоръ могъ высказать такую дикую мысль!!!

Если онъ и этого не могъ обнять умомъ своимъ, какое довѣріе можно имѣть къ другимъ его разсужденіямъ о Русскомъ духовенствѣ?

СУЖДЕНІЕ

О КНИГѢ, ИЗДАННОЙ ВЪ 1858 ГОДУ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ, НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: „ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.“

Пріятель московскаго жителя, Г. Погодина, издалъ за границею небольшую книгу о сельскомъ Русскомъ духовенствѣ, гдѣ написано, что авторъ старался высказать всю правду, и одну только правду, подтверждая это словами: „да востяжетъ васъ Господь на судѣ своемъ страшномъ, если мы осмѣлимся сказать хоть одно слово лжи“ (стр. 2); „сему свидѣтель Самъ Господь,“ и т. под., издалъ, повидимому, съ доброю цѣлію. — цѣлію очернить Русское сельское духовенство, чтобы чрезъ это могли обратить на него вниманіе и улучшить бытъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Хоть книга эта напечатана за границею, но оттуда какими-то путями проникла и въ Россію, и здѣсь съ увлеченіемъ читается и перечитывается многими. Но въ самомъ ли дѣлѣ одна только правда въ ней высказана, и мо-

жетъ ли авторъ изданіемъ такой книги достигнуть своей цѣли?

„Грустно и больно смотрѣть, до чего унижено и подавлено у насъ сельское духовенство“, такъ авторъ начинаетъ свою книгу. Тѣми же словами и мы начинаемъ разборъ этой книги: грустно и больно читать подобныя книги, гдѣ клятвою предъ Богомъ утверждается какъ то, что есть, такъ и то, чего нѣтъ. — Кто хорошо знакомъ съ бытомъ нашего сельскаго духовенства, — для того разборъ этой книги, конечно, не нуженъ: тотъ самъ можетъ видѣть, что въ ней правда, и что — самая черная клевета. Но кто не знакомъ съ бытомъ нашихъ сельскихъ іереевъ, — для того разборъ подобной книги весьма необходимъ: иначе, прочитавъ эту книгу, онъ будетъ видѣть въ нашемъ духовенствѣ одну только мрачную, ужасную сторону, и ни одного почти свѣтлаго, отраднаго явленія. Для такихъ-то людей и предпринятъ разборъ. — И мы не будемъ разбирать всей книги: мы станемъ разбирать въ ней только то, что намъ самимъ хорошо извѣстно, чтобы можно было высказать чистую правду, и при этомъ однакожъ не дерзаемъ

подтверждать словъ своихъ клятвою, подтверждать именемъ Божіимъ, — къ чему такъ часто прибѣгаетъ авторъ, — клятва, призываніе имени Божія — дѣло страшное!... Лучше же всего начать доброе дѣло, предпринятое съ доброю цѣлію, молитвою къ Духу Святому, Духу истины, да наставитъ Онъ насъ на всяку истину!...

Итакъ въ самомъ ли дѣлѣ одна только правда въ этой книгѣ высказана? — Авторъ начинаетъ свою книгу обозрѣніемъ первоначальнаго образованія дѣтей духовнаго званія, гдѣ останавливаетъ вниманіе 1) на квартирахъ, 2) на училищныхъ зданіяхъ, 3) на училищныхъ начальникахъ и учителяхъ и 4, на самомъ ученіи.

1. Въ статьѣ о квартирахъ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „большая часть священниковъ ищетъ (для дѣтей своихъ) квартиры возможно дешевѣйшей... у мѣщанина полунищаго, отставнаго солдата, вдовы, причетника“ и пр. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что какъ Пастырь-начальникъ нашъ, Іисусъ Христосъ, готовился къ высокому служенію своему не въ пышныхъ чертогахъ, а въ тѣсной хижинѣ древодѣля, какъ Апостолы Его

воспитывались для всемірнаго служенія также не въ широкихъ палатахъ, а въ тѣсныхъ хижинахъ, украшенныхъ однѣми мрежами; такъ и доселѣ выпадаетъ на долю будущихъ пастырей Церкви готовиться къ высокому служенію своему не среди нѣги и богатой роскоши, а большею частію среди суровыхъ нуждъ и лишеній?... Не то ли, что съ бѣднымъ, по большой части, бытомъ сельскихъ іереевъ несовмѣстно роскошное, сопряженное со всѣмъ комфортомъ, воспитаніе юношей, готовящихся быть сельскими іереями?... Не то-ли, что всякій добрый и благоразумный отецъ можетъ указать своему сыну, окруженному гувернерами и всѣми удобствами для воспитанія, на поразительный примѣръ любви къ просвѣщенію въ этихъ духовныхъ воспитанникахъ, подъ бѣдною кровлею, подъ нищенскимъ рубищемъ скрывающихъ высокія стремленія души?... О, нѣтъ! подобныя мысли слишкомъ чужды автору. Нѣтъ; онъ вотъ что говоритъ: „и подъ надзоръ и храненіе этому люду вручается мальчикъ осьми-девяти лѣтъ!... Что-жъ онъ видитъ въ своей квартирѣ? Отвратительную нищету, неразлучные спутники которой грязь, гру-

бость до звѣрства, самые страшные пороки, которыхъ даже не считаютъ и нужнымъ скрывать.... И вотъ первыя впечатлѣнія мальчика, которыя остаются неизгладимыми!“ (стр. 3. 4). — Итакъ гдѣ нищета, тамъ, по мысли автора, непремѣнно и порокъ; а гдѣ богатство, тамъ, значитъ, непремѣнно и добродѣтель.... Каково заключеніе!... Но кто-жъ изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что и бѣдность всегда можетъ быть и трудолюбива, и опрятна, и чиста и нравственно добра, какъ и богатство, и, можетъ быть, даже чаще, чѣмъ богатство, потому что она иной разъ, можетъ быть, и вздумала бы предаться разгулу страстей и пороковъ, да средствъ для этого у ней или очень мало, или даже совсѣмъ нѣтъ? Вѣдь и чувственныя наслажденія не достаются даромъ! А у богатства эти средства въ изобиліи. Отъ чего же у автора образовалась такая странная мысль о бѣдности, какъ началѣ всѣхъ пороковъ?... О, какихъ странныхъ заключеній не сдѣлаетъ болѣзненная, желчная душа, желающая, во что бы то ни стало, осмѣять другаго со всѣхъ сторонъ и видѣть въ немъ одно только худое?... И такія-то мысли, между тѣмъ,

утверждаются именемъ Божіимъ!.. И не мудрено: кто говоритъ истинную правду, — тотъ не станетъ призывать имени Божія безъ нужды, зная, что всякій ему повѣритъ; а кто лжетъ и ложь свою хочетъ выдать за правду, — тотъ нерѣдко вынужденъ бываетъ прибѣгать къ клятвѣ, и божбѣ!..

2. Училищныя зданія, на взглядъ автора, — „не казармы, не конюшни, не хлѣвы; нѣтъ, хуже всего этого. Большею частію это еле-держащіеся, при безчисленныхъ подпоркахъ, остатки чего-то въ незапамятныя времена строеннаго, въ которыхъ вѣтеръ гуляетъ со всей свободой, куда проникаетъ дождь самый небольшой, гдѣ накопляются цѣлые сугробы снѣгу... „Они никогда, въ самые жестокіе морозы, не топятся; отъ снѣга и спершагося воздуха весь классъ дѣлается болотомъ“ и пр. и пр. Вотъ мрачная картина духовныхъ училищъ, нарисованная мрачнымъ воображеніемъ автора! Но вѣрна ли она съ подлинникомъ?

Прежде всего скажемъ, что сначала авторъ увѣряетъ, что по большой части духовныя училища хуже казармъ, конюшенъ, хлѣвовъ и пр. (стр. 6); но потомъ чрезъ нѣсколько строкъ далѣе говоритъ,

что такія училища въ губерніяхъ Московской, Ярославской, Тверской и Владимірской, и что о другихъ онъ не знаетъ (стр. 8). — Итакъ онъ видѣлъ училища только въ четырехъ епархіяхъ, а въ прочихъ епархіяхъ низшихъ духовныхъ училищъ, которыхъ у насъ въ Россіи 201*), онъ не видалъ, и между тѣмъ въ началѣ статьи утверждаетъ, что у насъ вообще училищныя зданія по большой части хуже казармъ, конюшенъ, хлѣвовъ и пр. — Вотъ каковы его сужденія!..

Намъ не случалось видѣть всѣхъ дух. училищъ; но въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ мы воспитались, или которыя видѣли, — видѣли нѣкоторые недостатки, зависящіе впрочемъ отъ скудости средствъ, а отнюдь не отъ небреженія начальствующихъ, какъ увѣряетъ авторъ; но такихъ уродливыхъ зданій, какими описаны авторомъ духовныя училища, нигдѣ не доводилось видѣть.

Мы воспитывались въ Петербургской д. Академіи, куда собираются изъ разныхъ епархій молодые люди для окончательнаго образованія, — и тутъ

*) См. Календарь на 1859 годъ.

въ дружеской, братской, откровенной бесѣдѣ чего-чего, бывало, не говорилось о житьѣ-бытьѣ училищномъ и семинарскомъ! Но можемъ сказать по совѣсти, что о подобныхъ училищахъ, которыя бы были хуже конюшенъ и хлѣвовъ, никогда не было рѣчи. Гдѣ же авторъ видѣлъ подобныя училища? Можетъ быть, онъ, одаренный слишкомъ живымъ и изобрѣтательнымъ воображеніемъ, изъ одного училища взялъ одну дурную сторону, изъ другаго — другую, изъ третьяго — третью, прибавилъ что нибудь свое, и вотъ въ его головѣ образовался идеалъ грязнаго, нестерпимо-грязнаго, чудовищнаго во всѣхъ отношеніяхъ училища, и вотъ этотъ-то идеалъ изобразилъ онъ на бумагѣ, представилъ на видъ обществу, и желалъ бы, что бы всѣ повѣрили, что это не идеалъ, а горькая, грязная существенность! — И кто вовсе незнакомъ съ училищнымъ бытомъ, — тотъ легко повѣритъ этому чудовищному идеалу, и скажетъ съ содраганіемъ сердца: увы! въ какомъ грязномъ, смердящемъ болотѣ бѣдные питомцы черпаютъ струи духовнаго просвѣщенія! Какъ тутъ не помутиться самымъ струямъ?.. Но кто самъ воспитался въ духовномъ училищѣ,

тотъ, можетъ быть, придетъ въ недоумѣніе и въ простотѣ сердца будетъ спрашивать: гдѣ-жъ такія училища, и станетъ благодарить Бога, что ему не привелось быть въ подобномъ училищѣ; или скажетъ: куда какъ ложь хитра на выдумки!.. Да; много есть бѣдныхъ училищныхъ зданій, и дай Богъ, чтобы они улучшались болѣе и болѣе; это — желаніе всѣхъ и каждаго. Но только одна ложь не краснѣя можетъ сказать, что большею частію училищныя зданія хуже хлѣвовъ и конюшенъ...

3. Приступая къ описанію начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ училищахъ, авторъ говоритъ: „съ содраганіемъ сердца приступаемъ къ изображенію этихъ лицъ, которымъ безусловно, безгранично родители передаютъ своихъ дѣтей... Нѣчто несодѣянное, неслыханное, невообразимое, а между тѣмъ до послѣдней буквы справедливое, сему свидѣтель Самъ Господь, разскажемъ мы....“ И разсказываетъ. Что же именно? Особенно поражаютъ его три качества всѣхъ вообще учителей и начальниковъ духовныхъ училищъ, — это — глубочайшее невѣжество, непомѣрное взятотничество и звѣрская жестокость.

Отъ чего же учители духовныхъ училищъ непремѣнно грубые невѣжды? Отъ того, думаетъ авторъ, что одни изъ нихъ получаютъ мѣста въ училищъ за деньги, а другіе дѣлаются учителями потому только, что по окончаніи своего курса въ спискѣ учениковъ занимаютъ высшее мѣсто, хотя бы они и вовсе не знали тѣхъ предметовъ, для преподаванія которыхъ опредѣляются на службу въ училище. — Итакъ несчастныя духовныя училища! Нѣтъ у нихъ учителя, который бы достойно занималъ и проходилъ свое служеніе; а каждый изъ нихъ непремѣнно или глупъ и занимаетъ должность только за деньги; но откуда бѣдный семинаристъ, поступая на должность въ училище, возметъ денегъ?.. Это — секретъ автора!.. Или если и успѣшно окончилъ свое образованіе, и потому не платилъ денегъ за должность, — такъ не знаетъ тѣхъ предметовъ, преподавать которые взялся... Спрашивается: какъ же онъ могъ успѣшно окончить курсъ, когда не знаетъ тѣхъ предметовъ, которые онъ долженъ преподавать въ училищѣ? Вѣдь эти же предметы, между прочимъ, входятъ въ составъ и семинарскаго образованія, какъ и училищнаго,

только въ большемъ обоемъ, наприм. Греческій языкъ... Опять — секретъ автора! Онъ рѣшился доказать, что всѣ учители дух. училищъ грубые невѣжды, — и надобно же чѣмъ нибудь это доказать... Такъ часто запальчивость не видитъ никакихъ противорѣчій!.. Мы учились въ училищѣ, и учились долго; мы не разъ слыхали объ учителяхъ дух. училищъ; встрѣчались съ нѣкоторыми личностями, которыя не могли вполнѣ удовлетворить обязанности мудраго педагога, — это — правда; но чтобы всѣ они были такіе невѣжды, какими выставляетъ ихъ авторъ, — этому и повѣрить никто не можетъ; напротивъ для каждаго изъ насъ, учившихся въ дух. училищахъ, памятны многіе наставники, о которыхъ и доселѣ съ любовію вспоминаетъ благодарное сердце.

Что касается до взяточничества учителей и начальствующихъ въ духовныхъ училищахъ, — то оно, по словамъ автора, простирается до того, что отцы должны платить имъ послѣ каждаго возвращенія дѣтей въ училище; даже въ иныхъ мѣстахъ будто бы назначается сумма, какую они должны взнести за дѣтей своихъ при переводѣ ихъ изъ од-

ного класса въ другой, — такъ что на долю священника приходится уплаты до 50 рублей серебромъ... Иначе если онъ ничего не взнесетъ, — то сына его исключаютъ изъ училища, хотя бы онъ былъ отличный ученикъ какъ по успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по поведенію. А если взнесетъ отецъ неполную сумму, — то оставляютъ сына его въ томъ же классѣ еще на курсъ, или надъ нимъ, несчастнымъ, совершается страшная месть... Гдѣ видѣлъ авторъ подобное распоряженіе, — про то онъ знаетъ. По крайней мѣрѣ изъ насъ, учившихся въ духовныхъ училищахъ; по крайней мѣрѣ изъ отцовъ, воспитавшихъ дѣтей въ духовныхъ училищахъ, конечно, никто не видалъ и не испыталъ подобныхъ распоряженій... Да и кто можетъ повѣрить этому? Стоитъ только взять во вниманіе бѣдный бытъ сельскаго іерея, или даже прочитать про нищету сельскаго іерея, какъ она описывается самимъ авторомъ, — и каждый придетъ къ заключенію, что при такой крайней бѣдности никакой сельскій іерей не въ состояніи платить за переводъ каждаго сына изъ класса въ классъ, и притомъ платить сумму не малую, доходящую до 50 р. се-

ребромъ!... И сколько есть наприм. между знаменитыми нашими Іерархами такихъ, которые, какъ дѣти бѣдныхъ іереевъ и даже причетниковъ, должны были воспитываться въ крайней бѣдности!... Какъ же имъ удалось, при такомъ распоряженіи училищнаго начальства, успѣшно окончить курсъ ученія, и потомъ стать на чредѣ высокаго служенія?... Или всѣ они — исключенія изъ общаго правила? Странно!... И между тѣмъ авторъ не побоялся подтвердить свою сказку словами: „сему свидѣтель Самъ Господь!...“

А звѣрское обращеніе учителей съ учениками, описанное авторомъ? Читаешь и дивишься, какъ у него достало терпѣнія изображать такія грубыя картины. Прочитайте въ самомъ дѣлѣ его описаніе, и вы увидите, что учитель духовнаго училища — это не современный намъ человѣкъ, это не Христіанинъ; нѣтъ, это какой-то дикій вандалъ, или нѣтъ, это — какой-то бѣшеный звѣрь, безъ всякаго разбора бросающійся на каждаго для того только, чтобы уязвить его, нанести ему вредъ... Странное, неслыханное явленіе такой учитель; согласимся однако, что есть гдѣ-то такіе учители;

— но отъ чего же этотъ самый звѣрь, вышедшій изъ духовнаго училища, и сдѣлавшійся наприм. законоучителемъ въ какомъ нибудь свѣтскомъ или военномъ учебномъ заведеніи, вдругъ дѣлается здѣсь такимъ кроткимъ, такимъ любвеобильнымъ, что, по общему отзыву питомцевъ, онъ добрѣе, нѣжнѣе прочихъ преподавателей, вступившихъ на поприще педагогическое изъ Университетовъ или Институтовъ? Отъ чего это? Кажется, эѳіопа не убѣлишь; кажется, ряса не передѣлаетъ души, не преобразитъ сердца; кажется, звѣря во что ни одѣнь, куда ни помѣсти, — онъ все будетъ звѣрь!... Это — опять тайна автора!

Теперь слѣдовало бы намъ разсмотрѣть статью объ ученіи, гдѣ говорится: что̀ и какъ въ духовныхъ училищахъ преподается; но мы оставляемъ ее безъ разбора, потому что почти тоже самое, только въ болѣе обширномъ видѣ, раскрывается у него далѣе, въ статьѣ о семинарскомъ образованіи. Здѣсь же мимоходомъ замѣтимъ только то, что автору не нравится изученіе въ училищѣ нотнаго пѣнія, которое, по словамъ его, есть „дикое антимузыкальное пѣніе, которое услаждало нашихъ предковъ въ

часы разгула“ (?), и которое будто бы нигдѣ, кромѣ духовныхъ училищъ, не употребляется, даже въ самихъ монастыряхъ (стр. 21). Мы съ своей стороны замѣтимъ, что лучшіе наши духовные композиторы никогда не считали подобнаго пѣнія дикимъ, антимузыкальнымъ. Вслушайтесь, наприм. въ трогательное пѣніе нашихъ догматиковъ: что служитъ для нихъ основнымъ тономъ, какъ не нашъ обиходъ? Вслушайтесь въ умилительное пѣніе нашихъ задостойниковъ: откуда опять взяты основные звуки ихъ, какъ не изъ нашего обихода? Да; тоны нашего обиходнаго пѣнія, можетъ быть, не усладятъ слуха, привыкшаго къ свѣтской музыкѣ; но для уха, привыкшаго къ скромному церковному пѣнію, они всегда могутъ быть пріятны.

Результатъ всего училищнаго образованія, по заключенію автора, тотъ, что ученикъ, окончивъ курсъ въ духовномъ училищѣ, убилъ всѣ годы, проведенные въ училищѣ, и принялъ въ юную, воспріимчивую душу свою съмя зла, хоть и бываютъ изъ этого исключенія; но они — рѣдки!!... Такого заключенія, конечно, и надобно было ожидать отъ автора: это — была цѣль его изслѣдованій;

это — верхъ его желаній!... Но вотъ и Семинарія! — „Не поправитъ ли дѣла Семинарія. Не вырветъ ли она зла съ корнемъ“? спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ: „а вотъ увидимъ“ (стр. 26)... Что же видитъ онъ?

Прежде всего онъ смотритъ на программу семинарскаго образованія, и называетъ се „нелѣпою безсмысленною (стр. 28); почему же такъ? А потому, изволите видѣть, что по ней должно преподавать въ Семинаріи и богословіе, и философію, и риторику и математику и физику и пр. и пр. Чтожъ тутъ худого? Во первыхъ то, по его понятію, что по этой программѣ на изученіе богословія полагается для будущаго пастыря Церкви два года, какъ и на изученіе философіи, риторики и пр., а во вторыхъ то, что „изъ ученика Семинаріи хотятъ сдѣлать немножко богослова, немножко философа, не множко ритора, агронома, медика,“ и вотъ „выходитъ изъ ученика Семинаріи ни богословъ, ни философъ, ни агрономъ, ни медикъ.“ Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Прежде всего скажемъ: не правда, будто у насъ для изученія богословскихъ наукъ полагается только два года, какъ и на изученіе

другихъ наукъ. Такъ называемый богословскій курсъ дѣйствительно продолжается два года; но богословскія науки преподаются въ Семинаріи отнюдь не два года, какъ прочія науки, а шесть лѣтъ, въ теченіе всего курса семинарскаго, только по частямъ: въ одномъ курсѣ преподаютъ наприм. церковную исторію, въ другомъ ученіе о Св. Отцахъ, въ третьемъ — ученіе о богослуженіи и т. д. Мало того, начало богословскаго ученія полагается еще въ училищѣ, гдѣ преподаются предварительныя понятія, необходимыя для слушанія полныхъ уроковъ богословія, каковы: свящ. исторія ветхаго и новаго завѣта, катихизисъ, церковный уставъ. Итакъ можно ли сказать, будто въ Семинаріяхъ столько же дается времени на изученіе богословія, сколько на изученіе и всякой другой науки? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Тамъ преподаются многія науки, но преимущественно богословскія, — и потому изъ Семинаріи могутъ выходить преимущественно богословы.

Далѣе автору не нравится то, что въ Семинаріи преподается много наукъ. А кажется, что тутъ худого? Войдите въ любое заведеніе гражданское или военное, прочитайте программу, и вы увидите

въ ней то же, что и въ семинарской программѣ т. е. что хоть въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи преимущественно изучается одна какая нибудь спеціальная наука, однако ее окружаетъ множество другихъ наукъ, имѣющихъ къ ней болѣе или менѣе близкое отношеніе. Вотъ, наприм. Гимназія: какая цѣль Гимназіи? — Конечно та, чтобы приготовить въ ней честнаго и полезнаго гражданина, чиновника; а для приготовленія честнаго и полезнаго чиновника, казалось бы, что требовалось? Не много, очень не много: знаніе закона Божія, знаніе правильнаго чтенія и составленія бумагъ, знаніе ариѳметики... А между тѣмъ сколько еще наукъ въ ней преподается!.. И Богъ знаетъ, будетъ ли каждая изъ нихъ имѣть какое нибудь приложеніе къ жизни; Богъ знаетъ, не забудетъ ли ее гимназистъ за порогомъ Гимназіи, по окончаніи курса, вспомнитъ ли даже объ ней когда нибудь въ жизни?.. Итакъ если по мысли автора „изъ ученика Семинаріи хотятъ сдѣлать немножко богослова, немножко философа“ и пр., а потому „и выходитъ изъ ученика Семинаріи ни богословъ, ни философъ, ни риторъ“, — то и изъ ученика Гимназіи

также хотятъ сдѣлать немножко историка, немножко математика, немножко ритора, немножко филолога, — а потому и выходитъ изъ ученика Гимназіи ни историкъ, ни математикъ, ни риторъ, ни филологъ. — То же самое можетъ быть приложено и къ каждому учебному заведенію. Слѣдовательно, по тому же умозаключенію автора, и программу каждаго учебнаго заведенія, какъ и программу Семинаріи, можно назвать нелѣпою и безсмысленною!! Итакъ мы охотно можемъ согласиться, что въ программѣ нашего семинарскаго образованія есть своего рода недостатки; но гдѣ, въ какой программѣ, найти ихъ нельзя? Но нелѣпо и безсмысленно утверждать, что въ слѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ вся программа нелѣпа и безсмысленна...

Не нравится автору то, что въ Семинаріи преподается много наукъ. А кажется, что тутъ худого? Кто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что многостороннее образованіе несравненно полезнѣе, чѣмъ одностороннее? Доказательства на это вездѣ: возмите во вниманіе хоть то, кто изъ Св. Отцовъ Церкви принесъ наиболѣе пользы Христіанскому мі-

ру, не только святостію жизни, но и безсмертными, твореніями своими? Каждый, безъ сомнѣнія, можетъ указать на Святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, которыхъ творенія съ назиданіемъ всегда читались, читаются и будутъ читаться, пока люди не разучатся читать; а всѣ эти Святые Отцы, и имъ подобные, гдѣ и чему ни учились?..

Не нравится автору то, что въ Семинаріи преподается много наукъ. А кажется, что тутъ худого? — Слова нѣтъ, большею частію окончившіе курсъ Семинаріи поступаютъ въ села на священническія мѣста, гдѣ, повидимому, нескоро можетъ встрѣтиться надобность въ наукахъ, но вѣдь и тамъ всегда могутъ быть образованные помѣщики, которые бы желали видѣть въ своемъ пастырѣ человѣка болѣе или менѣе многосторонне образованнаго, съ которымъ бы можно было въ минуты досуга подѣлиться свѣтлыми мыслями о томъ или другомъ предметѣ: какъ же бы онъ сталъ смотрѣть на него, если бы не нашелъ въ немъ никакихъ, даже общихъ, понятій о той или другой наукѣ, кромѣ науки богословской, въ которой самъ помѣщикъ очень недалекъ?... Но вѣдь въ Семинаріи же по-

лагается начало и для высшаго образованія въ духовныхъ Академіяхъ. Окончившіе курсъ въ духовныхъ Академіяхъ большею частію поступаютъ на священническія мѣста въ столичные и губернскіе города, гдѣ по необходимости они должны имѣть столкновеніе съ различными людьми образованными: тутъ уже необходимо имъ выдти изъ Академіи съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, относящихся не только къ богословскимъ, но и другимъ наукамъ. Гдѣ же и какъ они запасутся подобными свѣдѣніями, если программа семинарскаго образованія ограничена будетъ исключительно однѣми богословскими науками? Въ четыре года академическаго курса, конечно, нельзя ознакомиться съ науками не подготовившись къ нимъ заранѣе...

Наконецъ и то надобно сказать, что не всякому же изъ окончившихъ курсъ въ Семинаріи или Академіи выпадаетъ жребій служенія въ духовномъ званіи: что же было бы съ подобными людьми, если бы они по какимъ нибудь обстоятельствамъ должны были вступить, наприм. въ свѣтское званіе, и между тѣмъ не имѣли бы никакихъ свѣдѣній, кромѣ богословскихъ? Итакъ что бы ни говорилъ авторъ,

а каждый долженъ сказать, что лучшее хоть что нибудь знать изъ какой-бы то ни было науки, чѣмъ ничего. — Но продолжимъ сужденія автора.

„Если нелѣпа и безсмысленна программа семинарскаго образованія, продолжаетъ онъ, то еще нелѣпѣе, еще безсмысленнѣе идетъ самое дѣло образованія. Невольно думаешь: не устроено ли намѣренно такимъ образомъ, чтобы изъ учениковъ Семинаріи приготовить полныхъ невѣждъ съ огромными претензіями?“ Вотъ судъ о ходѣ семинарскаго образованія, произнесенный, очевидно, изъ глубины неспокойной, пропитанной желчію души! Но гдѣ гдѣ-жъ эта нелѣпость, эта безсмысленность въ дѣлѣ семинарскаго образованія?

Прежде всего автору кажется странностію, ничѣмъ необъяснимою, то, что ректоръ Семинаріи — монахъ. Что же тутъ страннаго? Первое, по словамъ его, то, что монахъ есть лицо, отчуждившееся отъ міра и всѣхъ его волненій, лицо, немогущее по самому сану своему изучить житейскую мудрость, которая не уловляется умомъ, а познается лишь опытомъ, и потому онъ не можетъ быть образователемъ юношества, готовящагося въ сельскіе іереи.

Второе — то, что это юношество, „готовится на борьбу съ плотію и кровію, съ обаятельною властію князя пренебеснаго (?) и съ міромъ, во злѣ лежащимъ, — и потому не можетъ узнать о вѣрныхъ и надежныхъ средствахъ вести успѣшно эту борьбу изъ самыхъ ученыхъ, но лишь теоретическихъ уроковъ своего ректора.“ — А намъ такъ кажется странностію, ничѣмъ небъяснимою, такое сужденіе автора. — Ректоръ Семинаріи — монахъ: что же? слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ по этому вовсе не знакомъ съ дѣйствительною жизнію? Вотъ если бы онъ въ уединенной келліи родился, въ уединенной келліи воспитался, и въ уединенной келліи жилъ такъ, что и свѣта никогда не видалъ; тогда можно бы еще, пожалуй, сдѣлать такое заключеніе... Но что такое монахъ — ректоръ Семинаріи? — Онъ всегда по происхожденію изъ духовнаго званія; онъ все дѣтство свое и многіе дни юности своей провелъ подъ одною кровлею съ своими родными; — ужели-жъ онъ въ этотъ немалый промежутокъ времени не имѣлъ возможности и досуга хоть сколько-нибудь ознакомиться съ житейскимъ бытомъ, какъ сельскаго духовенства, такъ и мірянъ? Вотъ онъ

наконецъ возмужалъ, постригся въ монашество, и опредѣленъ, положимъ, сначала инспекторомъ, а потомъ ректоромъ Семинаріи. А занимая такой постъ, онъ, по самому роду службы своей, необходимо долженъ входить въ весьма частыя, непосредственныя сношенія, какъ съ городскимъ, такъ и съ сельскимъ духовенствомъ: какъ же опять ему не освоиться съ бытомъ сельскихъ іереевъ. — А міръ съ его волненіями? Да; эти волненія міра, можетъ быть, не доходили бы до слуха ректора, если бы Семинаріи наши устроялись гдѣ-нибудь въ глуши, въ непроходимыхъ лѣсахъ, либо между пустынными скалами: но какъ имъ не доходить, когда Семинаріи у насъ устрояются въ столичныхъ и губернскихъ городахъ?... Автору кажется еще, что ректоръ-монахъ не въ состояніи преподать своимъ питомцамъ вѣрныхъ и надежныхъ средствъ успѣшно вести борьбу съ плотію и кровію, съ обаятельною властію князя тмы, и съ міромъ, во злѣ лежащимъ. — Странно! Развѣ на него не дѣйствуютъ ни плоть, ни кровь, ни князь темный, ни міръ съ своими суетами? Развѣ онъ не человѣкъ?... А если дѣйствуютъ, — то онъ, конечно, борется съ

ними, употребляя извѣстныя средства къ одержанію побѣды надъ ними: отъ чего же послѣ этого онъ не въ состояніи преподать питомцамъ своимъ этихъ средствъ, имъ самимъ испытанныхъ? И мало ли было самыхъ уединенныхъ подвижниковъ, для которыхъ не чужды были ни искушенія міра и плоти, ни козни діавола? — И они до крови боролись съ ними и побѣждали ихъ, и потому къ нимъ, какъ къ опытнымъ борцамъ, во множествѣ обращались люди мірскіе за спасительными совѣтами, — за уроками, какъ можно побѣждать искушенія плоти, міра и дьявола... Какъ будто одинъ только міръ и можетъ дать человѣку средства успѣшно сражаться съ соблазнами мірскими!..

Но если ректоръ Семинаріи не долженъ быть монахъ: то кто же онъ долженъ быть? — По мнѣнію автора, онъ долженъ быть іерей, не столько ученый, сколько искусившійся въ жизни (стр. 29). — Пусть такъ; но этотъ іерей, опредѣленный въ ректора Семинаріи, долженъ ли исправлять іерейскія обязанности въ міръ, или не долженъ? — Если долженъ, — то Богъ знаетъ, совмѣститъ ли онъ многосложныя и многотрудныя обязанности іерея, равно

тяжелыя обязанности отца семейства, съ обязанностями ректора Семинаріи? Подъ силу ли будетъ ему это тяжкое бремя? Если же онъ долженъ будетъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ міромъ, чтобъ ничѣмъ не развлекаться и сосредоточить все свое вниманіе на управленіе ввѣренною ему Семинаріею, — то что же такое онъ будетъ, какъ не тотъ же монахъ?... Разность, можетъ быть, будетъ только та, что онъ, какъ семьянинъ, и потому болѣе или менѣе обремененный нуждами семейства, а съ другой стороны, какъ человѣкъ, связанный по родству и по прежней службѣ своей съ многими лицами, его окружающими, будетъ иногда вынужденъ прибѣгать въ управленіи къ мѣрамъ несовсѣмъ одобрительнымъ; тогда какъ монахъ, какъ лицо одинокое, давшее Богу обѣтъ нестяжательности и прервавшее связи съ міромъ, въ самомъ санѣ своемъ, и въ самомъ бытѣ своемъ несравненно больше можетъ находить для себя поводовъ и способовъ посвящать всю жизнь свою, всѣ свои силы на безкорыстное и безпристрастное служеніе воспитанію юношества. По крайней мѣрѣ такъ нужно предполагать, а злоупотреблять чѣмъ нельзя?...

Далѣе рѣчь идетъ о преподавателяхъ Семинаріи, и тутъ, можно сказать, что строка, то ложь. „Наставники въ Семинаріи большею частію магистры,“ — вотъ первая строка о наставникахъ, — и вотъ первая ложь!... „Кончилъ курсъ Академіи, — и будь профессоромъ, хоть бы въ устной рѣчи не умѣлъ связать двухъ словъ толкомъ“.... Извѣстно, что въ наши духовныя Академіи избираются каждый курсъ по два, по три отличныхъ студента изъ Семинаріи: кто-жъ повѣритъ, чтобы отличный студентъ Семинаріи, поступившій въ Академію, и здѣсь четыре года прослушавшій курсъ различныхъ наукъ, чтобы онъ по выходѣ изъ Академіи не умѣлъ связать двухъ словъ толкомъ? — „Окончившіе курсъ Академіи большею частію (?!) назначаются не на тѣ предметы, въ которыхъ кто сильнѣе, а на первые, которые представятся незанятыми въ какой либо Семинаріи, хоть бы они объ нихъ не имѣли никакого понятія.... Знатока, наприм., математики толкнула судьба на классъ философіи, которую онъ знаетъ и понимаетъ столько, сколько и будущіе его ученики, и — будь профессоромъ-философомъ!“ и пр. Такъ говоритъ

можно только въ шутку! Въ самомъ дѣлѣ можно ли подумать, чтобы кто нибудь, по окончаніи академическаго курса, посылаемъ былъ въ Семинарію на такой предметъ, о которомъ бы онъ не имѣлъ никакого понятія? Во первыхъ онъ объ этомъ предметѣ имѣлъ понятіе еще тогда, когда учился въ Семинаріи: иначе его не избрали бы въ Академію, а если бы почему нибудь и избрали, — то не приняли бы, потому что при пріемѣ въ Академію всегда бываютъ испытанія по всѣмъ предметамъ, преподаваніе которыхъ начинается въ Семинаріи, и съ большею полнотою и основательностію продолжается въ Академіи. Далѣе — духовная Академія — заведеніе закрытое, а потому студентъ Академіи не можетъ манкировать классами, и потому какой бы предметъ въ классѣ ни преподавался, онъ волею или неволею долженъ слушать преподаваемый урокъ; слѣдовательно объемъ прежняго понятія о предметѣ у него болѣе или менѣе долженъ расширяться. Значитъ, если бы онъ дѣйствительно и несиленъ былъ въ томъ предметѣ, который преподавать ему въ Семинаріи назначается, — все жѐ онъ больше понимаетъ и знаетъ его, чѣмъ будущіе

ученики его, и если въ должности преподавателя онъ будетъ имъ заниматься, то можетъ, конечно, на столько успѣть, чтобы быть если не отличнымъ, то, по крайней мѣрѣ, посредственнымъ преподавателемъ своего предмета.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе въ частности на каждую науку, какъ она преподается въ Семинаріи, и прежде всего, разумѣется, на богословіе. „Холодно, безучастно, безжизненно читаетъ профессоръ свою лекцію, какой нибудь отрывокъ изъ записокъ академическихъ, или переводъ съ грѣхомъ по поламъ изъ какого нибудь Германскаго и Лютеранскаго богослова: холодно и безучастно слушаютъ ее, и не знаютъ, какъ дождаться конца. Профессоръ приказываетъ ее заучить; худо или хорошо ее заучиваютъ, — тѣмъ и все дѣло оканчивается.“ — Слѣдовательно тутъ не думаютъ о томъ, чтобы „ученіе Божественное взволновало всю душу, неизгладимо врѣзалось въ сердце, претворилось въ плоть и кровь учениковъ“.... И такъ автору хотѣлось бы, чтобы профессоръ богословія не лекцію читалъ съ каѳедры, а, какъ ораторъ, произносилъ проповѣдь съ жаромъ, и чтобы слуша-

тели слушали его съ сердечными вздохами, со слезами на глазахъ!... Прекрасное желаніе; но попробовалъ бы самъ онъ исполнить это, попробовалъ бы самъ онъ излагать догматы Вѣры съ такимъ жаромъ, съ такимъ чувствомъ, чтобы могъ взволновать сердца юныхъ слушателей. ... А съ другой стороны зачѣмъ, кажется, и волновать сердца слушателей? Не справедливѣе ли требовать отъ профессора догматическаго богословія, чтобы онъ яснымъ, основательнымъ, убѣдительнымъ изложеніемъ догматовъ Вѣры умѣлъ не взволновать, а успокоить умы и сердца слушателей, умѣлъ убѣдить, утвердить ихъ въ истинности Православнаго ученія?...

Еще автору слышится, будто на богословскихъ лекціяхъ у насъ читаются, между прочимъ, переводы изъ какого нибудь Германскаго и Лютеранскаго богослова: но не обманываетъ ли его слухъ? Немного далѣе онъ увѣряетъ, что профессоры въ Семинаріяхъ не умѣютъ и читать (безъ малѣйшаго исключенія) ни по французски, ни по нѣмецки; а теперь твердитъ, будто они переводятъ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, уроки богословскіе съ Фран-

цузскаго или Нѣмецкаго языка, и преподаютъ ихъ въ классѣ... Гдѣ-жъ имъ, неумѣющимъ читать, переводить богословскія статьи Лютеранскихъ богослововъ?.. Да и къ чему имъ этотъ трудъ, особенно теперь, когда есть у насъ для нихъ превосходнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ руководство, — это — труды Преосвященнѣйшаго Макарія, Епископа Харьковскаго, бывшаго ректора Петербургской д. Академіи? —

„Нравственное богословіе также лишь заучивается, и нисколько не прилагается къ жизни. Сухо и мертво говорятъ: обязанности къ Богу такія-то; къ ближнему такія-то.“ „Отъ этого ученикъ, выслушавшій утромъ лекцію о недѣланіи чего либо, вечеромъ дѣлаетъ именно это самое.“ — „Сухо и мертво говорятъ: обязанности къ Богу такія-то.“ Но какъ же это самое онъ высказалъ бы (а высказать надобно) съ живымъ чувствомъ? — Автору хотѣлось бы, чтобы послѣ каждой лекціи по нравственному богословію ученики дѣлались лучше и лучше. Опять — желаніе прекрасное! И это, безъ сомнѣнія, всегда имѣетъ въ виду не только преподаватель нравственнаго богословія, но и каж-

дый законоучитель; но всегда ли это желаніе выполняется на дѣлѣ, — это — вопросъ! Чьи нравственные уроки можно сравнить съ уроками Спасителя, или съ уроками Св. Его Апостоловъ; но и эти необычайные уроки Божественнаго Учителя, уроки Богодухновенныхъ Апостоловъ, сопровождаемые рядомъ чудесъ, всегда ли и на всѣхъ ли слушателей благотворно дѣйствовали? Спаситель въ притчѣ о Сѣятелѣ показалъ, что иногда и доброе сѣмя не можетъ принести плода, потому что земля нехороша, и Апостолы Христовы, облеченные силою свыше, въ свое время замѣчали, что они только насаждаютъ, да напояютъ, а возращаетъ Самъ Богъ. А автору хотѣлось бы, чтобы каждый профессоръ нравственнаго богословія такъ преподавалъ въ Семинаріи свою науку, чтобы слушатель послѣ каждой лекціи его становился лучше и лучше. Нѣтъ, царствіе Божіе не приходитъ съ соблюденіемъ (Лук. 17, 20).

Посмѣявшись по обычаю своему надъ преподаваніемъ въ Семинаріи Философіи, авторъ уже не упоминаетъ о преподаваніи прочихъ наукъ, такъ называемыхъ второстепенныхъ, которыя, какъ второ-

степенныя, преподаются, по его словамъ, еще хуже, и останавливаетъ вниманіе только на медицинѣ и агрономіи. Тутъ онъ сколько настаиваетъ на томъ, что медицина должна быть непремѣнно преподаваема въ Семинаріяхъ, только не въ такомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она теперь тамъ преподается, столько нападаетъ на агрономію, и говоритъ, что она непремѣнно должна быть изгнана изъ Семинаріи, какъ вовсе ненужная. Соглашаясь съ авторомъ въ первомъ, мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ. Онъ говоритъ, что земледѣліе никакъ несовмѣстно съ служеніемъ священника, что̀ хочетъ объяснить далѣе, въ статьѣ о бытѣ сельскаго іерея; потому и мы остановимся пока, а перейдемъ къ заключенію, которое онъ дѣлаетъ вообще о семинарскомъ образованіи. — Въ заключеніе онъ предлагаетъ себѣ три вопроса: 1) что-жъ такое окончившій курсъ въ Семинаріи; 2) что въ немъ? 3) куда онъ направляетъ путь свой?.. И рѣшаетъ такъ:

1) Что онъ? „Самолюбіе мелкое, пошлое, безсмысленное — вотъ чѣмъ набитъ онъ съ головы до пятокъ! Если онъ пойдетъ выше, самолюбіе пе-

реходитъ въ дьявольскую гордость, въ невыносимѣйшій педантизмъ, въ эгоизмъ безъ предѣловъ и мѣры“ и пр. и пр. Правда ли это? Не скроемъ, что въ окончившихъ курсъ Семинаріи встрѣчается этотъ недостатокъ: по много ли вообще найдется на свѣтѣ людей, которые бы совершенно чужды были этого порока, который впервые появился еще въ раю у нашихъ прародителей, когда они усладились тамъ словами искусителя: будите, яко бози? — И этимъ недугомъ въ особенности страдаютъ болѣе или менѣе всѣ молодые люди, окончившіе курсъ не только въ Семинаріяхъ, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. За это ручаются постоянные опыты; это знаетъ каждый, кому удавалось имѣть ближайшее сношеніе съ окончившимъ курсъ въ какомъ бы то ни было учебномъ заведеніи. И не мудрено: всѣ они выходятъ изъ учебнаго заведенія по большой части съ блестящими надеждами на будущность; всѣ они чувствуютъ, что теперь начинаютъ жить болѣе или менѣе самостоятельно, — и все это на первыхъ порахъ льститъ ихъ самолюбію... Но вотъ пріятныя мечты ихъ столкнутся съ существенностію, иногда довольно

горькою; вотъ они увидятъ, что и въ жизни, какъ въ школѣ, самодѣятельность ихъ весьма часто должна подчиняться извѣстнымъ условіямъ, — и тогда? О, тогда несравненно меньше будетъ пищи для самолюбія и оно замѣтно станетъ слабѣть и слабѣть... Притомъ нужно замѣтить, что самолюбіе не вдругъ появляется, а развивается и ростетъ постепенно по мѣрѣ благопріятныхъ для него обстоятельствъ; а эти благопріятныя для него обстоятельства состоятъ въ томъ, что когда, наприм. воспитанника въ учебномъ заведеніи слишкомъ много лелѣятъ, за каждый добрый поступокъ не въ мѣру хвалятъ, награждаютъ, а недостатковъ въ немъ какъ будто не видятъ... Вотъ онъ начинаетъ послѣ того высоко о себѣ думать, — и вотъ въ немъ эгоизмъ, самолюбіе! А если такъ, то какъ самолюбію, этому чудовищу, развиться, утолстѣть въ Семинаріи, гдѣ, по словамъ самого автора, „каждый проступокъ ученика влечетъ за собою казнь, гдѣ — казни всѣхъ безпощадно, лучше будутъ бояться, — система управленія.“ — (стр. 35)? — Послѣ этого справедливо замѣчаніе автора: „какъ умѣетъ Семинарія развить въ такихъ страшныхъ

размѣрахъ такой погибельный порокъ (самолюбіе), — это ея тайна, которой намъ нѣтъ ни желанія, ни нужды разгадывать“ (стр. 47). Точно при такомъ взглядѣ на развитіе самолюбія, а съ другой стороны на управленіе семинарское, не разгадаешь этой тайны, если бы и было и желаніе и нужда разгадать; потому что нечего и разгадывать: этой тайны не имѣетъ ни одна Семинарія....

2. Что въ немъ? „Совершеннѣйшая пустота, отсутствіе всякаго положительнаго, вполнѣ усвоеннаго знанія.“ Это потому, что „въ Семинаріи развивали лишь память, и подавляли самомышленіе съ прямою цѣлію: чѣмъ меньше мыслятъ, тѣмъ меньше разсуждаютъ;“ это потому, что онъ „зубрилъ во все время своего курса.“ — Итакъ вотъ еще новость! Но загляните, наприм. въ уставъ духовныхъ Академій, — и вы прочитаете тамъ: „добрая метода состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію силъ и дѣятельности разума въ воспитанникахъ;“ а 16 и 17 пунктами устава духовныхъ училищъ прямо осуждается такой образъ преподаванія, который бы дѣйствовалъ болѣе

на память, чѣмъ на умъ*). — Перенеситесь мыслію во всѣ наши древнія Семинаріи, — и васъ тамъ поразитъ множество такъ называемыхъ диспутовъ, установленныхъ съ тою именно цѣлію, чтобы развивать въ воспитанникахъ мыслительную способность. Посмотрите на нынѣшнія наши Семинаріи, — и вы увидите, что ни въ какомъ учебномъ заведеніи не назначается воспитанникамъ столько разныхъ сочиненій, какъ въ Семинаріяхъ, и опять съ тою же цѣлію, — цѣлію пріучить ихъ къ правильному и основательному мышленію. А вотъ автору все еще кажется, что у семинаристовъ развивается одна только память. Еще одно слово: если окончившій курсъ Семинаріи, какъ выше сказалъ авторъ, набитъ весь отъ головы до пятокъ самолюбіемъ, и если онъ, какъ теперь говоритъ, весь курсъ свой развивалъ одну память, зубря лекціи, — то, казалось бы, въ немъ не должно быть пустоты; въ немъ должно бы быть, по крайней мѣрѣ, много самолюбія, да огромнѣйшій запасъ разныхъ свѣдѣній,

*) См. Исторію С. П.бургской Академіи. Чистовича. Стр. 187 и 223.

пріобрѣтенныхъ памятью, хоть и неразвитыхъ, хоть и неразсортированныхъ самомышленіемъ.... Казалось бы такъ; но автору, по его мрачному воззрѣнію на семинариста, нужно наполнить теперь его пустотою, — и вотъ онъ наполняетъ его, бѣднаго, да еще не просто пустотою, а пустотою совершеннѣйшею!...

3. Куда направитъ онъ путь свой? „Да этого онъ и самъ не знаетъ: такъ мудро и цѣлесообразно устроено и ведено его образованіе!... Нѣтъ званія, къ которому бы не рѣшился прильнуть семинаристъ, лишь бы тамъ онъ могъ ожидать себѣ кусокъ хлѣба.“ — Если онъ и самъ не знаетъ, куда направитъ свой путь, — то что-жъ? это, казалось бы, и хорошо: это значитъ, что онъ твердо вѣруетъ, что судьбами нашими нестолько распоряжаемся мы, сколько Промыслъ Божій; это значитъ, что смиреніе его говоритъ: Господи, что мя хощеши творити (Дѣян. 9, 6)? Что Ты велишь, — то и будетъ со мною; я только предполагаю, Ты располагаешь!... Если нѣтъ званія, къ которому бы не рѣшился прильнуть семинаристъ, — то что-жъ? это опять, казалось бы, и

хорошо. Ибо если онъ можетъ прильнуть ко всякому званію, — то, значитъ, въ немъ такъ много хорошаго, что онъ способенъ служить во всякомъ званіи; значитъ, онъ нигдѣ не пропадетъ; значитъ, его образованіе, дѣйствительно, мудро устроено и ведено.... Авторъ ставитъ еще въ укоръ семинаристу то, что онъ ищетъ какого бы то ни было званія, лишь бы найти тамъ себѣ кусокъ хлѣба. Итакъ автору хотѣлось бы, чтобы окончившій курсъ въ Семинаріи, поступая въ то или другое званіе, имѣлъ въ виду единственно служеніе Богу, Престолу и Отечеству. Взглядъ прекрасный, но не слишкомъ ли идеальный? Много ли въ цѣломъ свѣтѣ найдется такихъ людей, которые бы, служа Богу, Царю и Отечеству, нисколько не заботились о средствахъ къ жизни? Это — особенные избранники Божіи.... А всмотришься ближе въ дѣйствія людей, — и легко замѣтишь, что большею частію они бьются именно изъ-за куска хлѣба.... И если бы только изъ-за куска хлѣба, какъ бьется, по словамъ автора, бѣдный семинаристъ.... О если бы у всѣхъ было такое умѣренное желаніе!... Да; всякій человѣкъ — не

Ангелъ, а человѣкъ; есть у него душа; да есть и тѣло, требующее хлѣба: къ чему-жъ исканіе хлѣба ставить въ упрекъ человѣку? ...

Впрочемъ, что напрасно разглагольствовать? Возмемъ лучше въ руки исторію образованія духовенства, и справимся въ ней, что такое семинаристъ, что въ семинаристѣ, и куда направляетъ онъ путь свой? Факты часто лучше объясняютъ дѣло, чѣмъ слова. — Раскрываемъ исторію, — и что же видимъ въ ней? Видимъ тутъ много, весьма много отрадныхъ и утѣшительныхъ явленій, а отнюдь не то, что видитъ авторъ въ своемъ воображеніи.

Тутъ видимъ прежде всего, что духовныя училища наши воспитали и образовали множество духовныхъ лицъ, съ ревностію и успѣхомъ подвизавшихся и подвизающихся какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ степеняхъ церковной іерархіи. — Начнемъ наприм. хоть съ конца XVII вѣка.

Вотъ, наприм. Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій (†1709), такъ много и успѣшно боровшійся съ расколомъ, такъ неутомимо поучавшій и

доселѣ поучающій медоточивыми проповѣдями своими, такъ усердно занимавшійся изученіемъ священной древности (Четь-минеи)... Вотъ современникъ его Лазарь Барановичь, Архіепископъ Черниговскій (†1694), котораго Св. Димитрій Ростовскій называлъ великимъ столпомъ церковнымъ, славный ученостію и ревностный защитникъ Православной Вѣры... Вотъ знаменитый Епифаніи Славинецкій, Іеромонахъ Кіево-печерскаго монастыря, славный филологъ, такъ много потрудившійся надъ переводомъ различныхъ церковныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій, котораго современники не иначе называли, какъ „мужемъ мудрымъ, искуснѣйшимъ, многоученымъ, въ богословіи и философіи изящнымъ дидаскаломъ“ и пр. Довольно. —

Несравненно болѣе знаменитыхъ духовнымъ просвѣщеніемъ мужей на каѳедрахъ святительскихъ представляетъ намъ XVIII вѣкъ.

Вотъ, наприм. Стефанъ Яворскій, Митрополитъ Рязанскій (†1722), знаменитый проповѣдникъ, мужъ, со славою боровшійся и съ расколь-

никами и съ Лютеранами*) Приснопамятны для насъ и многіе другіе Святители этого вѣка. Таковъ наприм. Θеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Тверскій (†1741), много трудившійся надъ исправленіемъ Славянской Библіи, препиравшійся съ раскольниками, Лютеранами и Кальвинистами, и мужественно пострадавшій за правду, какъ мученикъ. Таковъ Θеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій (†1736), ближайшій сотрудникъ и любимецъ Петра Великаго, великій проповѣдникъ. Таковъ Рафаилъ Заборовскій, Митрополитъ Кіевскій (†1747), — второй Петръ Могила для Кіевской Академіи. Таковъ Гедеонъ Криновскій, Епископъ Псковскій (†1763), славный проповѣдникъ временъ Елисаветы, увлекавшій слушателей ясностію мысли, красотою слога, живостію чувствованій (см. 6 том. его поученій). Таковъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, Архіепископъ Московскій (†1771), славный сколько жизнію, столько и смертію своею. Таковъ Дими-

*) См. наприм. его Камень Вѣры и книгу: Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка. —

трій Съченовъ, Митрополитъ Новгородскій (†1776), которому добродѣтельная жизнь дала право быть строгимъ на каѳедрѣ и въ присутствіи Двора смѣло и громко изображать и обличать мірскіе пороки. Таковъ Тихонъ Соколовъ, Епископъ Воронежскій (†1783), оставившій послѣ себя XV томовъ различныхъ сочиненій, которыя всѣ носятъ на себѣ печать духовнаго помазанія. Таковъ Амвросій Серебренниковъ, Архіепископъ Екатеринославскій (†1792), членъ Императорской Россійской Академіи, знаменитый придворный проповѣдникъ. А кто не слыхалъ также о Георгіи Конисскомъ, Архіепископѣ Бѣлорусскомъ (†1795), который одинъ вышелъ на борьбу съ тысячами ожесточенныхъ Папистовъ, и, вооруженный единственно силою души своей, да живымъ упованіемъ на промыслъ Божій и горячею молитвою, такъ успѣшно поражалъ изступленное изувѣрство кліентовъ папскаго престола, что успѣлъ возвратить до 2,300 отнятыхъ Православныхъ храмовъ и присоединить къ Православію до 2 милліоновъ отторгнутыхъ Уніатовъ? Кто не знаетъ, что это былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ ораторовъ на-

шей Церкви? Кто не читалъ, наприм. его рѣчи, сказанной Екатеринѣ Великой и читанной въ свое время всею Европою. Его слушала, ему дивилась не Россія только, а вся Европа, а между тѣмъ, когда Польскій Король Станиславъ Августъ, пораженный его рѣчью, сказанною предъ нимъ въ защищу Православія, спросилъ его: „много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи?“ — Конисскій отвѣчалъ: „я самый послѣдній!“ — Необычайное смиреніе истинно-великаго человѣка! —

Громкую извѣстность заслужили также:

Иннокентій Нечаевъ, Архіепископъ Псковскій (†1798), членъ Императорской Россійской Академіи, славный въ свое время придворный проповѣдникъ, которому такое надгробіе начерталъ ветеранъ нашей поэзіи — Державинъ:

„Витія о тебѣ не возгласилъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ...“

Аполлосъ Байбаковъ, Архіепископъ Архангелогородскій (†1801), членъ Императорской Россійской Академіи, среди многотрудныхъ обязанностей Архипастыря, находившій досугъ для полезной литературной дѣятельности. — Заключимъ рядъ

Святителей XVIII вѣка Гавріиломъ Петровымъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С. Петербургскимъ († 1800), почетнымъ членомъ С. Петербургской Академіи наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Академіи Россійской, который, можно сказать, былъ въ думѣ царской — министръ, въ келліи истинный монахъ, для паствы — мудрый, опытный руководитель, оставившій послѣ себя немало полезныхъ сочиненій, для бѣдныхъ — нѣжный отецъ... Какія все громкія имена! Кто не слыхалъ объ нихъ? А всѣ они получили образованіе въ нашихъ духовныхъ училищахъ... Перейдемъ теперь въ XIX вѣкъ. —

Тутъ первый по времени является Анастасій Братановскій, Архіепископъ Астраханскій († 1806), членъ Россійской Академіи, обладавшій рѣдкимъ даромъ краснорѣчія и умѣвшій самыя сухія и отвлеченныя истины облекать въ пріятныя формы (4 книги его поученій). — За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ знаменитостей, что не знаешь, на комъ остановиться. Незабвененъ для Церкви и Отечества Платонъ Левшинъ, Митрополитъ Московскій († 1812), который высокимъ умомъ

и строгостію жизни заслужилъ благоволеніе трехъ Вѣнценосцевъ, а мудрымъ, благотворнымъ управленіемъ сдѣлался для паствы предметомъ благоговѣйнаго почитанія, который всю жизнь свою былъ ревностнымъ покровителемъ учености между духовенствомъ и плоды своей ученой дѣятельности оставилъ въ 20 томахъ, которые всѣ, проникнутые свѣтлымъ геніемъ, составляютъ драгоцѣнное училище Христіанскаго благочестія, и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ памятникомъ высокаго краснорѣчія. Этотъ мужъ, самъ окруженный славою архипастырскихъ доблестей, образовалъ славныхъ проповѣдниковъ, и приготовилъ трехъ Митрополитовъ (Амвросія, Серафима и Никанора). — Современникъ его Иринеи Клементьевскій, Архіепископъ Псковскій († 1814), членъ Россійской Академіи, памятенъ для насъ, какъ глубокій толкователь Священнаго Писанія. — Веніаминъ Краснопѣвковъ, Архіепископъ Нижегородскій († 1811) извѣстенъ, какъ усердный и полезный труженникъ въ изученіи и объясненіи священныхъ древностей (Новая Скрижаль). — Иринеи Фальковскій, знаменитый богословъ, въ своемъ Сокращеніи Богословія изум-

ляющій обширностію взгляда и познаній; до сочиненій Макарія Европа не имѣла полнѣйшаго богословскаго учебника. Памятенъ для насъ и Амвросій Подобѣдовъ, Митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій († 1818), членъ разныхъ ученыхъ обществъ, который въ первый разъ особенно показалъ отличный даръ краснорѣчія двумя словами надъ гробомъ соименнаго ему Святителя Московскаго Зертисъ-Каменскаго, изъ которыхъ одно тогда же переведено было на Нѣмецкій и Французскій языки, — и за тѣмъ долго витійствовалъ съ каѳедры въ присутствіи Двора, и всякій разъ слышалъ отъ Царскихъ Особъ отличные о себѣ отзывы. Кромѣ того всю жизнь свою онъ посвящалъ на мудрое управленіе паствою и образованіе духовнаго юношества. Въ особенности С. Петербургская Академія должна помнить его просвѣщенную заботливость объ образованіи духовныхъ юношей: онъ далъ жизнь ей... Памятенъ и Августинъ Виноградскій, Архіепископъ Московскій († 1819), членъ разныхъ ученыхъ обществъ, такъ много содѣйствовавшій къ сохраненію святынь и драгоцѣнностей Московскихъ въ наше-

ствіе Галловъ, съ такимъ радушіемъ и отеческою любовію ободрявшій Русскихъ во дни скорби, и съ такою живостію чувства, чувства глубокаго и пламеннаго, произносившій рѣчи при разныхъ замѣчательныхъ случаяхъ. И теперь глубоко трогаетъ сердце, наприм. рѣчь его, сказанная по случаю годичнаго поминовенія Бородинскихъ воиновъ. Памятенъ и Михаилъ Десницкій, Митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій, дѣйствительный членъ Россійской Академіи и другихъ ученыхъ обществъ († 1820), неутомимый проповѣдникъ, около каѳедры котораго всегда и вездѣ тѣснилась паства, чтобы напитаться его духовною пищею, всегда назидательною для души, всегда сладкою для сердца. Съ благодарностію вспоминаютъ Церковь и Отечество и о просвѣщеннѣйшемъ Митрополитѣ Кіевскомъ, дѣйствительномъ членѣ Россійской Академіи и другихъ ученыхъ обществъ Евгеніи Болховитиновѣ, который, между прочимъ, составилъ предначертаніе о преобразованіи духовныхъ училищъ, и занимаетъ почетное мѣсто не только между нашими Іерархами, но между историками и археологами, и сверхъ того имѣлъ

степень доктора медицины... Въ наши дни вѣчность взяла къ себѣ отъ насъ Преосвященнѣйшихъ Никанора, Митрополита С. Петербургскаго, подарившаго намъ три тома поученій, проникнутыхъ живымъ, нѣжнымъ чувствомъ, Филарета, Митрополита Кіевскаго, теплымъ словомъ и строго благочестивою жизнію до конца дней своихъ назидавшаго паству свою, Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, котораго поученія навсегда останутся образцами высокаго духовнаго краснорѣчія... Сколько опять великихъ мужей! И всѣ они получили воспитаніе въ духовной Семинаріи или духовной Академіи, гдѣ, по словамъ автора книги о сельскомъ духовенствѣ, гнѣздилось и гнѣздится одно грубое невѣжество!..

Указывать ли на современныхъ намъ мужей, украшающихъ собою святительскія каѳедры? Нѣтъ; объ нихъ скажетъ благодарное потомство; ихъ именами украсятся страницы исторіи духовнаго просвѣщенія. Мы скажемъ только, что Россія и доселѣ цвѣтетъ и красуется подобными мужами; скажемъ, что есть у насъ на каѳедрѣ Московской глубокій богословъ, котораго знаетъ не только Рос-

сія, знаетъ вся Европа, какъ мужа глубоко ученаго, составляющаго высокую честь, славу и красу Русскаго духовенства; есть на каѳедрѣ С. Петербургской другой богословъ, въ которомъ Церковь видитъ не только мудраго проповѣдника, съ Евангельскою ясностію и простотою поучающаго паству свою словомъ и жизнію, но и знаменитаго защитника Православной Вѣры, съ духомъ и силою Св. Димитрія Ростовскаго и Питирима Нижегородскаго ратующаго противъ раскола; есть у насъ на каѳедрѣ Харьковской многоученый мужъ съ обширными богословскими и историческими свѣдѣніями, котораго уроки, проникнутые свѣтлымъ умомъ и согрѣтые теплымъ чувствомъ, нѣкогда съ жадностію слушали и усвояли себѣ питомцы С. Петербургской д. Академіи; есть у насъ на каѳедрѣ Черниговской мужъ, съ особеннымъ усердіемъ и славою подвизающійся на поприщѣ исторіи Русской Церкви, и въ тоже время умными и теплыми словами назидающій паству свою; есть на каѳедрѣ Могилевской также неутомимый витія, обладающій замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія... Есть..., но всѣхъ не перечислить: довольно сказать, что у насъ,

въ благословенной Россіи, каждый Святитель — въ извѣстной мѣрѣ свѣтильникъ для паствы горящій и свѣтящій...

Но и на низшихъ степеняхъ нашей Церковной іерархіи не было у насъ недостатка въ мужахъ, болѣе или менѣе сильныхъ словомъ и дѣломъ. Для примѣра укажемъ на архимандрита Варлаама Лящевскаго, сильнаго еллиниста; онъ первый издалъ Греческую грамматику, которая въ свое время была принята въ руководство даже въ заграничныхъ училищахъ, и теперь каждый читающій невольно изумляется глубинѣ познаній автора; на протоіерея Московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣева († 1801), на протоіерея Большой Придворной церкви Іоанна Красовскаго († 1811), на священника Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній собора Іоанна Сидоровскаго († 1795), на протоіерея Кіевософійскаго собора Іоанна Леванду († 1814). Всѣ они, кромѣ Леванды, были членами Россійской Императорской Академіи, и оставили послѣ себя весьма много сочиненій. Алексѣевъ, наприм., составилъ Церковный словарь Славянскій; Красовскій и Сидоров-

скій принимали дѣятельное участіе въ изданіи Россійскаго этимологическаго словаря; Леванда пользовался въ свое время славою отличнаго проповѣдника. — Ученыя заслуги дали право быть членами Россійской Академіи также протоіереямъ Іоанну Памфилову († 1783), Саввѣ Исаеву († 1783), Василію Донкову († 1792), оберъ-священнику Мансвѣтову и пр. — И между современными намъ лицами немало есть такихъ, которыхъ знаетъ Россія, и съ уваженіемъ смотритъ на ученые труды ихъ, то по филологіи, то по исторіи, то по церковному законовѣдѣнію, то по археологіи, то по гомилетикѣ. Итакъ вотъ что прежде всего открываетъ намъ исторія духовнаго просвѣщенія.

Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія видимъ во-вторыхъ, что духовныя наши училища положили начало многимъ гражданскимъ училищамъ, для которыхъ и въ послѣдствіи служили важнымъ пособіемъ. Для сего довольно припомнить, что лишь только появилась первая Математическая Московская школа, первая Гимназія С. Петербургской Академіи наукъ и открытъ курсъ ученія въ Московскомъ

Университетъ, лишь только появилась учительская Семинарія народныхъ школъ или нынѣшній Педагогическій Институтъ, появилась Медико-хирургическая Академія, — и всѣ эти училища наполнены были преимущественно питомцами духовныхъ Семинарій, которые въ послѣдствіи были въ нихъ и преподавателями, — и всѣ эти училища такъ часто приглашали къ себѣ питомцевъ дух. Семинарій, что Первосвятители наши (наприм. М. Амвросій и Платонъ) нерѣдко вынуждаемы были отказывать настоятельнымъ приглашеніямъ училищъ*). — Такою доброю репутаціею, значитъ, всегда пользовались питомцы нашихъ Семинарій въ гражданскихъ училищахъ!

Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія видимъ въ третьихъ, что когда Незабвенною Государынею Маріею Ѳеодоровною учреждены были у насъ благотворительныя заведенія, — то опять первыми учителями и надзирателями въ нихъ были окончив-

*) См. Исторію С. Петербургской д. Академіи. Чистовича стр. 153, и Исторію Моск. Академіи. Смирнова стр. 243.

шіе курсъ въ духовныхъ Семинаріяхъ. Но какъ здѣсь они исполняли свое дѣло?... Вотъ что, наприм. писала Императрица Марія Ѳеодоровна Митрополиту Амвросію: „Наставники, чрезъ содѣйствіе вашего Преосвященства, для состоящихъ подъ Моимъ начальствомъ заведеній пріобрѣтенные, столь совершенно соотвѣтствуютъ Моему желанію и ожиданію, что при замѣщеніи подобныхъ должностей не могу не обращаться къ вамъ съ Моею просьбою — оказать сему заведенію (Воспитательному Дому) благотвореніе выборомъ надежнаго надзирателя изъ семинаристовъ*).“ Или вотъ еще другой рескриптъ Ея Величества къ тому же Владыкѣ: „Имѣя столь многократные опыты вашего усердія къ пользѣ заведеній, подъ Моимъ начальствомъ состоящихъ, и столько поводовъ быть вамъ признательною за снабженіе оныхъ отличными наставниками, знаніемъ и поведеніемъ совершенно оправдавшими вашъ выборъ, Я съ тѣмъ большимъ довѣріемъ прибѣгаю вновь къ вашему Преосвященству.... Я почитаю, что нельзя выбрать (въ учи-

*) Исторія С. Петербургской Академіи стр. 146.

тели для глухо-нѣмыхъ) лучшаго и способнѣйшаго, какъ хорошо обученнаго изъ семинаристовъ, поелику таковый съ основательнымъ знаніемъ наукъ и древнихъ и новыхъ языковъ соединяетъ совершенное знаніе богословія“ и пр.*). — „Я, предоставя выгоды для духовныхъ училищъ, писалъ Державный Сынъ Ея, Александръ Благословенный, имѣю въ виду то удовольствіе, что сіи, и при распространеніи народнаго просвѣщенія, всегда будутъ стараться идти, по прежнему, впереди**).“ Такъ смотрѣли на наши духовныя училища Царственные покровители наукъ!

Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія видимъ въ четвертыхъ, что изъ духовныхъ училищъ нерѣдко посылаемы были молодые люди за границу для большаго образованія, и тамъ по большой части оказывали блистательные успѣхи. Такъ, наприм. еще при Петрѣ Великомъ нѣкто изъ Семинаріи Воейковъ за границею своимъ усердіемъ и успѣхами такъ обрадовалъ просвѣщеннаго Государя

*) Исторія С. Петербургской Академіи стр. 147.
**) Тамъ же стр. 148.

Петра I, что онъ приказалъ ему выдать въ награду 100 червонныхъ*). Нѣкоторые студенты С. Петербургской и Московской д. Академій посланы были въ Берлинскій Университетъ для слушанія юридическихъ наукъ, и тамъ, по отзыву объ нихъ графа Сперанскаго, они въ полной мѣрѣ оправдали выборъ и назначеніе какъ нравственнымъ поведеніемъ, такъ и успѣхами, и многіе изъ нихъ въ послѣдствіи заняли каѳедры въ Русскихъ Университетахъ; наприм. въ Московскомъ — ординарные профессоры — Крыловъ и Орнатскій: тотъ и другой — докторъ правъ; въ Кіевскомъ — ординарные профессоры — Ѳедотовъ-Чеховскій и Богородскій; въ Харьковскомъ — ординарный профессоръ Куницынъ**). — А семинаристъ Суворовъ, въ послѣдствіи ординарный профессоръ Московскаго Университета (оставившій послѣ себя много сочиненій и переводовъ) удостоенъ отъ Оксфордскаго Университета диплома на званіе дѣйствитель-

*) Ист. Моск. Акад. стр. 235.

**) Ист. С. П. бургской Акад. стр. 388. 389.

наго магистра наукъ, — это честь необыкновенная тамъ для иностранцевъ*).

Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія видимъ въ пятыхъ, что духовныя наши училища, воспитали много мужей, отличавшихся въ послѣдствіи на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: знаменитый, ученый нашъ путешественникъ Василій Барскій-Григоровичъ (†1747); одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей, достойный занять почетное мѣсто въ ряду преобразователей Русской словесности Киріакъ Кондратовичъ (†1726). — Въ Московскомъ и Кіевскомъ училищахъ началъ свое образованіе и просвѣщеннѣйшій писатель нашъ Мих. Ломоносовъ. Оттуда же, изъ Кіевской Академіи, вышелъ Григорій Сковорода (†1794), нашъ оригинательный мыслитель, нашъ народный философъ, нашъ Русскій Сократъ, изумлявшій еще въ Академіи всѣхъ товарищей обширностію и многосторонностію свѣдѣній, и оставившій послѣ себя много нравственно-философскихъ сочиненій, которыя онъ называлъ „бѣлымъ

*) Біограф. Слов. проф. и препод. въ Моск. Университетѣ.

блинкомъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ.“ — Несторъ Амбодикъ-Максимовичь (†1812), одинъ изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, первый изъ Русскихъ за границею получилъ степень доктора медицины. Въ той же Кіевской Академіи большею частію учился Н. Бантышъ-Каменскій (†1814), управлявшій Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Дѣйствительный статскій совѣтникъ, почетный членъ Россійской Академіи и разныхъ ученыхъ обществъ, извѣстный необычайною усидчивостію и изумительнымъ трудолюбіемъ, и оставившій послѣ себя болѣе 20 различныхъ сочиненій, и кромѣ того написавшій почти всѣ классическія книги. — Тоже нужно сказать и о В. Рубанѣ, который издавалъ нѣкогда три еженедѣльныхъ журнала: 1) Ни то, ни се; 2) Трудолюбивый муравей и 3) Старина и новизна, и оставилъ послѣ себя любопытную исторію Малороссіи, любопытные мѣсяцесловы и пр. — Антонъ Антонскій-Прокоповичь (†1848), Дѣйствительный статскій совѣтникъ, заслуженный профессоръ Московскаго Университета, одинъ изъ

замѣчательныхъ образователей Русскаго слова и истинно-Христіанскій педагогъ, предсѣдатель любителей Русской словесности, около 9 лѣтъ учился въ Кіевской Академіи, гдѣ развилъ свои способности и получилъ благочестивое настроеніе, — и отсюда уже перешелъ въ Московскій Университетъ. Тамъ же, въ Кіевской Академіи, получилъ воспитаніе В. Петровъ (†1800), придворный библіотекарь Екатерины II, одинъ изъ лучшихъ лирическихъ поэтовъ. Первоначальнымъ воспитаніемъ обязаны были духовнымъ училищамъ и многіе изъ лучшихъ профессоровъ Университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній; наприм. Сохацкій (†1809), издатель разныхъ журналовъ; Андріевскій (†1809), докторъ медицины; Ант. Барсовъ (†1791), оставившій много сочиненій и переводовъ; Н. Поповъ (†1782), ординарный профессоръ астрономіи въ Академіи Наукъ, занимавшійся нѣсколько лѣтъ изданіемъ академическаго календаря; Д. Беллансκій (†1842), Тихорскій (†1814), докторъ медицины С. Ал. Громовъ, Тайный совѣтникъ Бутковъ, Дѣйств. ст. совѣтникъ Шпилевскій, воспитавшійся въ Кіевской

Академіи Ѳедоръ Шимкевичъ своимъ Корнесловомъ изумилъ весь ученый міръ*).

Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія видимъ наконецъ, что изъ духовныхъ училищъ нашихъ вышло немало даже лицъ государственныхъ. Укакажемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ, наприм., Григорій Козицкій, Статсъ-секретарь Екатерины II (†1775), принимавшій дѣятельное участіе въ тогдашней литературѣ, и издававшій журналъ подъ названіемъ: „Всякая всячина.“ — Вотъ Тайный совѣтникъ, Сенаторъ, секретарь Екатерины II Григорій Тепловъ, (†1779), котораго еще Императрица Елисавета избрала быть надзирателемъ для молодаго графа Кир. Гр. Разумовскаго во время

*) Въ залѣ С. Петербургской Медико-хирургической Академіи на мраморной доскѣ начертано золотыми буквами до 72 фамилій лучшихъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Академіи съ 1800 года до 1858г. и въ числѣ этихъ студентовъ до 34 — принадлежатъ студентамъ, поступившимъ въ Академію изъ Семинаріи, изъ конхъ многіе съ честію занимали потомъ профессорскія каѳедры въ той же Академіи, или въ Университетахъ, а нѣкоторые и доселѣ ихъ занимаютъ, наприм. Г г. Шипулинскій, Рклицкій и др. — Подобное можно сказать и о Педагог. институтѣ.

путешествій его за границею. — Вотъ мужъ ума и силы, имѣвшій огромное вліяніе на политическія событія Европы, Государственный Канцлеръ, Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Безбородко (†1746), который изъ Кіевской Академіи выступилъ на обширное и многознаменательное служеніе Престолу и Отечеству. Вотъ Румовскій (†1803), бывшій ординарный профессоръ астрономіи, потомъ вице-президентъ Академіи Наукъ, членъ Главнаго Управленія училищъ, попечитель Казанскаго Университета и литераторъ. Вотъ Дѣйствительный ст. совѣтникъ Мартыновъ (†1803), принимавшій важное участіе въ учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, директоръ канцеляріи сего Министерства, дѣйств. членъ Россійской Академіи и почетный членъ разныхъ ученыхъ обществъ, который и самъ занимался литературою, издавая разные журналы, и о студентахъ духовныхъ Семинарій говорилъ такъ: „Прежде издатели студентческими переводами не брезгали, зная по опыту, что они дешевле всякихъ другихъ. Случалось и такъ, что переводъ дѣлалъ студентъ за какую нибудь ничтожную плату, а на заглавномъ листкѣ вы-

ставлялось имя какого нибудь извѣстнаго ужъ Россійскаго Клопштока*). — Вотъ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (†1812), въ послѣдствіи Статсъ-секретарь, пользовавшійся любовію и полнымъ довѣріемъ Екатерины Великой, усердный сотрудникъ Ея, предсѣдатель Коммисіи для устроенія народныхъ школъ, первый Министръ Народнаго Просвѣщенія, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Этотъ вѣрный слуга Престола и Отечества перешелъ всѣ служебныя степени, отъ низшей до высшей, получивъ образованіе въ Кіевской духовной Академіи. Здѣсь же окончилъ курсъ и вышелъ на поприще службы другой государственный человѣкъ, — это Дѣйств. тайный совѣтникъ, Статсъ-секретарь, Сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, Министръ Удѣловъ, а потомъ Министръ Юстиціи Трощинскій (†1829). — Въ С. Петербургской д. Академіи окончилъ курсъ третій государственный человѣкъ, — это графъ М. М. Сперанскій (†1839), принимавшій такое дѣятельное участіе въ преобразованіи духовныхъ училищъ и различныхъ частей го-

*) Ист. С. Петерб. Академіи стр. 81.

сударственнаго управленія, и оставившій послѣ себя памятникомъ „Полное собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи.“ Извѣстны также во многихъ отношеніяхъ воспитавшіеся въ д. училищахъ Гр. Як. Высоцкій († 1849), Дѣйств. статскій совѣтникъ, президентъ Физико-медицинскаго общества; Вас. Ив. Болгарскій († 1848), Дѣйствительный тайный совѣтникъ и предсѣдатель медицинской Академіи и другіе*).

Вотъ сколько мужей указали мы, которые большею частію возникли изъ бѣднаго состоянія и не отличались свѣтлостію рода, между тѣмъ пріобрѣли громкую извѣстность путемъ личныхъ дарованій,

---

*) Свѣдѣнія обо всѣхъ упомянутыхъ нами лицахъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, званія — можно заимствовать изъ слѣд. сочиненій:

1) Исторія С. Петербургской д. Академіи. Чистовича.
2) Исторія Московской д. Академіи. Смирнова.
3) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академіею. Аскоченскаго.
4) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви.
5) Словарь достопамятныхъ людей Росс. земли. Бантышъ-Каменскаго.

путемъ высокаго просвѣщенія, путемъ многотрудной дѣятельности! ... Исторія запишетъ на свои страницы многихъ мужей и нашего времени, которые получивъ вполнѣ, или, покрайней мѣрѣ, отчасти, образованіе въ нашихъ духовныхъ училищахъ, проходятъ съ честію и славою свои обязанности во всѣхъ родахъ службы. ...

Ужели-жъ авторъ книги о сельскомъ духовенствѣ ничего не слыхалъ о подобныхъ лицахъ, когда рѣшился въ слухъ всего свѣта такъ позорить образованіе духовнаго юношества? Нѣтъ; надобно быть слишкомъ глухимъ, чтобы не слышать ничего о такихъ громкихъ именахъ, и онъ не могъ не слышать объ нихъ. ... Ужели онъ думаетъ, что другіе ничего не знаютъ объ нихъ? Нѣтъ; надобно быть слишкомъ безразсуднымъ, чтобы такъ думать о другихъ. ... Нѣтъ; онъ слышалъ все это; онъ знаетъ все это; только вотъ какъ объясняетъ все дѣло:

„Изъ семинаристовъ выходятъ ученѣйшіе профессоры, и даже Университетовъ, государственные люди, примѣрные священники въ столицахъ. ... Но Семинаріи ли они обязаны тѣмъ, что силы ихъ

развились и сдѣлали ихъ людьми, въ Семинаріи ли они сознали свое призваніе и назначеніе. Если они захотятъ отвѣтить по совѣсти, — то безъ малѣйшаго сомнѣнія отвѣтятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!“ И далѣе объясняетъ, что иной вышелъ въ люди потому, что поступилъ въ Университетъ, гдѣ обратилъ почему либо на себя вниманіе профессора; другой-потому, что попалъ на уроки въ богатый, образованный домъ, гдѣ, какъ онъ выражается, „его вытерли, вымяли, изгнали изъ него злаго духа-семинарщину;“ третій — потому, что онъ поступилъ въ Академію (вѣроятно, духовную), гдѣ люди благородномыслящіе и благородно дѣйствующіе взяли на себя трудъ образовать его; четвертый — потому, что поступилъ въ канцелярію какого нибудь вельможи, приглянулся своему начальнику; тотъ взялъ его въ желѣзныя руки, — и вотъ онъ въ послѣдствіи самъ государственный человѣкъ.... Не будь ни того, ни другаго, ни третьяго, ни четвертаго, — несчастный семинаристъ погибъ, погрязъ во своей семинарщинѣ!... Легко читается, но вѣрится съ трудомъ.

Одинъ вышелъ въ люди потому, что поступилъ

въ Университетъ, гдѣ обратилъ почему либо на себя вниманіе профессора.... Вотъ это-то таинственное: почему либо и развязка всему! Чѣмъ студентъ можетъ обратить на себя вниманіе профессора? Скромное, благородное поведеніе, прилежаніе, даровитость, быстрые успѣхи въ наукѣ, которую преподаетъ профессоръ, — вотъ чѣмъ можетъ онъ обратить на себя вниманіе! Но если смотрѣть на семинариста такъ, какъ смотритъ на него авторъ, — то онъ, семинаристъ, за исключеніемъ развѣ безплоднаго прилежанія, рѣшительно ничѣмъ не могъ бы обратить на себя вниманіе профессора; потому что онъ, по словамъ автора, наполненъ весь совершеннѣйшею пустотою; потому что всѣ умственныя и нравственныя силы въ немъ подавлены, убиты семинарскимъ образованіемъ.... Спрашивается: чѣмъ же однако онъ успѣлъ заслужить вниманіе профессора? Чтобы подавленныя, убитыя въ немъ семинарскимъ образованіемъ умственныя и нравственныя силы вдругъ могли воскреснуть, ожить въ Университетѣ, — и потомъ обратили на себя вниманіе, — это — не въ порядкѣ вещей; это было бы чудомъ, или, по крайней мѣрѣ,

явленіемъ очень рѣдкимъ. Но эти явленія, т. е. что семинаристы и въ Университетахъ обращаютъ на себя вниманіе профессоровъ, повторяются весьма часто, — что̀ мы доселѣ видимъ изъ опытовъ.... Что-жъ послѣ этого значитъ напряженное усиліе автора доказать, что образованіе семинарское никуда не годится, что оно подавляетъ только и убиваетъ всѣ силы воспитанника, — что оно такое, — какъ не явная ложь, какъ не самая черная клевета?...

Другой вышелъ въ люди потому, что попалъ на уроки въ богатый, образованный домъ.... Но если бы всѣ смотрѣли на семинариста глазами автора, — то какой же богатый и образованный отецъ семейства рѣшился бы довѣрить такое важное дѣло, каково воспитаніе дѣтей, этому грубому, дикому, развратному идіоту, какимъ описанъ бѣдный семинаристъ? Что это за учитель, что за педагогъ!!... И если бы по ошибкѣ и взялъ его къ себѣ на уроки, — то послѣ перваго, и многомного послѣ втораго посѣщенія прогналъ бы отъ себя этого нестерпимаго педагога, — и бѣдный пе-

дагогъ такимъ образомъ никогда бы не могъ выдти въ люди чрезъ этого вельможнаго отца...

Третій вышелъ въ люди потому, что поступилъ въ д. Академію, сблизился тамъ съ людьми благородно мыслящими и благородно дѣйствующими... А! такъ и въ Академіи есть еще люди благородно мыслящіе и благородно дѣйствующіе... Но вѣдь и они изъ Семинаріи же: откуда-жъ они сами могли позаимствовать эти благородныя качества души? А съ другой стороны какъ у этихъ дикарей, питомцевъ ихъ, которые провели, можетъ быть, около 10 лѣтъ въ дух. училищѣ и въ Семинаріи, за тѣмъ только, чтобы развить тамъ одну память и убить прочія способности, да кстати запастись тамъ самолюбіемъ безъ мѣры, да пустотою совершеннѣйшею, какъ у нихъ въ теченіи только 4 лѣтъ академическаго образованія вдругъ успѣли преобразоваться и умъ, и воля и сердце? Извѣстно, что впечатлѣнія дѣтства, какъ и самъ авторъ утверждаетъ, остаются въ человѣкѣ надолго, и много, очень много нужно времени, много нужно самыхъ напряженныхъ усилій со стороны человѣка, чтобы изгладить дурныя, закоренѣлыя впечатлѣнія

дѣтства; и между тѣмъ въ Академіи это дѣло дѣлается очень легко... отъ чего же это?... По нашему взгляду — дѣло очень простое: воспитанники еще въ училищѣ и въ Семинаріи подготовлены къ тому, чтобы въ Академіи быть благородно-мыслящими и благородно-дѣйствующими... Но смотрѣть на дѣло глазами автора, — такъ это — тайна, ни чѣмъ необъяснимая...

Четвертый вышелъ въ люди потому, что поступилъ въ канцелярію какого нибудь вельможи; приглянулся своему начальнику; тотъ взялъ его въ желѣзныя руки, — и вотъ онъ самъ въ послѣдствіи государственный человѣкъ... Чѣмъ же бы опять онъ, семинаристъ съ такими ужасающими качествами, какія усвояетъ ему авторъ, чѣмъ бы онъ могъ приглянуться своему начальнику? И какія желѣзныя руки изъ идіота могутъ сдѣлать государственнаго человѣка?... Авторъ и самъ на этотъ вопросъ, конечно, не въ состояніи дать отвѣта. По мы выше упомянули о многихъ Святителяхъ, которые не бывали ни въ Университетахъ, ни въ канцеляріяхъ вельможъ, не вкусили даже и мудрости академической, а учились только въ духовныхъ Семинаріяхъ,

и однакожъ были въ свое время великіе мужи, съ огромнымъ вліяніемъ на современныхъ имъ людей... Кому-жъ этимъ они обязаны? Кому послѣ Бога, какъ не училищамъ, ихъ воспитавшимъ, образовавшимъ, просвѣтившимъ? — Скажутъ: ихъ немного; это исключенія... Да: ихъ немного; но немного потому, что мы не обо всѣхъ ихъ и упомянули; немного и потому, что и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитываются милліоны; а выходятъ изъ нихъ ученые профессоры, государственные люди и т. п. не милліонами, а десятками: какъ же требовать чтобы изъ духовныхъ училищъ выходили необыкновенные люди?...

Итакъ вотъ все, что нашли мы нужнымъ сказать объ образованіи духовнаго юношества! Этимъ впрочемъ отнюдь не то хотѣли мы высказать, будто во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ все идетъ какъ нельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Подобныя мысли можетъ высказать только самое слѣпое самолюбіе. Нѣтъ; мы далеки, очень далеки отъ подобныхъ мыслей; нѣтъ; мы сознаемся, что есть и у насъ своего рода недостатки, какъ есть они и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и начальствующіе

въ нашихъ училищахъ сами, конечно, видятъ эти недостатки, и по мѣрѣ силъ своихъ заботятся объ ихъ исправленіи. Но чтобы въ нашихъ училищахъ было все такъ, какъ выставилъ авторъ книги о сельскомъ духовенствѣ, выставилъ съ желчію, въ самой страшной карикатурѣ, съ самой грязной стороны; чтобы каждый, воспитавшійся въ духовныхъ училищахъ, за исключеніемъ очень немногихъ, могъ оттуда выдти въ свѣтъ не иначе, какъ какимъ-то звѣремъ, дикимъ, жестокимъ, грубымъ невѣждою, — это — клевета, самая гнусная ложь!...

И если самъ авторъ не воспитывался въ духовныхъ училищахъ, — то значитъ, былъ слишкомъ довѣрчивъ къ ложнымъ объ нихъ разсказамъ людей неблагонамѣренныхъ или даже имѣлъ несчастіе встрѣчаться съ такими лицами, которые, къ сожалѣнію, позорятъ собою духовное сословіе, — и этато излишняя довѣрчивость къ слухамъ всякаго рода, безъ разбора, это несчастное столкновеніе съ нѣкоторыми несчастными людьми духовнаго званія и были, конечно причиною того, что онъ по нѣкоторымъ личностямъ произнесъ приговоръ о всѣхъ, и что̀ въ училищахъ составляетъ исключеніе,

то онъ назвалъ общимъ, а общее сдѣлалъ исключеніемъ. — Это — его вина...

Но онъ несравненно болѣе виноватъ, если самъ воспитался въ духовномъ училищѣ, и потомъ рѣшился такъ безпощадно его чернить. Всякій, въ комъ есть хоть сколько-нибудь добросовѣстности и благородства, всякій долженъ сознаться, что онъ многимъ, очень многимъ въ жизни обязанъ именно училищу, его воспитавшему; всякій долженъ сознаться, что училище для него есть какъ бы отецъ въ своемъ родѣ, какъ бы мать въ извѣстномъ отношеніи. — Долгъ родителей въ томъ и состоитъ, чтобы учить своихъ дѣтей, воспитывать, возращать, укрѣплять ихъ въ добрѣ: а не тоже ли самое дѣлаютъ съ нами и училища?.. Но вѣдь и родители наши, такъ много насъ любящіе, такъ много добраго для насъ дѣлающіе, — вѣдь и они не безъ недостатковъ: что же? Хорошъ ли былъ бы сынъ, который бы, замѣтивъ въ нихъ эти недостатки, сталъ про нихъ кричать вслухъ цѣлаго свѣта? Нѣтъ; любовь къ нимъ, чистая, искренняя любовь никогда бы на то не рѣшилась; нѣтъ; она скорѣе заставила бы сына обратиться къ самимъ родите-

лямъ, или, еще лучше, къ тѣмъ довѣреннымъ лицамъ, которыя бы могли на нихъ имѣть большое вліяніе, — обратиться съ просьбою, чтобы они своимъ авторитетомъ озаботились исправить недостатки родителей, столько тяжкіе для любящаго сына... Худъ, очень худъ былъ распутный сынъ, упоминаемый въ Евангеліи, который оставилъ отца своего, и уклонился отъ него на страну далече: но онъ, по крайней мѣрѣ, ничего дурнаго не говорилъ тамъ, въ странѣ чуждой, ни объ отцѣ своемъ, ни о братѣ... Какъ же послѣ этого назвать человѣка, который въ училищѣ, какъ въ лонѣ родительскомъ, получилъ воспитаніе, и чрезъ то средства къ жизни, — и потомъ удалился на страну далече, и тамъ рѣшился въ слухъ всего свѣта такъ безстыдно позорить мѣсто своего образованія? .. Кто — онъ?..

Но онъ увѣряетъ, что разглашать о недостаткахъ сельскаго духовенства вообще, и въ частности о недостаткахъ образованія духовнаго юношества заставила его именно любовь, которая хотѣла бы очернить все духовное сословіе во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобы люди могли обратить на

нихъ вниманіе и улучшить бытъ его... Положимъ, что это была цѣль его, — цѣль добрая: но что и добрая цѣль, когда для достиженія ея избираются средства недобрыя? А тутъ доброе ли средство избрано для достиженія цѣли? Показать одну только мрачную сторону духовнаго сословія, облечь эту мрачную саму по себѣ сторону гнусною ложью и клеветою, потомъ выдать все это за истину подъ страшною клятвою, — и гдѣ же все это? Не въ родной нашей землѣ, гдѣ бы не могли ему повѣрить, а далеко, далеко отъ насъ, за границею... что тутъ добраго?.. Поступитъ ли такъ тотъ, кто истинно любитъ Церковь и Отечество? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Если онъ видитъ недостатки своихъ соотчичей, — то скорѣе будетъ тайно слезы лить объ нихъ, будетъ указывать на эти недостатки въ своемъ кругу такимъ лицамъ, которыя могутъ исправить ихъ, будетъ усердно молиться Богу — вотъ его средства для достиженія доброй цѣли! А дѣйствіе автора книги о сельскомъ духовенствѣ походитъ на дѣйствіе такого человѣка, который бы, для излеченія близкаго ему больнаго, покрытаго такими струпами, которыя бы могли быть, при по-

мощи Божіей, исцѣлены только въ нашемъ климатѣ, въ нашей странѣ, нашими врачами, — вздумалъ перевезти куда-нибудь за границу и показывать его людямъ, которые могутъ питать только отвращеніе къ ранамъ несчастнаго, но отнюдь не могутъ содѣйствовать къ его излеченію, потому что онъ чуждъ для нихъ; потому что и климатическія условія страны, и мѣстность ея не могутъ способствовать къ излеченію недуга... Что-жъ пользы обнажать раны страдальца предъ тѣми, въ которыхъ онъ не можетъ найти состраданія?.. Развѣ отраднѣе отъ того ему станетъ? Развѣ болѣзнь его отъ того уменьшится?.. Не такъ ли поступилъ и авторъ, если онъ, издавая свою книгу за границею, имѣлъ даже въ виду добрую цѣль? — Какую опасную для насъ искру туда онъ забросилъ? Если Русскіе такъ говорятъ о Русскихъ: что же станетъ говорить объ нихъ иностранецъ?..

Но въ сторону — иностранцевъ: пусть они думаютъ и говорятъ объ насъ, что хотятъ; пусть тамъ страдаетъ наша народная честь... За то, можетъ быть, эта книга будетъ имѣть благотворное дѣйствіе у насъ, въ Россіи? О, дай Богъ, дай Богъ!..

Но что-то не вѣрится; что-то думается: не можетъ ли она вмѣсто предполагаемой пользы только вредъ причинить? Не можетъ ли она, унизивъ въ глазахъ свѣта нашихъ духовныхъ, подорвать всякое довѣріе, всякое уваженіе къ нимъ?.. Ахъ, если въ самомъ дѣлѣ люди духовнаго званія у насъ въ Россіи всѣ, за исключеніемъ очень немногихъ, такіе грубые невѣжды, съ такою грубою нравственностію; а они представители Церкви, они учители, они совершители Св. Тайнъ: то съ какимъ же довѣріемъ паства будетъ слушать ихъ ученіе, которое они преподаютъ, и котораго сами не понимаютъ, и съ какимъ чувствомъ будетъ она принимать отъ нихъ Св. Таинства, когда они сами не знаютъ, что совершаютъ?!.. Слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ... И хранится ли уже между нашими духовными лицами обѣтованіе Христа Спасителя, сказанное Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ преемникамъ ихъ: Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка? — Не перешло ли оно отъ нихъ куда-нибудь?.. Стоитъ ли уже свѣтильникъ Православія на своемъ мѣстѣ? Не подвигся ли онъ куда-нибудь въ сторону?.. Какія горькія, страш-

ныя мысли!.. А онѣ легко могутъ запасть въ неопытную, нетвердую въ вѣрѣ, и притомъ воспріимчивую душу при чтеніи этой книги о сельскомъ духовенствѣ... Такъ вотъ до чего можетъ довести инаго предполагаемая добрая цѣль!... Но стоитъ только побольше вдуматься въ эту книгу, а съ другой стороны поближе всмотрѣться въ бытъ Русскаго духовенства, — и тотчасъ мракъ души разсѣевается, гибельное недоумѣніе исчезаетъ, сердце и и умъ успокоиваются... Мы разсмотрѣли только малую часть книги, — и видѣли, что въ ней истина перемѣшана съ ложью почти на каждой страницѣ. —

Теперь слѣдовало бы намъ разсмотрѣть прочія части упомянутаго сочиненія; но — довольно: и по отрывку можно, по крайней мѣрѣ отчасти, судить о достоинствѣ цѣлаго сочиненія. Впрочемъ, если бы оказалось нужнымъ, мы не откажемся отъ продолженія нашего труда, имѣя въ виду защищеніе духовнаго сословія отнюдь не по предубѣжденію какому-нибудь, не по пристрастію къ своему сану; нѣтъ: для насъ дорога правда, дорого мѣсто нашего воспитанія, которому мы многимъ, очень мно-

гимъ въ жизни обязаны, любезно Отечество, котораго и самый дымъ сладокъ, дорога Церковь — душа Отечества, дороги представители Церкви... вотъ единственное побужденіе, которое вызвало теперь насъ на трудъ, и которое можетъ вызвать насъ и на послѣдующіе труды, если только они окажутся нужными. —

ДУХОВНОЕ ЗВАНІЕ ВЪ РОССІИ.

Голосъ сельскаго священника*).

Изъ повременныхъ изданій, какія могли проникнуть въ нашу отдаленную глушь, узнали мы — сельскіе священники, что про насъ толкуютъ Православные уже и въ печати, и толкуютъ съ самой невыгодной стороны.

Пока дѣло было домашнее, пока люди свѣтскіе позволяли себѣ нѣкоторыя выходки противъ насъ только при встрѣчѣ съ нами: мы считали своею обязанностію отвѣчать имъ молчаніемъ, полагая,

---

*) Заимствуемъ эту статью изъ повременнаго Русскаго изданія. Содержаніе ея даетъ правильное понятіе объ образованіи, положеніи и отношеніяхъ сельскаго духовенства извѣстной мѣстности, хотя въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ напримѣръ о землѣ, находящейся во владѣніи духовенства, — мы не можемъ согласиться съ авторомъ.

Изд.

что подобные люди — исключеніе изъ благороднаго сословія. Но теперь, когда виднымъ становится, что почти все образованное сословіе тѣхъ же мыслей о насъ, мы думаемъ, что пора и намъ защищаться гласно. Итакъ просимъ благосклоннаго вниманія мудрыхъ людей къ нашимъ немудрымъ рѣчамъ и безпристрастнаго суда надъ нами, сельскими священниками: такъ ли мы виноваты, какъ насъ представляютъ?

Главная и общая мысль, которую постоянно мы слышимъ и которую часто высказываютъ намъ въ глаза, состоитъ въ томъ, что наше воспитаніе семинарское будто-бы неудовлетворительно. Да чѣмъ же, скажите ради Бога, чѣмъ неудовлетворительно? Что вамъ нужно отъ насъ? Обширныхъ познаній богословскихъ, философскихъ, историческихъ, естественныхъ и словесныхъ? Но нѣкоторые изъ насъ (воспитанники 1го разряда, имѣющіе степень студентовъ) имѣютъ ихъ весьма достаточно и могутъ удовлетворить любознательности какого угодно дворянина, проживающаго въ имѣніи. Большая часть, согласно своему назначенію — быть учителями простаго народа, также имѣютъ удовлетворитель-

ныя свѣдѣнія, и мы не думаемъ, чтобы кто-либо изъ хорошо знающихъ курсъ семинарскихъ наукъ, согласился съ мнѣніемъ одного автора (Земледѣльч. Газета 1857 г. № 39 о распространеніи грамотности между крестьянами. Вл. Критскій), который, разсуждая о средствахъ къ образованію помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей, между прочимъ говоритъ, что сельскіе священники большею частію пріобрѣтаютъ въ заведеніяхъ такое одностороннее воспитаніе, познанія многихъ такъ ограничены, что врядъ ли они съ пользою въ состояніи подвизаться на этомъ поприщѣ. Авторъ, какъ видно, вовсе не знакомъ съ пограммою семинарскаго образованія. Она напротивъ именно такова*), что хорошо

*) Вотъ, напр., чему меня учили въ свое время въ Семинаріи: 1) Богословію: догматическому, нравственному, обличительному, обрядовому, пастырскому, изъяснительному, церковному законовѣдѣнію, гомилетикѣ, патрологіи, истолковательному чтенію Св. Писанія, Православному Исповѣданію, обозрѣнію богослужебныхъ книгъ: 2) Исторіи: библейской, общей церковной, Россійско-церковной всеобщей гражданской и Русской гражданской; 3) Философіи: логикѣ, психологіи, а съ метафизикою и исторіею

успѣвшій семинаристъ (1го разряда) можетъ быть для своихъ прихожанъ и духовнымъ и тѣлеснымъ врачемъ, и отличнымъ наставникомъ грамотности и улучшеннаго сельскаго хозяйства, — можетъ, безъ учрежденія особыхъ земледѣльческихъ школъ въ городахъ, лишь бы ему на приходѣ предоставлены были всѣ нужныя къ тому средства (аптека, библіотека, содержаніе и проч.). Мы даже думаемъ, узнавъ изъ опыта, что черезъ-чуръ много уже назначено наукъ въ пограмму нашего воспитанія, и было бы небезполезно облегчить курсъ семинар-

---

философіи мы знакомились посредствомъ дѣльныхъ книгъ, которыя профессоръ давалъ намъ для чтенія; 4) Математикѣ: алгебрѣ, геометріи и пасхаліи; 5) Естественнымъ наукамъ: зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, физикѣ, медицинѣ (съ популярною астрономіею знакомились посредствомъ чтенія книгъ); 6) Словеснымъ наукамъ: словесности и языкамъ: Греческому, Латинскому, Французскому, Нѣмецкому и Еврейскому; 7) наконецъ и сельскому хозяйству: земледѣлію, скотоводству, садоводству, шелководству, огородничеству и проч. Географіи, разнымъ грамматикамъ, ариѳметикѣ учили насъ въ уѣздныхъ училищахъ. Кажется, весьма довольно хоть для какой сельской школы ни назначили бы въ учители.

скій. Если есть какой-либо недостатокъ въ семинарскомъ образованіи, то онъ состоитъ не въ самой пограммѣ этого образованія, и не въ ходѣ его, а въ томъ, что иногда, по снисходительности, позволяютъ оканчивать полный курсъ въ Семинаріи и малоуспѣвающимъ воспитанникамъ. Но и изъ Университетовъ, не говорю о Гимназіяхъ, выходятъ иногда съ такими ограниченными свѣдѣніями, какъ мнѣ не разъ доводилось видѣть изъ разговоровъ, что нельзя и узнать, что это студенты Университета. Скажете, что подобные выпуски — исключенія? И мы говоримъ, что такія же исключенія бываютъ и въ Семинаріяхъ. Скажете: гдѣ-жъ ваши познанія? Отъ чего мы не видимъ ихъ при встрѣчѣ съ вами? Отвѣчаемъ: позволяете ли вы намъ говорить свободно предъ собою? Если вы помѣщикъ и помѣщикъ знатный, то не заставляете ли вы насъ ждать по цѣлымъ часамъ у порога, пока удостоите насъ свиданія съ вами? А удостоивши свиданія, такъ ли принимаете насъ*), какъ бы слѣ-

*) Случилось мнѣ самому однажды, по обязанности благочиннаго, говорить предъ однимъ бариномъ о правахъ при-

довало по приличіямъ свѣта, по правиламъ вѣжливости, по уваженію къ нашему священному сану, по благоговѣнію къ Богу и Господу нашему Іисусу Христу, Котораго мы, хотя и недостойные, служители?... Эти приличія, эта вѣжливость свѣта не для васъ, — отвѣчаютъ намъ поступками своими многіе господа; для васъ довольно, если васъ попросятъ сѣсть, если съ вами скажутъ нѣсколько словъ. И въ самомъ дѣлѣ, что имъ за дѣло, что мы служители Божіи?... Нынче не такъ уже смотрятъ на Вѣру умные люди, чтобы уважать ея служителей. Какое правило Вѣры можетъ быть обязательно для человѣка образованнаго? Чего не нарушаютъ образованные, за исключеніемъ немногихъ? Св. посты для нихъ — ни по чемъ; храмъ не для нихъ созданъ; обряды Вѣры (молебны, паннихиды, совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ) считаютъ чѣмъ-то отсталымъ, излишнимъ; узы брака священны только для немногихъ (удовлетвореніе, говорятъ, требованіямъ природы не есть грѣхъ). При

ходскаго причта, — и чтоже? Какъ обошлись со мною — благочиннымъ?...

такомъ взглядѣ на религію, можетъ ли быть мѣсто у нихъ скромному Православному сельскому священнику? У нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ ему и другаго названія, кромѣ презрительнаго: попъ, попы. Если попъ вздумаетъ иногда по долгу своему напомнить барину объ исполненіи уставовъ Вѣры; если станетъ доказывать необходимость ихъ, если при этомъ укажетъ на Угодниковъ Божіихъ ревновавшихъ о Вѣрѣ: то вызоветъ противъ себя или улыбку сожалѣнія о простотѣ священниковъ Православныхъ, до сихъ поръ, вопреки мнѣнію образованныхъ людей Запада, принимающихъ все въ религіи за истину, или даже рѣзкія оскорбленія и Вѣрѣ, и Церкви, и своему сану. Вообще, неуваженіе къ священному сану такъ развито у свѣтскихъ людей, что каждый даже мелкій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ кто-то изъ поэтовъ написалъ: коллежскій регистраторъ — почтовой станціи диктаторъ, — считаетъ себя не только выше священника, но и прямо требуетъ отъ него подобострастнаго уваженія, а господа познатнѣе, въ особенности помѣщики, играютъ нами, какъ шашками. Иной на своемъ вѣку тѣмъ только и зани-

мается, что перемѣняетъ въ своей деревнѣ священниковъ, интригуя противъ нихъ. Спросите: по какому праву такъ распоряжаются священниками, когда и рабство крестьянъ нынѣ считается уже недостойнымъ просвѣщенія? — вамъ отвѣтитъ помѣщикъ не запинаясь: „какъ, по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой попъ, мой и приходъ.“ Послѣ этого вы конечно отгадаете, что у такого владѣльца образованному священнику еще труднѣе жить, чѣмъ необразованному*). Будьте же, мило-

*) Вообще священники съ недостаточными свѣдѣніями большею частію находятся въ господскихъ селеніяхъ, какъ сознаются и сами помѣщики (Зем. Г. 1858 г. No. 27 ст. Г. Астафьева). Причина этого своеволіе и капризы самихъ господъ. Одинъ благонамѣренный помѣщикъ, когда я учился еще въ Семинаріи (1846 г.), разсказывалъ мнѣ истинный анекдотъ, что одна помѣщица — сосѣдка его, перемѣнивъ до пяти священниковъ въ короткое время, обратилась наконецъ съ просьбою къ Епископу посвятить ей въ священники дьячка ея, который, кромѣ невѣжества, имѣлъ еще физическій недостатокъ — былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Когда же Владыка спросилъ: что ее заставляетъ домогаться имѣть священникомъ собственно своего дьячка? Она отвѣчала: „Владыко святый, — Богъ съ ними — съ ученьми; многаго требуютъ выполнять; а гдѣ намъ все исполнить?“

стивые государи, справедливы; говоря о попахъ, о духовенствѣ, обратите вниманіе и на свои отношенія къ намъ, и потомъ уже разсуждайте: кто наиболѣе требуетъ преобразованія: мы ли съ нашими ограниченными познаніями, если и допустить справедливость этой мысли, или тѣ, которые даютъ объ насъ сужденіе столь поверхностное, и такъ съ нами обращаются? А предварительно просимъ васъ, милостивые государи, просимъ мы — сельскіе священники*), дайте намъ — попамъ вашимъ, хоть на нѣсколько времени, хоть для опыта побольше простора надъ вашими сердцами; довѣрьтесь намъ, какъ врачамъ духовнымъ, которыхъ Самъ Господь назначилъ для васъ, — и тогда смотрите: есть ли въ насъ то, чего теперь не видите, есть ли въ насъ образованіе, имѣемъ ли мы все нужное для выполненія нашихъ обязанностей?

— „Такъ этотъ же, возразилъ Владыка, вовсе ничего не знаетъ.“ „Это правда, отвѣтила помѣщица, но зато онъ у меня такой послушный, какъ мокрая курица!...“

*) Я пишу это не по одному своему желанію, а по желанію и по просьбѣ нѣсколькихъ ближайшихъ сельскихъ священниковъ.

Но вы скажете намъ въ отвѣтъ на это: врачу, исцѣлися самъ! Знаю, что это — второе, чѣмъ намъ постоянно колютъ глаза. И во первыхъ: мы постоянно слышимъ жалобы, что духовенство унижаетъ себя вымогательствомъ. Не спорю, что есть священники, дѣйствительно забывающіе приличіе своего сана, но вѣрно и то, что есть священники въ селахъ, которые безкорыстіемъ своимъ заслужили и заслуживаютъ общее уваженіе и любовь Христіанъ. Большая же часть духовенства держится средины: гдѣ можно взять, берутъ; гдѣ отказываютъ, — исполняютъ молча свое дѣло, а нерѣдко и сами даютъ. Но обратите вниманіе на источникъ этого зла въ духовенствѣ: не заключается ли онъ въ самыхъ способахъ содержанія, какія предоставляютъ намъ міряне? Отъ міра, чрезъ посредство Правительства, мы получаемъ на свое содержаніе жалованье и землю. Но жалованье, нами получаемое, болѣе, чѣмъ недостаточно. Какъ старшій священникъ, я, напр., получаю въ годъ, съ вычетомъ за землю, всего 96 руб. серебромъ; изъ него работнику я долженъ заплатить въ годъ 40 руб. серебромъ (не вѣрите? повѣрьте дознаніемъ, если угодно), работницѣ 25 руб. сере-

бромъ; на покупку дровъ и вообще топлива, хотѣлъ сказать, — 50 руб., но жалованья уже не достаетъ. А у меня еще подростаютъ три дочери, которымъ надобно дать какое-нибудь воспитаніе, употребляя въ годъ на каждую хотя по 30 руб. сер. въ теченіи шести лѣтъ; ростетъ сынъ, требующій издержекъ по Семинаріи для найма квартиры, на книги и на одежду. Много есть и другихъ домашнихъ нуждъ, напр., одно приличное одѣяніе священника требуетъ въ годъ не менѣе 50 руб. сер., и проч., и проч., и проч. Младшіе же священники, тоже за вычетомъ, получаютъ по 70 руб., діаконы по 36, дьячки по 24, пономари по 14 руб. Если сравнить этотъ окладъ съ окладомъ волостныхъ и другихъ сельскихъ должностныхъ лицъ, то окажется, что сіи послѣдніе, не имѣя многихъ изъ тѣхъ нуждъ, какія мы имѣемъ, имѣютъ, однакожъ, вдвое большій окладъ противъ нашего. Голова, напр., получаетъ до 120 руб. сер., волостной писарь отъ 60 до 180; старшина 50 руб. и сельскій писарь отъ 35 до 100 руб.; даже сторожа получаютъ больше нашихъ пономарей (см. Сборникъ для руководства Волостнаго и Сельскаго Правленій). А земля? Что касается

земли, то, если судить правильно, пользованіе землею для духовенства также несовмѣстно съ его назначеніемъ, какъ несовмѣстно было бы служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ вмѣсто оклада жалованья получать для обработки 20, 30 десятинъ земли. Тѣ не понимаютъ дѣла, которые говорятъ, что обязанности наши не многочисленны. Едва ли какое сословіе можетъ разсчитывать на досугъ менѣе, чѣмъ сословіе священниковъ. Чиновникъ какого-либо присутственнаго мѣста, при всей многочисленности занятій своихъ, знаетъ, по крайней мѣрѣ, время ихъ; а священникъ каждый часъ долженъ быть готовымъ къ своей службѣ. Если же прибавимъ къ этому, что священникъ долженъ слѣдить за ходомъ образованія народнаго, обязанъ приготовлять поученія для народа, восполнять постоянно свои познанія, приготовляться къ достойному совершенію богослуженія церковнаго, посѣщать больныхъ, принимать участіе въ бѣдствующихъ, содѣйствовать нуждающимся въ пропитаніи, заботиться о распространеніи грамотности въ приходѣ: то окажется какъ нельзя яснѣе, что у священника мало, очень мало времени. Поэтому священнику за-

ниматься для своего содержанія хлѣбопашествомъ, требующимъ постояннаго вниманія и хлопотъ, значитъ — нарушать свои обязанности, отвыкать отъ нихъ и грубѣть болѣе и болѣе, наравнѣ съ земледѣльцами. Вотъ почему мы и доселѣ видимъ въ селахъ священниковъ съ грубою наружностію, съ тѣсными мыслями о пропитаніи и съ недостаточными (т. е. забытыми) познаніями. Изъ Семинаріи они вышли вовсе не таковыми, священный — благородный огонь ревности по благочестію горѣлъ въ нихъ, когда они поступали на приходъ; но, встрѣтивъ недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, они по необходимости перемѣнились. Другіе, испытавъ на опытѣ все неудобство занятій хлѣбопашествомъ, стали требовать себѣ содержанія отъ прихожанъ, и эти, сначала необходимыя требованія, въ послѣдствіи обращаются у нѣкоторыхъ уже въ страсть корыстолюбія. Вообще порокъ корыстолюбія въ духовенствѣ зависитъ не отъ воспитанія и не отъ природныхъ наклонностей духовнаго сословія, а отъ способовъ его содержанія. Обезпечьте насъ, какъ слѣдуетъ, дайте намъ приличное содержаніе, и тогда требуйте отъ насъ совершеннаго

безкорыстія. Мы не только не пожалѣемъ тогда о своихъ доходахъ, напротивъ, будемъ радоваться, что избавились отъ этой тяжкой и горькой необходимости питаться подаяніемъ*). Но намъ могутъ сказать, что духовенство менѣе нуждается, чѣмъ сколько требуетъ на себя. Дѣйствительно, я читалъ въ Земл. Газетѣ за текущій годъ въ No. 4 такую откровенность одного почтеннаго старца. Говоря о томъ, что многіе благонамѣренные люди хлопочутъ объ удовлетвореніи духовенства въ первыхъ потребностяхъ жизни, авторъ-старецъ продолжаетъ: прекрасно; положимъ, что сдѣлано будетъ постановленіе, удовлетворяющее всѣмъ съѣдомымъ и скотосодержательнымъ потребностямъ; ну, а если и за всѣмъ этимъ начинающаяся развиваться въ семействахъ уже и духовныхъ лицъ склонность къ нарядамъ не пріостановится въ должномъ предѣлѣ: тутъ что??? И за тѣмъ разсказываетъ анекдотъ о перекладинкѣ, ос-

*) Это — мысль общая всего духовенства, — желаніе, постоянно высказываемое.

корбляющій достоинство не только духовнаго сословія, но и всякаго другаго. Прочитавъ эту статью, а въ особенности слова, выписанныя нами, мы невольно подумали, что авторъ ея, должно быть, только себѣ одному и считаетъ свойственнымъ одѣваться прилично и со вкусомъ, но никому болѣе, а тѣмъ болѣе — семействамъ духовныхъ. Будьте покойны, милостивый государь, наряды семействъ нашихъ никогда не будутъ разорительны и прихотливы. Дайте намъ хоть необходимое-то!

Другой порокъ видятъ за нами въ томъ, что мы иногда неприлично одѣваемся, не знаемъ свѣтскихъ манеръ и вообще не аккомпанируемъ свѣтскимъ людямъ въ ихъ образѣ жизни. Что сказать на это обвиненіе? Скажемъ прежде всего, что какъ правда сама себѣ вѣрна, такъ ложь всегда сама себѣ противорѣчитъ. Тогда какъ иные осуждаютъ духовныхъ за начинающую развиваться въ нихъ склонность къ нарядамъ (надобно бы сказать правильнѣе — къ приличной одеждѣ), другіе до сихъ поръ осуждаютъ насъ за неприличную одежду. Да скажите же, Бога ради, кого изъ васъ слушать, кому угождать? Учителей такъ много стало, что

мы — по призванію и по должности учители народные, — не видны стали изъ за облака литературныхъ учителей; а это одно обстоятельство такъ громко обличаетъ ложное направленіе нашей литературы, что намъ страшно и подумать — отказаться отъ права, дарованнаго намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ — располагать свой образъ жизни не по прихотливымъ и измѣнчивымъ требованіяхъ свѣта, но по заповѣдямъ Вселенской Церкви и не учиться у мірскихъ самозванныхъ учителей, а ихъ учить большей скромности въ сужденіи о ближнихъ своихъ, большему сочувствію къ нуждамъ другихъ. Что же касается до свѣтскихъ манеръ, то для простаго народа, которому мы по преимуществу и служимъ, они вовсе ненужны; для свѣтскихъ лицъ, хотя и нужны, но священники сельскіе не имѣютъ возможности изучить ихъ вполнѣ потому, какъ я сказалъ выше, что одни изъ образованныхъ чуждаются насъ вовсе, а другіе удаляются отъ насъ потому, что мы не исполняемъ ихъ требованій, несовмѣстныхъ съ нашимъ званіемъ. Одинъ полковникъ спросилъ когда-то моего товарища — священника: знаете ли вы N? — Знаю

довольно, отвѣчалъ товарищъ. — Какой прекраснѣйшій человѣкъ, продолжалъ полковникъ; мы съ нимъ, бывало, по цѣлымъ ночамъ просиживаемъ за преферансомъ, и прибавилъ: отчего бы и вамъ, батюшка, не держать себя такъ же?... Предоставляемъ судить каждому, совмѣстны ли такія требованія съ званіемъ священниковъ? Нѣтъ; пока общество наше свѣтское, образованное по западному, не перемѣнитъ своихъ мыслей относительно назначенія священниковъ, пока не возвратиться оно само на стезю Православія древнихъ*) вельможъ, требо-

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ древніе князья уважали и содержали своихъ духовныхъ отцевъ. О Мономахѣ Воскр. Лѣтопись: „Святительскій чинъ чтяше, и не ослушаяся его (Митрополита) аки отца.“ О Ярославѣ: „Митрополитъ же много глаголаше ко Ярославу о миру... Онъ жё послуша брата своего старѣйшаго и отца своего, Митрополита.“ „Принимайте, говоритъ Мономахъ въ завѣщаніи своемъ дѣтямъ, съ любовію благословеніе духовныхъ.“ А нынѣ это выходитъ уже изъ моды. Многіе, устроивая храмы, сверхъ добровольныхъ приношеній отъ прихожанъ, за которыя тогда не кричали такъ, какъ теперь кричатъ, давали еще десятину на содержаніе духовенства. Чего же взаимно отъ духовныхъ требовали? „Пусть, говорили, мо-

вавшихъ отъ духовенства совсѣмъ не того, чего теперь требуютъ: до тѣхъ поръ, какъ бы ни были наши священники достойны своего званія, — обществу все будетъ казаться, что мы не соотвѣтствуемъ своему назначенію, что насъ нужно переродить Университетами, балами, театрами, танцами, и проч. и проч. и проч. Тогда, и только тогда, когда вы, милостивые государи, обратитесь къ намъ лицемъ, а не спиною, когда потребуете отъ насъ наставленій духовныхъ, а не соучастія въ картахъ, и съ ласкою, свойственною истинно образованному человѣку, будете обращаться съ нами тогда только намъ можно будетъ и съ своей стороны уничтожить внѣшнюю преграду, отдѣляющую насъ отъ васъ; можно будетъ перемѣнить свои манеры, смягчить тонъ, вообще позаимствовать отъ васъ свободное и пріятное обращеніе.

Третьимъ недостаткомъ въ духовенствѣ, и недостаткомъ общимъ, считаютъ недостатокъ доброй нравственности. Но мы рѣшительно не понимаемъ,

---

лятъ Бога." Кіев. лѣтоп. См. обо всемъ въ Ист. Рус. Церкв, Преосв. Фил. 1. отд. IV Упр. Цер.

откуда такое нареканіе на сельское духовенство? Я былъ благочиннымъ, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 20 священниковъ съ причтами, и только за исключеніемъ немногихъ, которые и были строго преслѣдуемы начальствомъ за это, большая часть священниковъ и причтовъ ведутъ себя неукоризненно, — такъ, что если и не съ одинаковымъ успѣхомъ употребляютъ свои познанія для народа, то жизнію своею не только не подаютъ соблазна никому, но и являются вполнѣ достойными своего сана. Откуда же, спрашиваемъ снова, происходитъ нареканіе въ безнравственности на сельское духовенство? Чѣмъ оно заслужило такую репутацію? Развѣ тѣмъ, что иногда дѣлитъ время съ простымъ народомъ? Но чего бы вы хотѣли лучше отъ священнина, — замкнутости въ самомъ себѣ, въ своемъ семействѣ, въ своемъ санѣ, въ своемъ званіи, которую вы также порицаете, и которая дѣйствительно безполезна и вредна для народа, или частаго, даже дружескаго, сношенія съ прихожанами, какъ съ дѣтьми духовными? Болѣе, нежели несправедливо, представлять такое сношеніе поводомъ къ пьянству; я, напр., часто принимаю у себя въ домѣ крестьянъ, обра-

щаюсь съ ними не только ласково, но и угощаю ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, потому что между этими простыми сердцами есть такія добрыя, Христіанскія души, что всею душею радуешься и благодаришь за нихъ Господа. Да и что мнѣ до того, что меня осудитъ за это свѣтскій человѣкъ, пренебрегающій и всякимъ кругомъ ниже его? Я въ добромъ крестьянинѣ вижу созданіе Божіе, вижу равнаго себѣ человѣка, вижу искренняго, нелицемѣрнаго Христіанина. Съ другой стороны: гдѣ и когда съ большимъ удобствомъ я — пастырь могу подѣлиться съ своимъ прихожаниномъ духовною бесѣдою, наставить его въ правилахъ доброй нравственности, разрѣшить его недоумѣнія, какъ не въ дружеской бесѣдѣ? Только здѣсь я могу ближе узнать его, и онъ, нестѣсняемый боязнію, свободнѣе можетъ открыть мнѣ свою душу. Надобно бы, узнавъ ближе дѣло, желать такого сближенія пастырей съ своими пасомыми, а не порицать насъ за то, что мы, по примѣру Спасителя нашего, ѣдимъ и пьемъ съ мытарями и грѣшниками.

Но низойдемъ еще ближе въ сферу крестьянъ, судьбою которыхъ занято теперь общественное

мнѣніе. Правительство и благонамѣренные люди усердно хлопочутъ о распространеніи грамотности между поселянами. Между тѣмъ нѣкоторые и пишутъ, и говорятъ, что духовенство и съ этой стороны не приноситъ никакой пользы; по крайней мѣрѣ сомнѣваются, есть ли какая польза прихожанамъ отъ исполненія нами церковныхъ службъ, отъ нашихъ проповѣдей и проч. Прежде, нежели станемъ отвѣчать положительно на этотъ вопросъ, просимъ благородное и ученое сословіе обратить вниманіе на другой вопросъ, близкій къ этому: да кто же до сихъ поръ распространялъ и поддерживалъ грамотность въ народѣ, какъ не духовенство? Народныя школы явились у насъ такъ недавно; а грамотность въ народѣ существуетъ очень давно, еще со времени Св. Владиміра; въ XVII вѣкѣ мы видимъ проповѣдника въ сельскомъ священникѣ, которому нестыдно было бы проповѣдывать и въ XIX (Дух. Бес. No. 40 1858 г. и Ист. Р. Ц. Преосв. Филарета пер. IV) Даже и послѣ Петра Великаго, даже и теперь, когда по селамъ казеннымъ завели школы, духовенство не перестаетъ учить народъ письму, сколько возможно.

Загляните, если угодно, въ отчеты епархіальные, и вы увидите, что независимо отъ школъ Правительства, во многихъ мѣстахъ существуютъ простыя школы для обученія дѣтей поселянъ закону Божію и письму. Изъ извѣстныхъ мнѣ таковыхъ школъ укажу на двѣ. Старобѣльскаго уѣзда помѣщичьей слободы Танюшевки священникъ Андрей Рутовскій, безъ всякаго пособія владѣльца, съ помощію брата своего, набираетъ мальчиковъ и обучаетъ ихъ читать, писать, закону Божію, ариѳметикѣ, грамматикѣ и даже церковному пѣнію. По обязанности благочиннаго, я неоднократно испытывалъ учащихся — и успѣхи каждый разъ оказывались весьма удовлетворительными. А Купянскаго уѣзда протоіерей Андрей Капустинъ въ слободѣ Олыпаной, изъ подобной же школы собственнаго учрежденія, образовалъ очень порядочный хоръ пѣвчихъ. Но самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ, самымъ постояннымъ и самымъ удобнымъ средствомъ къ образованію простаго народа, безспорно, служило во всѣ времена и нынѣ служитъ исполненіе службъ церковныхъ и сказываніе проповѣдей. Чтобы вѣрно судить объ этомъ, потрудитесь выѣхать изъ столицы или гу-

бернскаго города въ село, гдѣ священникъ отличается усердіемъ къ исполненію своихъ обязанностей; поживите тамъ нѣсколько времени, наблюдите неповерхностно состояніе поучаемаго народа, и, я увѣренъ, вы тотчасъ перемѣните свои мысли; вы пожалѣете, что прежде такъ легко судили о пользѣ службъ церковныхъ и проповѣдей. Но гдѣ-жъ такое село, спросите вы? Не буду искать его далеко, — укажу на свой приходъ, не въ похвалу свою, — сохрани Богъ! — ибо вполнѣ чувствую и сознаю свои немощи и свое недостоинство, и исповѣдую, что благодатію Божіею есмь еже есмь: нѣтъ, во славу благодати Божіей немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей, и единственно для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ ученымъ міромъ, что мы говоримъ и пишемъ не наобумъ и оглашаемъ только то, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша, — рѣшаюсь писать слѣдующія строки. Поступивъ на приходъ, я замѣтилъ три важнѣйшихъ недостатка въ народѣ: а) невѣжество въ истинахъ Вѣры, б) рѣдкое посѣщеніе храма Божія, и в) непотребное пьянство вмѣ-

стѣ съ другими пороками. Для устраненія этого зла, я и товарищи мои не пропускали ни одного случая учить крестьянъ чему-нибудь, а больше всего старались привлечь народъ въ храмъ благолѣпнымъ богослуженіемъ, стройнымъ пѣніемъ крестьянскихъ мальчиковъ (у насъ заведено Правительствомъ сельское училище), обновленіемъ самаго храма и наконецъ больше всего проповѣдями. Благолѣпное богослуженіе сдѣлало то, что у насъ не тяготятся нынѣ простоять въ церкви сряду три часа (очевидное доказательство развитія религіознаго вкуса), а проповѣдь, хотя бы она была въ три листа, слушаютъ до конца (очевидное доказательство любви къ просвѣщенію свѣтомъ истиннымъ). Кромѣ того, прежде просторный приходскій храмъ нашъ сдѣлался теперь до того тѣсенъ, что предпринято распространить его вдвое. А свѣдѣнія народа въ Вѣрѣ каковы? Благодарю Всещедраго Бога, такъ обильно возрастившаго наше скудное сѣяніе! Спросите у насъ крестьянина, всегда посѣщающаго храмъ, спросите не повседневныя молитвы и заповѣди (это и дѣти хорошо знаютъ), но что либо изъ ученія о Богѣ Единомъ и Троичномъ, о

Спасителѣ и Его страданіяхъ, Таинствахъ Церкви, о загробной жизни, объ обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ: и я надѣюсь, вамъ будутъ отвѣчать нехуже тѣхъ, которые учатся въ школахъ. Многіе изъ неграмотныхъ знаютъ содержаніе дневныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола, житія Святыхъ Отецъ и многія изреченія Св. Писанія. Но всего пріятнѣе, всего отраднѣе видѣть, что въ простыхъ вѣрующихъ сердцахъ это знаніе не остается однимъ холоднымъ знаніемъ, или — выражаясь словами откровеннаго же старца (см. выше Земл. Газ. No. 10), — изученіемъ буквально твердымъ и только буквально — Закона Божія, такъ что прививокъ съ однимъ пустоцвѣтомъ*), но обращается въ постоянное правило

*) Авторъ хотя и 60 лѣтній старецъ и имѣетъ понятіе о преподаваніи въ пансіонахъ, но очевидно, не знаетъ, какъ во многихъ казенныхъ школахъ преподаютъ тѣ, о которыхъ онъ выражаетъ слѣдующее сомнѣніе: „годятся ли они быть учителями сельскихъ школъ.“ Чѣмъ трактовать, будутъ ли полезны школы въ имѣніяхъ помѣщиковъ (истина очевидная), чѣмъ переливать изъ пустаго въ порожнее — годятся ли священники для этой цѣли, лучше бы сдѣлали, еслибы, не теряя драгоцѣннаго времени, на первый разъ открыли бы

жизни — въ прививокъ съ полнымъ цвѣтомъ и обильными плодами. Пьянство такъ ослабѣло, что сидѣльцы и повѣренные откупа со мною въ разладѣ. Однажды повѣренный даже серьезно хотѣлъ было принести на меня жалобу епархіальному начальству за то, что послѣ одной сильной проповѣди долго никто не заглядывалъ въ кабакъ. На святкахъ, особенно Воскресенскихъ, когда въ другихъ мѣстахъ совершаются безчинства въ кабакахъ, у насъ за грѣхъ считаетъ крестьянинъ даже приблизиться къ шинку. Поминовенія усопшихъ, прежде походившія на языческія тризны, теперь совершаются вовсе безъ водки; даже свадебныя торжества, прежде разорявшія крестьянъ расходами на водку, теперь отправляются весьма умѣренно и чинно. Воровства и тяжбы большею частію прекратились сами собою; нравы весьма улучшились *). Между тѣмъ оставляя

хоть какія нибудь школы подъ надзоромъ приходскихъ священниковъ; опытъ скоро показалъ бы, что прививки были бы не съ однимъ пустоцвѣтомъ; но, видно, судить и рядить — легче, чѣмъ дѣлать ....

*) Доказательствомъ улучшенія нравовъ служатъ метрическія книги. Со времени поступленія моего на приходъ

праздную жизнь и пороки, народъ сдѣлалсь трудо-

вотъ какъ уменьшалось число незаконнорожденныхъ дѣтей обоего пола въ приходѣ, состоящемъ изъ 7 тысячь д. муж. и женскаго пола:

Въ 1851 году	19	душъ
— 1852 —	16	—
— 1853 —	15	—
— 1854 —	11	—
— 1855 —	8	—
— 1856 —	7	—
— 1857 —	5	—
— 1858 —	2	—

Результатъ самый утѣшительный! Небывшихъ на исповѣди въ нашемъ приходѣ вовсе нѣтъ. Браки заключались въ слѣдующемъ количествѣ: Въ 1851 г. 100 бр.; 52 г. 72 б.; 53 г. 88 б.; 54 г. 72 б.; 55 г. 56 б.; 56 г. 60 б.; 57 г. 88 б.; 58 г. 118 б. Изъ этой таблицы можно видѣть, что въ 1851 году, когда я возвысилъ предъ народомъ голосъ свой о необходимости брачной, честной жизни, заключено было 100 бр.; чрезъ годъ въ 1853 г. число браковъ снова достигло значительной цифры (88); уменьшившись въ 1854, 1855, 1856 г., — когда я самъ внушалъ многимъ не спѣшить вступленіемъ въ бракъ по случаю военнаго времени, — браки снова съ 1857 г. достигаютъ прежней цифры (88): а въ 1858 г. превосходятъ всѣ прежніе годы (118 бр.) — явное торжество брачной, цѣломудренной жизни надъ жизнію холостяковъ, вдовцовъ, бывающихъ главною причиною развращенія нравовъ народныхъ.

любивѣе, хозяйственнѣе, промышленнѣе. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. До поступленія моего на приходъ въ Бѣлокуракиной собирался едва примѣтный базаръ; теперь въ теченіе 8 лѣтъ у насъ выстроился уже рядъ постоянныхъ лавокъ. Прежде у насъ не было даже постояннаго кузнеца, столяра, портнаго, сапожника; теперь и это есть. Неужели, скажете, и это — плодъ вашихъ проповѣдей? Да, смѣло могу сказать, что и это усиленіе промышленности, и это развитіе ремесла есть плодъ моихъ частыхъ домашнихъ наставленій прихожанамъ. Зная, что отъ промышленности искореняется мать всѣхъ пороковъ — праздность, и рождается благосостояніе народное, я при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ народу и ея пользу. А сколько уничтожилось суевѣрій? Въ первые годы моей службы знахари и знахарки во множествѣ приходили ко мнѣ съ вопросомъ: не грѣшно ли имъ заниматься своимъ ремесломъ? Я, смотря по свойству ремесла, однимъ запрещалъ, другимъ позволялъ. Между тѣмъ народъ и самъ сталъ презирать знахарей и понимать пользу медицины, послѣ того какъ я многимъ помогъ самыми простыми средствами, и на основа-

ніи Св. Писанія разъяснилъ, что лечиться у лекарей настоящихъ, хоть бы и нѣмцевъ, — не грѣхъ, а Самъ Богъ велитъ. Общимъ же слѣдствіемъ чиннаго богослуженія и проповѣдей церковныхъ я считаю пробудившееся весьма замѣтно въ народѣ стремленіе изучать грамоту, если и не въ школѣ казенной, которой какъ-то все еще дичится народъ, то у причетниковъ и другихъ грамотныхъ людей.

Разскажу наконецъ одинъ случай, наилучшимъ образомъ доказывающій вліяніе богослуженія церковнаго и проповѣдей на религіозно-нравственное образованіе народа. Въ 1857 году Августа 7 дня, вечеромъ саранча въ несмѣтномъ множествѣ покрыла не только поля, но и самые огороды, сады и рощи въ нашемъ селѣ. Народъ въ ужасѣ собрался смотрѣть на это небывалое въ нашемъ краю насѣкомое. Волостной голова, на другой день, чуть свѣтъ, явился ко мнѣ за совѣтомъ: что дѣлать? Не знаю ли я какого средства отъ саранчи? Я отвѣчалъ, что хотя и много написано въ книгахъ объ этихъ средствахъ, но вѣрныхъ мало. Вѣрнѣйшее, по моему мнѣнію, средство то, которое пред-

лагаетъ намъ Св. Церковь, заповѣдуя въ подобныхъ случаяхъ приносить общественныя моленія (литіи) о прогнаніи зловредныхъ насѣкомыхъ. Затѣмъ посовѣтовалъ головѣ испытать прежде всего это средство, а самъ велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ къ собранію народа въ церковь. И старый и малый собрались быстро. По предварительномъ началѣ церковномъ, причтъ и народъ со святыми иконами и хоругвями отправились на мѣсто, гдѣ саранча остановилась — въ центрѣ слободы. Страшная картина представилась глазамъ нашимъ: земля на четверть покрыта была саранчею огромной величины, деревья иныя наклонились къ землѣ, другія обломились отъ тяжести, огородной зелени вовсе не видно было за насѣкомыми. А какъ это было въ такое время, когда крестьяне, послѣ неурожайныхъ годовъ, только что стали надѣяться пополнить свои недостатки новымъ урожаемъ; то сердце обливалось кровію при видѣ этой картины. Явно было, что это — кара Божія: я не выдержалъ... „Что се есть, братіе? — воскликнулъ я, обращаясь къ народу.... Паки мечъ Божій виситъ надъ нами! Паки Ангелъ смерти посланъ на насъ

отъ прогнѣваннаго Господа! О лютѣ намъ, нераскаяннымъ грѣшникамъ! Ужасное насѣкомое въ нѣсколько часовъ можетъ истребить наши поля, а намъ, нашимъ дѣтямъ оставить въ удѣлъ плачъ и голодную смерть!.. Не говорилъ ли я вамъ, что нравы наши все еще нечисты, что должно совсѣмъ оставить пьянство, распутство, неусердіе ко храму Божію, лѣность, праздность и другіе пороки; не говорилъ ли я вамъ угрозу Божію, сказанную устами Пророка: аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ (Ис. I, 19, 20)?..“ Въ народѣ послышались рыданія... „Но не отчаявайтесь, возлюбленные, въ милосердіи Божіемъ: велики наши грѣхи, велико бѣдствіе, намъ угрожающее; но безмѣрно больше милосердіе Божіе къ кающимся... Вспомните Давида, Ниневитянъ... Воздвигнемъ же руцѣ наши горѣ; простремъ вопль свой на небо! Боже милосердый! Боже благоутробный! Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою, но не предаждь насъ до конца, не погуби насъ со беззаконьми нашими! Призри не на насъ грѣшныхъ, но на вопль

нашихъ младенцевъ, на стенаніе невинныхъ, на землю, казнимую токмо грѣхъ ради нашихъ!..“ Отъ сильнаго волненія души и отъ плача народнаго я не могъ говорить болѣе... Чрезъ нѣсколько минутъ, когда всѣ немного поуспокоились, я благословилъ начало молебна ко Пресвятой Богородицѣ предъ иконою Ея, именуемою Ахтырскою. Надобно было видѣть, съ какимъ усердіемъ молился народъ въ особенности, когда я, преклонивъ колѣна, сталъ читать заклинанія Св. Мученника Трифона противъ зловредныхъ насѣкомыхъ. За плачемъ народнымъ слова мои постоянно прерывались. Но и дивно же было милосердіе Божіе къ плачущимъ! Какъ бы гонимая нѣкою невидимою силою, саранча еще во время чтенія молитвъ, съ необыкновеннымъ шумомъ, поднялась съ своихъ мѣстъ и въ несмѣтныхъ, непроницаемыхъ массахъ, заслонившихъ самые лучи солнца, устремилась на сѣверозападъ — вонъ изъ селенія и изъ полей Бѣлокуракинскихъ, не сдѣлавъ нигдѣ и никому, кромѣ поломанныхъ деревьевъ, нималѣйшаго вреда. Удаленіе ея мы тѣмъ болѣе признали за особенный знакъ милосердія Божія, что это случилось въ 7 часу утра, утра прохладнаго, въ

какое время, по замѣчанію знатоковъ, она не поднимается съ своихъ мѣстъ. Въ радости мы провожали ее до конца слободы на разстояніи 4 верстъ съ крестнымъ ходомъ и св. водою. Движимый благодарностію и усердіемъ къ Заступницѣ скорбящихъ, народъ единодушно принялъ мое предложеніе — распространить невмѣстительный храмъ, и къ двумъ престоламъ прибавить третій, во имя Ахтырскія Божіей Матери. Объ этомъ событіи народъ, безъ вѣдома моего, чрезъ окружнаго начальника, довелъ до свѣдѣнія Палаты Гос. Имуществъ и епархіальнаго начальства. Таково вліяніе службъ церковныхъ и проповѣдей!

Въ заключеніе, еще разъ просимъ образованный Православный міръ не порицать насъ безпощадно и не бранить наше образованіе, но обратить на него все вниманіе и употребить его въ пользу душъ своихъ; просимъ не чуждаться насъ за наружность нашу, но полюбить нашъ духовный образъ жизни, какъ любили его Православные вельможи временъ Ярославовъ и Александровъ Невскихъ; просимъ не клеймить насъ предъ чужими и своими — предъ

Западомъ и крестьянами*) укоризнами въ безнравственности, но исправить по заповѣдямъ Евангелія и Православной Церкви свою нравственность; просимъ, наконецъ, не отрицать пользы службъ цер-

*) Въ особенности предъ крестьянами. Горе человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ! Мы трудимся до кроваваго пота, нерѣдко проводимъ ночи въ думахъ о мирѣ всего міра, терпимъ большой недостатокъ въ необходимомъ, а тутъ приносятъ листокъ Зем. Газеты, гдѣ вдоль и поперегъ разбираютъ насъ невѣдущіе насъ! Для насъ бы это и ничего: мы уже привыкли терпѣть; но вотъ горе: Землед. Газету читаютъ иногда и крестьяне, и какъ они по простотѣ своей все печатное принимаютъ за истину; то и начинаютъ терять уваженіе къ своимъ духовнымъ отцамъ потому только, что читаютъ печатныя ругательства на священниковъ. А въ особенности жаль, что этотъ соблазнъ распространяетъ газета — органъ Правительства; что одною рукою созидаютъ, то другою разрушаютъ. Намъ поручили школы въ казенныхъ селеніяхъ и нашимъ же ученикамъ даютъ въ руки печатную брань на насъ! — Пишутъ много, но никто, кажется, не написалъ въ Зем. Газету, или другую какую, что много умираетъ ненапутствованныхъ людей отъ того, что не постановлено закономъ — давать причтамъ обывательскія подводы въ подобныхъ случаяхъ. Пока священникъ — по колѣна въ грязи — за 3, иногда за 5 верстъ добредетъ къ больной, больному отходитъ въ жизнь вѣчную, къ Судіи всѣхъ глаголющихъ и пишущихъ лукавое!!!

ковныхъ и проповѣдей, но употребить всѣ зависящія отъ міра средства, чтобы сельское духовенство, бывъ обезпечено вполнѣ, и само, вмѣсто плуга, постоянно держало въ рукахъ Библію и народъ неусыпно просвѣщало тѣмъ свѣтомъ истиннымъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ!

Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда слободы Бѣлокуракиной Успенской церкви Священникъ
Григорій Грековъ.

29 Марта 1859 года.
С. Бѣлокуракино.

О БЛАГОТВОРНОМЪ УЧАСТІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПАСТЫРЕЙ ЕЯ ВЪ СУДЬБАХЪ РОССІИ.

Письмо Русскаго-Православнаго, проживающаго за границею.

Письма твои всегда приносили мнѣ отраду и утѣшеніе; надолго удаленный отъ предѣловъ любезнаго отечества, я съ услажденіемъ читалъ и перечитывалъ проникнутыя любовію и теплотою строки твои; подъ вліяніемъ ихъ забывалъ отдѣляющее насъ разстояніе и какъ бы переносился въ кругъ родныхъ, къ мѣстамъ близкимъ и дорогимъ сердцу. Особенно много сладкихъ минутъ подобнаго наслажденія обѣщало мнѣ послѣднее письмо твое, котораго уже давно, съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я, и изъ котораго надѣялся узнать о разныхъ свѣтлыхъ явленіяхъ, о многихъ перемѣнахъ къ лучшему въ устройствѣ жизни, въ духѣ мнѣній, въ направленіи литературы моихъ соотчичей, такъ много и громко возглашающихъ о своемъ всеобщемъ возбужденіи къ улучшеніямъ и быстрому прогрессу. Къ сожалѣнію, невполнѣ оправдались ожиданія мои;

порадовалъ ты меня подробнымъ и полнымъ теплаго сочувствія разсказомъ объ успѣшномъ, приближающемся къ отрадному окончанію, — движеніи въ великомъ, святомъ дѣлѣ освобожденія и улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, — о пробужденіи стремленія къ общественнымъ предпріятіямъ и промышленности, о быстромъ усовершенствованіи въ удобствахъ и пріятностяхъ жизни. Но тяжко и болѣзненно подѣйствовала на сердце мое одна новость, которая, кажется, несовсѣмъ согласуется и съ твоими глубокими убѣжденіями, — это умноженіе и распространеніе неблагопріятныхъ толковъ, дерзновенныхъ возгласовъ противъ Православной Церкви и служителей ея, которыхъ воспитаніе, жизнь, служеніе и управленіе начали изображать самыми мрачными чертами, не видятъ или не хотятъ видѣть ничего полезнаго, благотворнаго и достойнаго уваженія въ этомъ апостольскомъ учрежденіи, перешедшемъ къ намъ вмѣстѣ съ Вѣрою отъ твердаго въ Православіи Востока и доселѣ сохраняемомъ у насъ въ томъ же неизмѣнномъ составѣ и порядкѣ, какой положенъ въ основаніе Церкви Самимъ Господомъ, устроенъ, подробнѣе раскрытъ и приспособленъ къ распространенію

вѣры и спасенію вѣрующихъ Богодухновенными Апостолами Его, Богоносными преемниками ихъ — святыми Отцами, Богопросвѣщенными Соборами вселенскими и помѣстными.

Въ самомъ дѣлѣ можно ли безъ тяжкой скорби и смущенія слышать, что св. Церковь, съ сонмомъ пастырей своихъ, становится предметомъ незаслуженнаго поношенія, легкомысленныхъ укоризнъ и осужденія отъ самыхъ чадъ своихъ, которыхъ она, какъ любящая мать, — отъ самаго рожденія ихъ приняла въ свое спасительное лоно, просвѣтивъ ихъ Св. крещеніемъ, потомъ богомудрыми учрежденіями и таинственными священнодѣйствіями постоянно возращаетъ, укрѣпляетъ и руководствуетъ ко всему, что̀ можетъ служить ко временному ихъ счастію и вѣчному блаженству, — своимъ благословеніемъ и напутствіемъ разгоняетъ для нихъ скорбный и болѣзненный мракъ смерти и гроба, съ теплою и благотворною молитвою провожаетъ ихъ за предѣлы земнаго странствованія, даже и по переселеніи ихъ въ міръ загробный никогда не перестаетъ возносить безкровную жертву и ходатайствовать за нихъ предъ престоломъ вѣчной Правды и

Благодати? Конечно, всѣ эти высокія блага и дары, непрестанно, какъ бы обильною рѣкою изливающіяся отъ св. Церкви на всѣхъ вѣрующихъ, относятся преимущественно къ духовной сторонѣ нашей, устроиваютъ и ограждаютъ болѣе внутренній миръ и спокойствіе, умножаютъ не временныя выгоды, не земныя стяжанія, — а помогаютъ намъ обогащаться плодами вѣры и благодати, воспитываться для неба и вѣчности; но ужели вѣкъ нашъ до того погрузился въ міръ матеріальный, въ познаніе природы, въ изученіе свойствъ ея, до того увлекся пользами, усовершенствованіями и удобствами внѣшней жизни и земнаго счастія, — до того какъ бы оземленился, что забылъ и не ощущаетъ въ себѣ потребностей высшихъ, духовныхъ, — потому не можетъ и не хочетъ достойно цѣнить тѣ источники, уважать тѣхъ дѣятелей, отъ которыхъ и при посредствѣ которыхъ пріобрѣтаемъ мы всѣ блага и условія жизни духовной, въ обиліи получаемъ пищу и удовлетвореніе религіознымъ потребностямъ своего сердца? Мнѣ кажется, что неуваженіе и дерзновенное возстаніе противъ св. Церкви, спасительныхъ учрежденій и Богопоставляемыхъ

служителей ея охлаждаетъ, ослабляетъ и сильно колеблетъ основанія самой Вѣры, близко граничитъ съ святотатственнымъ противленіемъ Самому Божественному Основателю ея, — или даже служитъ внѣшнимъ свидѣтельствомъ и горькимъ плодомъ недостатка и какъ бы угасанія въ самой душѣ нашей чувствованій вѣры и благочестія. Вѣдь по православному понятію нашему Церковь есть отъ Самого Бога учрежденная вѣрная хранительница небесной истины, — столпъ и утвержденіе ея, — щедрая раздаятельница намъ благодатныхъ даровъ и силъ, яже къ животу и благочестію, — облеченная выше-человѣческою властію духовнаго управленія и руководства вѣрующими, — властію вязать и рѣшить ихъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Не очевидно ли отсюда, что всякое противленіе, особенно дерзновенное посягательство на учрежденія и дѣйствія ея въ лицѣ законно-поставляемыхъ служителей можетъ относится къ Самому Божественному Основателю ея, который посему противника и преслушателя ея ставитъ наравнѣ съ язычникомъ и мытаремъ? Такъ благоговѣйное уваженіе къ св. Вѣрѣ тѣсно соединено съ уваженіемъ къ Православ-

ной Церкви, а уваженіе къ Церкви неразлучно связано съ уваженіемъ къ пастырямъ, какъ представителямъ ея власти и законнымъ наблюдателямъ ея учрежденій; по сему справедливо, помнится мнѣ, одинъ изъ древнихъ богомудрыхъ учителей высказалъ мысль, что кому Церковь — не мать, тому и Богъ — не отецъ!

Но если уже Православные Россіяне, въ быстромъ увлеченіи могущественными силами паровъ и электричества, подъ преобладающимъ вліяніемъ матеріальнаго направленія, промышленныхъ интересовъ, пріятностей и удобствъ жизни, не имѣютъ ни времени, ни желанія заботиться о преспѣяніи нравственно-религіозномъ, о требованіяхъ вѣры и благочестія, — потому не считаютъ для себя обязательнымъ уважать и почитать Богоучрежденную сокровищницу благодатныхъ даровъ и Богопоставляемыхъ раздаятелей ихъ; — по крайней мѣрѣ они не могутъ и не должны-бы отказывать въ должномъ уваженіи и покорности Православной Церкви и всему сословію пастырей ея за благотворное вліяніе и дѣятельное участіе сего сословія въ утвержденіи внѣшняго благоденствія, въ охраненіи обще-

ственнаго мира, въ содѣйствіи государственному развитію и усовершенствованіямъ. Это, — кажется, уже такіе блага и услуги, которыя необходимы, и близко относятся къ выгодамъ и пользамъ житейскимъ, — отъ которыхъ не отказываются, — а напротивъ заботятся и въ самомъ дѣлѣ пользуются даже самые поборники прогресса, хотя бы и жили они одною внѣшнею, земною жизнію; — и за которые посему законъ справедливости требуетъ отъ нихъ благодарности и уваженія къ св. Церкви, если уже не хотятъ они пользоваться отъ нея высшими, духовными дарами ея. Пусть не видятъ и не признаютъ благодѣтельнаго вліянія Церкви на государственную силу и могущество наше иностранцы, которые и мало знакомы съ высокими благами и достоинствами Православной вѣры, и не понимаютъ вседвижущей силы ея въ судьбахъ народа, исповѣдающаго и живущаго священными внушеніями ея; впрочемъ, кажется, и они едва ли не лучше насъ сознаютъ великое значеніе этого духовнаго начала для внѣшняго могущества нашего, потому-то, вѣроятно, такъ усердно и заботятся ослабить въ насъ преданность и усердіе къ ней, чтобы поколебать

главную опору и основаніе народнаго благоденствія нашего, прикрывая завистливые и зложелательные намѣренія свои подъ видомъ благонамѣренныхъ вразумленій и религіозныхъ, богословскихъ преній, будто-бы неимѣющихъ никакого отношенія къ вопросамъ и цѣлямъ политическимъ. Пусть какой-нибудь отщепенецъ Россіи, добровольно изгнавшій себя изъ предѣловъ ея за Ламаншъ, въ убѣжище всѣхъ, немогущихъ терпѣть общественнаго благоустройства на континентѣ Европы, — пусть онъ, изыргая ядовитыя хулы свои на все и всѣхъ въ отечествѣ нашемъ, издѣвается и надъ Православною Церковію, — не видитъ никакихъ плодовъ и пользы отъ этого духовнаго вертограда для блага народнаго во весь девятивѣковый періодъ ея: — неудивительно, потому что по исповѣданію своему онъ не принадлежитъ къ Православію, по убѣжденіямъ враждебенъ всѣмъ началамъ Христовой вѣры, а по личнымъ обстоятельствамъ до ослѣпленія омраченъ желчною злобою противъ всякаго порядка и законной подчиненности. Но странно, непонятно, какъ мы сами, конечно желающіе правильнаго развитія и процвѣтанія отечеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего

частнаго благополучія, — какъ мы не видимъ столь сильнаго и осязательнаго вліянія Православной Церкви на общественное благоустройство и собственное каждаго изъ насъ счастіе, а потому позволяемъ себѣ уничижать и возставать противъ устройства и іерархическаго порядка ея? Или до того привыкли мы во всемъ безусловно вѣрить и послѣдовать заграничнымъ толкователямъ и наставникамъ, что принимаемъ всякое внушеніе ихъ истиннымъ, хотя бы оно противорѣчило всѣмъ настоящимъ условіямъ нашей народности и тысячелѣтнимъ опытамъ прошедшаго, хотя бы — это рабское уваженіе къ авторитету ихъ разрушительно дѣйствовало на общественное и частное спокойствіе наше, поставляло насъ въ жалкую необходимость — сдѣлаться врагами своего собственнаго счастія!

Уже много лѣтъ, по частнымъ своимъ и служебнымъ обстоятельствамъ, проживаю я среди чуждаго народа, вдали отъ предѣловъ отечества, тѣмъ болѣе составляющаго для меня предметъ пламенной любви и глубокаго благоговѣнія; потому не могу знать и судить, какъ личный свидѣтель, — о томъ, въ какомъ отношеніи находится теперь Пра-

вославная Церковь и пастыри ея къ прочимъ составамъ государственнаго тѣла нашего, — откуда истекаютъ и на чемъ основываются неблагопріятные, устные и письменные возгласы противъ той и другихъ. — Посему при увѣдомленіи твоемъ о явленіи скорбнаго разлада и какъ бы вражды общества нашего противъ сословія духовныхъ, я невольно обратился мыслію къ временамъ прошедшимъ, вспомнилъ о высокомъ значеніи и благотворномъ отношеніи этого сословія къ общественной жизни нашей въ различные періоды ея, чтобы при свѣтѣ исторіи, подъ руководствомъ вѣковыхъ опытовъ и правильнѣе судить объ истинѣ или заблужденіи въ современномъ направленіи, — и по-возможности объяснить причины, возбудившія его. И при этомъ обращеніи въ область исторіи ясно представилось мнѣ, какъ бы воскресло въ памяти моей такъ много великихъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ услугъ Церкви въ ходѣ и развитіи отечества нашего, — услугъ, которыхъ спасительныя сѣмена въ теченіе прошедшихъ вѣковъ успѣли прозябнуть, процвѣсти, возрасти, созрѣть и принести обильные плоды, которые посему уже выше вся-

каго сомнѣнія или опроверженія. — Такъ помянулъ я дни древнія, и многому поучился, много свѣта и утѣшенія нашелъ въ нихъ посреди нашедшей на меня скорби и недоумѣнія, — такъ что, руководствуясь столь многими и ясными указаніями прошедшаго, прихожу къ тому убѣжденію, что появившіеся между вами самозванные судіи Православной Церкви и порицатели пастырей ея — одни дѣйствуютъ подъ вліяніемъ иноземныхъ краснорѣчивыхъ возгласовъ, принимаемыхъ ими безъ повѣрки и строгаго отчета, равно враждебныхъ и политическому и церковному благоустройству нашему; — другіе по внушеніямъ завистливой клеветы и непріязни, — а большая часть изъ пустаго подражанія, по недостатку близкаго знакомства съ духомъ отечественной исторіи и началами Православія, изъ суетнаго желанія — блеснуть ученою проницательностію и мнимо-глубокимъ познаніемъ столь же мнимо воображаемыхъ недостатковъ въ іерархическомъ устройствѣ нашей Церкви, хотя такъ мало, слабо и поверхностно понимаютъ этотъ предметъ, что едва ли въ состояніи выдержать здравое и основательное разсужденіе объ немъ, — даже немногіе изъ нихъ

могутъ ясно и отчетливо изложить существенныя, отличительныя черты своего Православія отъ другихъ вѣроисповѣданій, — по истинѣ неразумѣюще, ни яже глаголютъ, ни онихъ же утверждаютъ! не разумѣютъ ни православія, ни кривославія, а только по черпилу бродятъ. Подъ вліяніемъ этого искренняго убѣжденія своего не могу удержаться, чтобы, въ оправданіе его, въ отвѣтственномъ письмѣ къ тебѣ не набросать нѣсколько своихъ мыслей и историческихъ воспоминаній о благотворномъ вліяніи Православной Церкви и пастырей ея на судьбы нашего отечества, особенно въ важнѣйшихъ періодахъ государственнаго развитія его. Не имѣю при этомъ ни желанія, ни намѣренія — учить тебя или открыть что-нибудь новое, неизвѣстное: и лишенный отраднаго утѣшенія лично бесѣдовать съ тобою о предметѣ, столь важномъ и близкомъ сердцу нашему, какъ бы восполняю для себя этотъ недостатокъ письменнымъ обмѣномъ чувствованій и мнѣній своихъ съ тобою, надѣясь, что и ты со своей стороны не откажешься подробнѣе высказать мнѣ свой взглядъ и убѣжденіе въ слѣдующемъ письмѣ, о чемъ и прошу тебя усердно.

Итакъ при чтеніи сего письма вообрази меня лицемъ къ лицу съ тобою, и не поскучай выслушать разглагольствіе мое, — потомъ отвѣтствуй мнѣ согласіемъ или возраженіемъ, — и я послушаю тебя съ пріятнымъ удовольствіемъ.

Отечество наше прошло продолжительный, поистинѣ тернистый путь тяжкихъ страданій, внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій прежде, чѣмъ мало по малу устрояясь и укрѣпляясь въ силахъ своихъ возросло въ сильную, славную и обширную имперію, получило важное значеніе въ ряду прочихъ Европейскихъ державъ. И когда обнимаю я мысленнымъ взоромъ весь рядъ скорбныхъ нестроеній, тяготѣвшихъ надъ нимъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, — всегда невольно въ мысли моей является образъ древняго многострадальца, праведнаго Іова, жизнь котораго такъ ясно отразилась, какъ бы со всѣми частными подробностями повторилась въ судьбахъ Россіи. Не упалъ страдалецъ сей подъ тяжестію жесточайшихъ мученій, устоялъ противъ быстраго потока устремившихся на него скорбей, потому что духъ его, какъ несокрушимая скала, твердъ былъ вѣрою и упованіемъ на прему-

дрый Промыслъ: такъ и отечество наше не погибло въ глубокихъ волнахъ бѣдствій, а только очистилось, укрѣпилось въ горнилѣ искушеній, потому что въ сердцахъ предковъ нашихъ была сила, недоступная для внѣшнихъ пораженій, — сила святой вѣры въ Бога, благоговѣйной преданности Православной Церкви, сыновней покорности гласу пастырей ея. Потому горькое сѣмя страданій принесло намъ столько же сладкіе и благотворные плоды, какъ и праведному Іову, — и для насъ, какъ для него, Милосердый Господь благословилъ послѣдняя паче первыхъ! Въ многовѣковой періодъ разнообразныхъ бѣдствій, такъ глубоко уязвлявшихъ народное тѣло наше, — но не могшихъ коснуться души съ ея глубокими вѣрованіями и животворными упованіями, — всегда и вездѣ представляются намъ поразительные примѣры сильнаго, благотворнаго участія Православной Церкви и достойныхъ служителей ея въ облегченіи и прекращеніи сихъ болѣзненныхъ посѣщеній, въ уврачеваніи нанесенныхъ ими язвъ, пагубныхъ для блага общественнаго, въ устроеніи послѣдовавшихъ за ними безпорядковъ и нестроеній. Не буду говорить здѣсь о томъ, какъ много блага, свѣта, си-

лы и пользы отечеству нашему принесла съ собою св. Вѣра и Православная Церковь, — смягчила жестокость нравовъ, ослабила разрушительную силу буйныхъ страстей, освятила узы семейныя, опредѣлила и укрѣпила взаимныя общественныя отношенія, — не буду говорить объ этихъ благахъ, составляющихъ и твердое основаніе, и необходимое условіе народнаго благоденствія, потому что они вездѣ — и для другихъ народовъ были неразлучны съ озареніемъ ихъ свѣтомъ вѣры Христовой и благодати. Но исторія Вѣры въ отечествѣ нашемъ представляетъ много особенныхъ высокихъ благодѣяній, которыя имѣютъ тѣмъ болѣе важности и значенія, чѣмъ сильнѣе и опаснѣе были постигавшія насъ внутреннія и внѣшнія бѣдствія, — чѣмъ менѣе оставалось намъ надежды на счастливое окончаніе ихъ или на какую либо иную помощь, кромѣ неоскудѣваемой сокровищницы и непобѣдимой заступницы — Православной Церкви. И достойно благоговѣйнаго вниманія, что Милосердый Господь, содержащій въ рукѣ Своей судьбы царствъ и народовъ, благоволилъ даровать намъ спасительное оружіе св. Вѣры и крѣпкій покровъ Церкви именно въ

то время, когда эти всесильныя пособія были особенно и необходимы, и благотворны для устроенія, поддержанія и сохраненія народной жизни нашей отъ обышедшихъ ее бѣдственныхъ треволненій.

Лишь только вступило отечество наше въ первый, какъ бы дѣтскій возрастъ свой, — и уже должно было понести на юныхъ раменахъ своихъ иго тяжкаго общественнаго бѣдствія. Этимъ первымъ скорбнымъ пораженіемъ для него были взаимные раздоры удѣльныхъ Князей между собою и сопутствовавшія имъ жестокія междоусобія, которыя начались вскорѣ послѣ смерти Ярослава В., и почти непрерывно продолжались болѣе четырехъ вѣковъ. Не смотря на предсмертное завѣщаніе сего Князя своимъ дѣтямъ, чтобы они пребывали въ мирѣ и имѣли любовь между собою, — а распрями и спорами не погубили и себя и земли отцевъ своихъ, — скоро одинъ изъ нихъ, Святославъ, какъ-бы желая подвергнуть испытанію истину словъ умирающаго отца, вооружился противъ старшаго брата Изяслава и отнялъ у него Кіевъ и велико-княжескій престолъ. Такъ началась кровавая распря между родными братьями; — естественно, что въ послѣдствіи съ по-

степеннымъ умноженіемъ членовъ въ потомствѣ ихъ, съ раздробленіемъ на большее число удѣльныхъ владѣній между ними, съ ослабленіемъ родственнаго союза и любви, эти распри должны были и чаще повторяться, и принимать болѣе обширные размѣры, обнимали, подобно истребляющему пламени, — все пространство тогдашней Россіи и почти безъ промежутковъ свирѣпствовали во весь четырехсотлѣтній періодъ. Между неустроившимися еще началами государственной жизни, при недостаткѣ положительныхъ законовъ и порядка въ общественномъ управленіи, особенно при неопредѣленности наслѣдственныхъ правъ на велико-княжескій престолъ и принадлежащей ему власти въ отношеніи къ прочимъ удѣламъ, не было и не могло быть никакой силы или преграды, которая бы успѣшно противодѣйствовала начинанію и останавливала распространеніе пагубныхъ междоусобій. Потому ни узы родства, ни ужасы и бѣдствія кровопролитія, — ни опасенія со стороны враждебныхъ иноплеменныхъ сосѣдей, ни даже страшное нашествіе Монголовъ, ничто не удерживало удѣльныхъ Князей отъ взаимныхъ споровъ и возмущеній, отъ которыхъ, какъ

отъ непрерывной смертоносной язвы, страдали и слабѣли юныя силы народа. И среди этого мрачнаго нестроенія въ отечествѣ нашемъ, при быстромъ стремленіи его къ постепенному истощанію, а, быть можетъ, и къ совершенной погибели, являются благодѣтельные защитники и охранители его народной жизни и благоденствія — пастыри Церкви. Именемъ Божіимъ, внушеніями св. Вѣры, силою духовной своей власти, иногда поразительными угрозами и обличеніями, а иногда слезнымъ, смиреннымъ моленіемъ они старались и, большею частію, успѣвали потушать пламя распри и вражды ожесточенныхъ враговъ, ограничивать горделивые замыслы властолюбія и зависти, облегчать для народа тяжкія и бѣдственныя послѣдствія междоусобной войны. Съ первымъ же горестнымъ явленіемъ семейной вражды между дѣтьми Ярослава выступаютъ на мрачномъ горизонтѣ того времени, подобно животворнымъ свѣтильникамъ, и сіи спасительные, неоцѣненно благотворные примирители и продолжаютъ рядъ своихъ высокихъ услугъ и дѣятельныхъ заботъ о опрекращеніи кровавыхъ распрей, о возстановленіи мира и согласія между враждующими Князьями во весь

бѣдственный періодъ удѣльныхъ междоусобій. Святославъ, первый нарушитель завѣщаннаго отцемъ мира, встрѣтилъ сильнаго обличителя своихъ властолюбивыхъ замысловъ въ Пр. Ѳеодосіи, который сперва грозными прещеніями, потомъ кроткими мольбами убѣждалъ его возвратить престолъ старшему брату, и ни гнѣвъ, ни смиренное уваженіе обличаемаго не заградили устенъ Св. защитника гонимой правды. Когда сынъ Святослава Олегъ началъ возбуждать междоусобныя распри, особенно опасныя тогда по причинѣ нападенія Половцевъ, — прочіе Князья приглашали его — въ общемъ совѣтѣ предъ Епископами и игуменами установить правильныя отношенія между собою, — и хотя гордый Князь сперва отвергъ это благое предложеніе, но, вразумленный неудачами, согласился на него, и при посредствѣ представителей Церкви заключенъ былъ мирный договоръ, утвержденный клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ. Святополкъ вѣроломнымъ и жестокимъ поступкомъ съ Василькомъ возбудилъ противъ себя общее негодованіе всѣхъ Князей; — многочисленныя дружины ихъ приблизились уже къ Кіеву и неизбѣжнымъ казалось ужасное кровопролитіе. Ми-

трополитъ Николай, по просьбѣ устрашеннаго народа, отправляется въ станъ Князей, умоляетъ ихъ не губить земли Русской, — и покорные пастырскому гласу — они оставляютъ враждебное намѣреніе свое. Къ Мстиславу, готовившемуся поднять оружіе на Всеволода въ защиту Ярослава, — въ отсутствіи Митрополита является игуменъ Григорій съ соборомъ священниковъ, умоляетъ не начинать войны, принимаетъ на себя и своихъ собратій грѣхъ — неисполненія въ семъ случаѣ вынужденной клятвы, — и тѣмъ предотвращаетъ бѣдствія угрожавшаго междоусобія. Кіевскій Митрополитъ Михаилъ путешествовалъ даже въ Новгородъ для отклоненія тамошняго Князя и жителей отъ враждебнаго предпріятія противъ Юрія Суздальскаго и, послѣ безуспѣшныхъ кроткихъ убѣжденій, старался удержать ихъ отъ войны силою святительскаго запрещенія и предсказаніемъ (исполнившимся во всей силѣ) имъ погибели въ предѣлахъ Ростовскихъ, — за что даже задержанъ былъ въ Новѣгородѣ. По возвращеніи оттуда открылось новое поприще для пастырской ревности его о миръ и благоденствіи народа, по случаю войны, объявленной Ярополку Черни-

говскими Князьями. Онъ отправился въ самый станъ ихъ и успѣлъ примирить враждующихъ, — по нарушеніи сего мира онъ снова возставилъ его, отклонивъ тѣмъ гибель и разрушеніе Кіева, когда уже горѣли предмѣстья его. Въ столь же тяжкихъ для народа княжескихъ распряхъ при дальнѣйшемъ продолженіи ихъ и столь же благотворно дѣствовали въ качествѣ смиренныхъ ходатаевъ, усердныхъ миротворцевъ или грозныхъ обличителей Митрополиты — Никифоръ, Матѳій, Кириллъ, Максимъ, Петръ, Алексій, — равно и прочіе Святители — Евѳимій Переяславскій, Порфирій Черниговскій, Симеонъ Владимірскій, Измаилъ Сарскій, — даже игумены и другіе священнослужители Церкви Православной, которые изъ пастырской любви къ бѣдствіямъ отечества почитали для себя священнымъ долгомъ — всѣми силами и мѣрами, непротивными высокому званію своему, заботиться о прекращеніи вражды и междоусобныхъ кровопролитій, какъ одинъ изъ нихъ исповѣдалъ въ собраніи Князей: „мы поставлены въ Русской землѣ отъ Бога, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія!“ Долго было бы перечислять весь сонмъ сихъ высокихъ дѣятелей и всѣ благо-

ворныя послѣдствія ревностной заботливости и неусыпныхъ трудовъ ихъ для народнаго благоденствія, подвергавшагося столь частымъ и болѣзненнымъ страданіямъ; мрачная исторія того времени слишкомъ обильна подробными и несомнѣнными сказаніями или о предотвращеніи пастырями Церкви угрожавшихъ бѣдственныхъ междоусобій, или о прекращеніи уже разгорѣвшагося истребительнаго пламени ихъ! И не извѣстно, къ чему бы привели и чѣмъ бы окончились столь пагубныя и продолжительныя княжескія распри, подъ тяжестію которыхъ Русскія области не могли ни наслаждаться внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, ни укрѣпляться въ началахъ общественнаго благоустройства, а, взаимно ослабляя другъ друга, подвергались всегдашней опасности отъ внѣшнихъ враговъ, — еслибы благотворное участіе Православной Церкви и пастырей ея не облегчало для нихъ, по временамъ, этихъ смертоносныхъ ударовъ, не полагало иногда спасительной преграды быстрому, всесокрушающему разливу междоусобныхъ раздоровъ и кровавыхъ возмущеній.

Еще болѣе увеличилась тяжесть этихъ внутрен-

нихъ нестроеній и взаимныхъ распрей въ отечествѣ нашемъ, когда разразилась надъ нимъ страшная сила оружія Монголовъ и потомъ въ продолженіи двухъ столѣтій тяготѣло на немъ бѣдственное иго рабства и зависимости отъ нихъ. Предъ многочисленными полчищами и воинственнымъ фанатизмомъ сихъ варваровъ не могли устоять слабыя силы Россіи, изнуренной взаимными междоусобіями, — отъ смертоноснаго меча и огня ихъ всюду грады и веси превращались въ безлюдныя пустыни, отъ ненасытимой жажды ихъ къ хищенію и грабежу не было пощады никому и ничему. Но когда ослабѣлъ первый ужасъ всеобщаго убійства и опустошенія, когда Ханы утвердили владычество свое и обложили княжества опредѣленными податями, не касаясь внутренняго управленія, Князья снова возвратились къ взаимнымъ раздорамъ и междоусобіямъ, которыя теперь сдѣлались тѣмъ пагубнѣе для народа, что враждующіе часто прибѣгали къ защитѣ и посредству Татарскихъ повелителей и чрезъ то сами подавали имъ случай къ новымъ нашествіямъ, и опустошеніямъ. Но чѣмъ болѣе подобныхъ опасностей угрожало отечеству нашему, — тѣмъ рев-

ностнѣе и усерднѣе старались пастыри Церкви о примиреніи и прекращеніи возникавшихъ распрей, — тѣмъ болѣе необходимымъ и благотворнымъ являлось содѣйствіе ихъ къ облегченію внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій. Такъ, по случаю спора о велико-княжескомъ престолѣ между братьями — Димитріемъ и Андреемъ Александровичами, Татары дважды опустошали Русскія области и, быть можетъ, повторились бы и еще тяжкія нашествія ихъ, еслибы Епископъ Тверскій Симеонъ не успѣлъ склонить враждующихъ къ миру; потомъ когда началась ожесточенная борьба Князей Московскихъ и Тверскихъ, — Митрополиты Максимъ, Петръ, Алексій и др. умоляли ихъ взаимными уступками прекращать вражду между собою, не подвергая себя и отечество пагубному вмѣшательству хищныхъ варваровъ, — и многіе изъ непокорныхъ пастырскому гласу ихъ поплатились собственною жизнію за безумное упорство и ослѣпленіе свое. Олегъ Рязанскій, возставшій противъ В. Князя Димитрія Іоанновича, для вѣрнѣйшаго успѣха укрѣпилъ себя союзомъ съ Мамаемъ и Тохтамышемъ, — отъ жестокаго усердія которыхъ много бы пролилось крови

Русской, но семидесятилѣтній старецъ — Преп. Сергій, неудерживаемый ни слабостію тѣлесныхъ силъ, ни тяжкими неудобствами осенняго путешествія, отправился въ Рязань и кроткими внушеніями убѣдилъ Олега оставить корыстныя намѣренія, угрожавшія и внутреннимъ возмущеніемъ, и бѣдствіями отъ приглашенныхъ имъ на помощь внѣшнихъ союзниковъ, которыхъ каждое появленіе въ предѣлахъ нашихъ оставляло послѣ себя слѣды, равно тяжкіе для обѣихъ враждующихъ сторонъ. Отклоняя такимъ образомъ отъ отечества болѣзненные удары, наносимые обоюду-острымъ мечемъ княжескихъ возмущеній, въ тоже время Пастыри старались облегчать народныя бѣдствія, и своимъ духовнымъ оружіемъ, — своимъ собственнымъ примѣромъ и участіемъ воодушевляли народъ къ мужественной защитѣ и борьбѣ со врагами, а когда самыя отчаянныя усилія оказывались безуспѣшными, — тогда сладчайшими внушеніями св. Вѣры и отрадными утѣшеніями надежды на Промыслъ помогали страждущимъ благодушно переносить тяжкія страданія и не падать подъ крестомъ скорбнаго посѣщенія. Въ трогательныхъ и согрѣтыхъ Евангельскою любовію

наставленіяхъ они поучали пасомыхъ благоговѣйно принимать постигшія ихъ бѣдствія, какъ дѣйствіе съ одной стороны гнѣва Божія, праведно наказующаго за грѣхи наши, — а съ другой — всеблагой любви Его, ниспосылающей ихъ для вразумленія и обращенія нашего, и пастырское слово ихъ, падающее на сердца, смягченныя въ горнилѣ искушеній, — оказывало на нихъ всю благотворную силу свою, внѣшнія страданія употребляло цѣлебнымъ средствомъ для духовнаго уврачеванія и исправленія. Такъ подъ спасительнымъ попеченіемъ духовныхъ вождей своихъ хотя внѣшній нашъ человѣкъ тлѣлъ отъ бѣдственныхъ язвъ, — но въ той же мѣрѣ — внутренній обновлялся, укрѣплялся въ терпѣніи, возсталъ въ силахъ вѣры и упованія, — и только подъ защитою этого несокрушимаго, небеснаго всеоружія, котораго неистощимый запасъ сохраняли и подавали намъ пастыри Церкви, — могли мы выдержать страшную и продолжительную грозу Монгольскаго владычества, не потеряли навсегда внѣшней свободы, — не утратили ни народныхъ свойствъ, ни священнаго, религіознаго достоянія своего.

Но кромѣ этой духовной помощи, Православная Церковь оказывала много пользы и услугъ Государству собственно внѣшнихъ, гражданскихъ, которыя для послѣдняго были особенно благотворны и многоцѣнны въ тотъ бѣдственный періодъ, и которыми достойные служители первой пріобрѣли себѣ всегдашнее, неоспоримое право на высокое уваженіе и глубокую признательность къ свѣтлой чистотѣ достохвальныхъ дѣйствій и намѣреній своихъ. Извѣстно, что Монголы, по началамъ политики и законамъ своимъ почитавшіе всякую вѣру, тѣмъ болѣе оказывали уваженія къ Вѣрѣ нашей и служителямъ ея, потому что видѣли, какое сильное вліяніе имѣли послѣдніе на умы и расположенія народа. Желая привлечь къ себѣ нашихъ пастырей и при посредствѣ ихъ сильнѣе утвердить власть свою въ побѣжденной землѣ, они не только оставляли неприкосновенными религіозныя убѣжденія наши, — но ковсему духовному сословію обнаруживали особенное свое расположеніе, предоставили ему большія преимущества — право собственнаго суда, даже свободу отъ всякой дани и повинности, столь тяжкой для прочихъ сословій. Еще болѣе возвысились па-

стыри наши въ глазахъ Монголовъ, когда между сими многіе обращались къ Христіанству и подчинялись духовной власти ихъ; къ тому же способствовали и личныя высокія свойства Святителей нашихъ, невольно возбуждавшихъ уваженіе не только лично къ нимъ самимъ, но и ко всему священному званію, — а особенно поразительные опыты чудодѣйственной силы ихъ, какъ напр. Святителя Алексія, который по просьбѣ Чанибека отправился въ Орду и молитвою исцѣлилъ жену его.

Но всѣ выгоды и преимущества, всѣ знаки уваженія страшныхъ поработителей не ослѣпляли нашихъ пастырей, не ослабляли пламенной ревности ихъ о благѣ бѣдствующей паствы. Какъ искренніе „печальники о всей землѣ Русской,“ они старались заслуживать милостивое вниманіе къ себѣ отъ Хановъ и усиливать свое вліяніе на нихъ не для своихъ частныхъ выгодъ и спокойствія, а единственно для облегченія горькой судьбы всего народа, страдавшаго подъ тяжкимъ игомъ порабощенія. Посему всегда вѣрные этой священной обязанности своей — они съ одной стороны, не смотря на ханскіе ярлыки, не хотѣли пользоваться дарованною имъ

свободою отъ податей къ обремененію прочихъ сословій, — а съ другой — расположеніемъ къ себѣ Хановъ и ходатайствомъ предъ ними, неоднократно смягчали ихъ жестокость къ порабощеннымъ, успѣвали уменьшать тяжесть требуемыхъ ими повинностей и обезоруживать лютыя притѣсненія отъ свирѣпыхъ баскаковъ, посылаемыхъ для сбора податей. Столь важную услугу бѣдствующему отечеству дважды оказалъ Святитель Алексій, — сперва, по чудесномъ возвращеніи зрѣнія Тайдулѣ, исходатайствовалъ у Чанибека облегченіе отъ жестокостей посла — Кошака, — потомъ, когда наслѣдникъ сего Хана — сынъ и убійца его — прислалъ Иткара ко всѣмъ Князьямъ Русскимъ съ угрозами и тяжкими требованіями, Св. пастырь снова отправился въ Орду и успѣлъ преклонить страшный гнѣвъ его на милость. Наконецъ остановимъ вниманіе и на томъ обстоятельствѣ, что съ самаго начала Татарскаго порабощенія и во все продолженіе его Русскіе не разлучались съ отрадною мыслію о своемъ освобожденіи отъ тяжестей его: ни громъ побѣдъ и убійствъ не заглушилъ въ нихъ этой свѣтлой надежды, — ни груды пепла и развалинъ не потушили

слабыхъ искръ ея. Конечно, всякому порабощенному народу естественно желаніе и стремленіе къ возвращенію потерянной свободы: но сохранить это желаніе живымъ и несокрушимымъ подъ тяжкимъ игомъ двух-вѣковаго рабства, сопровождаемаго недостаткомъ своего внутренняго порядка и устройства, — много и сильно помогали намъ пастыри Церкви и примѣрами собственнаго благодушія и утѣшительными, какъ бы оживляющими, внушеніями св. Вѣры и упованія.

Такъ много дѣятельнаго и всегда благотворнаго участія принимали пастыри Церкви въ тяжкихъ бѣдствіяхъ отечества, такъ многообразно содѣйствовали къ облегченію продолжительныхъ страданій его отъ внутреннихъ междоусобій и внѣшняго порабощенія. Единственнымъ, сильнымъ оплотомъ противъ стремительнаго потока тѣхъ и другихъ бѣдствій, — дѣйствительнымъ врачевствомъ отъ причиняемыхъ ими смертоносныхъ язвъ и ударовъ могло служить, — и дѣйствительно послужило только единодержавіе, которое, мало по малу собирая силы народа, ослабленныя раздѣленіемъ и пагубною враждою, постепенно укрѣпляя ихъ взаимнымъ сою-

зомъ и согласіемъ, благоразумно направляя дѣйствія ихъ къ одной общей цѣли, — такимъ образомъ съ одной стороны положило конецъ междоусобнымъ кровопролитіямъ, а съ другой даровало возможность и нашло средства — свергнуть тяжкое иго, освободиться отъ столь продолжительнаго владычества Монголовъ. Съмя этого цѣлебнаго, спасительнаго врачеванія и насаждалось, и возрастало въ мощное, благосѣннолиственное древо, и процвѣтало, и принесло сладкіе, вожделѣнные для погибавшаго отечества плоды свои подъ животворнымъ вліяніемъ Православной Церкви, при дѣятельномъ участіи достойныхъ пастырей ея. Когда Московскіе Князья въ продолжительной борьбѣ съ Тверскими обнаружили сильное стремленіе къ сосредоточенію и утвержденію своей власти, — особенно когда одинъ изъ нихъ — Іоаннъ Даниловичъ пришелъ къ благой мысли „собирать землю Русскую“ и свою отчину сдѣлать главою и столицею ея, — тогда духовенство наше, само по себѣ всегда, даже въ періодъ удѣловъ, бывшее единымъ, неразрывнымъ сословіемъ подъ властію и управленіемъ одного Митрополита всея Руси, а потому неблагопріятно смотрѣвшее на

умноженіе удѣльныхъ княжествъ и недостатокъ между ними живаго, взаимнаго единства, — прежде и лучше всѣхъ поняло, сознательно оцѣнило и всю важность, и всѣ благотворныя послѣдствія этого стремленія, — и постоянно всѣми силами старалось содѣйствовать къ осуществленію его. И вотъ первый краеугольный камень въ основаніе единодержавію положенъ отеческою рукою Святителя Петра, который перенесъ каѳедру Русской митрополіи въ Москву, убѣждалъ Князя построитъ соборный храмъ и пророчески возвѣстилъ будущую славу и господство сего града и Князей его надъ всѣми городами Русскими. Въ самомъ дѣлѣ утвержденіе митрополіи и пребываніе Митрополита въ Москвѣ придавало ей особенное, важное значеніе въ глазахъ народа, а Князьямъ доставляло усердныхъ совѣтниковъ и ревностныхъ помощниковъ, пользовавшихся и великою властію, и высокимъ уваженіемъ. Преемники Св. Петра неуклонно слѣдовали мудрымъ началамъ его и сильнымъ, благотворнымъ содѣйствіемъ къ распространенію и утвержденію власти Московскихъ Князей какъ бы старались оправдать святительское благословеніе и привести въ исполненіе — пророческое бла-

гожеланіе его, преподанное всему роду Князей сихъ. Такъ Митр. Ѳеогностъ поддерживалъ Московскаго Князя Іоанна въ борьбѣ за велико-княжескій престолъ съ Тверскимъ Александромъ, котораго, силою духовнаго запрещенія, заставилъ отказаться отъ соперничества и удалиться изъ Пскова, принявшаго его подъ свой покровъ и защиту. Святитель Алексій болѣе двадцати лѣтъ непрестанно и неусыпно старался поддерживать Москву и Князей ея въ стремленіи къ подчиненію прочихъ удѣловъ; особенно нужна была сильная помощь его при слабомъ Іоаннѣ и малолѣтнемъ Димитріи, — изъ которыхъ послѣдній при содѣйствіи его, не смотря на юность свою, получилъ велико-княжескій престолъ, а подъ мудрымъ руководствомъ успѣлъ подчинить своей власти враждовавшихъ Князей Нижегородскихъ и Тверскихъ, а прочихъ держать въ повиновеніи; и во всѣхъ этихъ успѣхахъ его такъ много значило участіе Святителя, что безуспѣшные соперники жаловались на него Константин польскому Патріарху. Его же мудрой заботливости обязаны Московскіе Князья введеніемъ и опредѣленіемъ новаго порядка престолонаслѣдія — отъ отца къ сыну, чѣмъ пре-

дотвращались столь частые и бѣдственные княжескіе споры. Въ силу сего благодѣтельнаго учрежденія, по смерти В. К. Василія Димитріевича, Митрополитъ Фотій спѣшилъ утвердитъ на велико-княжескомъ престолѣ десятилѣтняго сына его Василія, — ограждалъ его достоинство отъ сильнаго соперника — Юрія Галицкаго, котораго сперва приглашалъ въ Москву, потомъ самъ путешествовалъ къ нему въ Галичъ, за упорство лишилъ его и народъ своего архипастырскаго благословенія, — и вразумленный вскорѣ послѣдовавшимъ небеснымъ наказаніемъ Юрій умолялъ Святителя о прощеніи и согласился примириться съ Великимъ Княземъ. Къ сожалѣнію, смерть скоро похитила ревностнаго охранителя власти и правъ В. Князя, — и обезоруженный имъ соперникъ не замедлилъ возобновить враждебные замыслы свои, силою занялъ Москву, изгнавъ изъ нея В. Князя. Тяжкія несчастія сего послѣдняго и опасности для него въ этой борьбѣ еще болѣе увеличились, когда по смерти Юрія возсталъ противъ него сынъ умершаго — Димитрій Шемяка, который не только отнялъ у него престолъ велико-княжескій, — но даже лишилъ зрѣнія и самой свободы. Казалось,

погибли тогда плоды всѣхъ стараній Князей Московскихъ объ утвержденіи своей власти и единодержавія, — престолъ ихъ, похищенный Князьями Галицкими, могъ опять содѣлаться предметомъ стремленія и для другихъ искателей, надолго служить причиною взаимной вражды и междоусобій; но отъ возвращенія этихъ бѣдственныхъ распрей спасли Москву и Россію пастыри Церкви. Только по настоятельнымъ требованіямъ Рязанскаго Святителя Іоны и собора прочихъ пастырей Шемяка согласился даровать свободу Василію Темному; потомъ игумены — Кирилловскій Трифонъ и Ѳерапонтовскій Мартиніанъ убѣдили освобожденнаго В. Князя искать своей отчины и княженія, принимая на себя и братію свою грѣхъ нарушенія вынужденной отъ него клятвы, — и воодушевленный совѣтомъ и благословеніемъ ихъ онъ скоро возвратилъ себѣ престолъ велико-княжескій. Когда же ожесточенный соперникъ не замедлилъ снова домогаться престола, — соборъ пастырей мужественно возсталъ для поддержанія законной власти и строгимъ обличительнымъ посланіемъ отклонилъ его отъ незаконныхъ притязаній. При новомъ и послѣднемъ воз-

станіи своемъ Димитрій встрѣтилъ сильнаго противника въ Митрополитѣ Іонѣ, который въ санѣ Первосвятителя могъ, и дѣйствительно началъ, сильнѣе и рѣшительнѣе поддерживать Великаго Князя. Онъ сперва окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ чадамъ Церкви Русской требовалъ отъ нихъ подъ страхомъ осужденія, чтобы они отложились отъ мятежнаго Князя Галицкаго, — когда же послѣдній упорствомъ своимъ заставилъ В. Князя взяться за оружіе, — отправился противъ него и Митрополитъ съ соборомъ Святителей, чтобы личнымъ обличеніемъ сильнѣе дѣйствовать на его совѣсть, — а послѣ бѣгства его въ Новгородъ неоднократными грамотами убѣждалъ тамошняго Архіепископа Евѳимія удерживать Димитрія отъ новаго возмущенія, — а городъ — отъ измѣны В. Князю; — для обращенія къ миру и покорности разсѣянныхъ по другимъ мѣстамъ приверженцевъ Шемяки особенными посланіями просилъ содѣйствія у Епископа Смоленскаго Мисаила, убѣждалъ къ тому же жителей и духовенство Вятской области. Эта ожесточенная кровавая борьба была послѣднимъ горькимъ плодомъ удѣльной системы въ нашемъ управленіи, — и исходъ

ея, столь благопріятный для Москвы и велико-княжеской власти, — былъ послѣднимъ, высокимъ подвигомъ Русскаго духовенства въ великомъ дѣлѣ утвержденія единодержавія въ отечествѣ нашемъ, такъ что сынъ и наслѣдникъ Василія Темнаго, возвращеннаго на велико-княжескій престолъ какъ бы руками пастырей Церкви и силою ихъ охраняемаго на немъ, могъ уже справедливо именоваться Царемъ и Самодержцемъ всея Руси, — и силою единодержавной власти нетолько возстановить внутренній порядокъ, но и освободить Царство свое отъ иноземнаго владычества. И великое дѣло этого вожделѣннаго освобожденія совершилось также при дѣятельномъ участіи и усердномъ содѣйствіи пастырей Церкви. Первый дѣятель на этомъ достославномъ поприщѣ, Димитрій Іоанновичъ, силою духовной власти Святителя Алексія утвердившійся въ силѣ и власти своей, — напутствованъ былъ на подвигъ для спасенія отечества благословеніемъ Пр. Сергія, предсказаніемъ побѣды и назначеніемъ отъ него въ сподвижники двухъ иноковъ, — на пути утѣшенъ благословеніемъ Епископа Коломенскаго, а при самой встрѣчѣ съ страшнымъ сонмомъ враговъ

укрѣпленъ посланіемъ того же Святаго отшельника, Преп. Сергія. — Первосвятитель Іона, сильно поддерживавшій В. К. Василія Васильевича противъ внутреннихъ соперниковъ, также усердно и дѣятельно помогалъ ему въ борьбѣ съ Монголами, своими убѣжденіями и чрезъ посланія къ прочимъ пастырямъ располагалъ и другихъ Князей содѣйствовать ему въ предпріятіяхъ для общей свободы отечества, — а когда Князь удалился изъ осажденной Москвы, — сей духовный началовождь принялъ на себя труды и обязанность вождя-воина — отстоять Кремль силою молитвы и пастырскаго слова, утверждающаго народъ въ непоколебимомъ мужествѣ и твердости. Митрополитъ Геронтій и Архіепископъ Вассіанъ, согласно всеобщему желанію народа, а еще больше въ твердомъ упованіи на помощь и милость Божію, побуждали В. К. Іоанна III поднять оружіе на отраженіе приближавшагося страшнаго врага. Настоятельными убѣжденіями ихъ, побѣдивши свой малодушный страхъ, Князь выступилъ въ походъ, — но, встрѣтивши враговъ на берегахъ Угры, не рѣшался вступить въ бой — и даже началъ отступать — въ то время, когда и Монголы, устрашен-

ные и гонимые невидимою силою, также обратились въ бѣгство. Такъ сильны были усердныя молитвы Святителей, оправдалась твердая надежда ихъ на помощь свыше, — исполнились искреннія благожеланія и предсказанія ихъ объ избавленіи бѣдствующаго отечества отъ тяжкаго ига варваровъ! Радость Русскихъ о семъ избавленіи вскорѣ увеличилась уже торжествомъ и побѣдою надъ враждебнымъ племенемъ жестокихъ поработителей своихъ; В. К. Іоаннъ IV, подвигнутый совѣтами Митрополита Макарія и Архіепископа Пимена, вооружился противъ Казанскихъ Татаръ, которые частыми вторженіями въ предѣлы наши причиняли много вреда и безпокойствъ, — приступилъ къ Казани и, не смотря на твердость крѣпости и силу защитниковъ, при помощи Божіей, овладѣлъ городомъ и водрузилъ въ немъ знаменіе вѣры Православной. Какъ велико и благотворно было участіе пастырей Церкви въ этомъ славномъ событіи, — объясняетъ намъ самъ покоритель Казани, когда, торжественно встрѣченный въ Москвѣ Митрополитомъ и соборомъ духовенства, — говорилъ имъ:..... „я совѣтовался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ пре-

кратить оныя; ... дѣдъ мой, и отецъ, и мы посылали воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ поле.... Ободренные явнымъ дѣйствіемъ вашей молитвы, мы подвиглись на Казань и благополучно достигли цѣли.... За зіе небесное благодѣяніе, вами испрошенное, тебѣ, отцу моему, и всему освященному Собору, мы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ умиленіи сердца кланяемся.... Молю васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ у престола Божія и мудрыми своими наставленіями способствуете мнѣ утвердить законъ, правду и благіе нравы внутри Государства.“ —

Приведемъ себѣ на память еще одно тяжкое для Россіи время, въ которое мужественная, самоотверженная твердость и мудрое, благодѣтельное попеченіе пастырей ея явились въ полной силѣ и свѣтѣ. Немного больше одного столѣтія наслаждалась она плодами внутренняго единодержавнаго благоустройства и внѣшней свободы, какъ разразилась надъ нею мрачная туча новыхъ ужасныхъ бѣдствій, — которыхъ сильныя волны были хотя

не столь продолжительны, — но такъ глубоки, обширны и пагубны, — что угрожали поколебать и погрузить въ безднѣ своей всѣ основанія общественнаго нашего благоденствія и порядка. И вѣра Православная, и престолъ Царскій, и цѣлость Царства, и народная самостоятельность, — всё подвергалось близкой и крайней опасности отъ сокрушительныхъ ударовъ междуцарствія и самозванцевъ, — и все это сохранилось при помощи Божіей, ничто не погибло подъ кровомъ Церкви Православной, подъ отеческимъ охраненіемъ и твердою защитою достойныхъ служителей ея. Когда по пресѣченіи царственнаго рода несчастною смертію сына Іоаннова — Димитрія, вскорѣ начали волноваться умы слухами о дерзкомъ искателѣ Царскаго престола, — когда, укрѣпляемый ложнымъ именемъ погибшаго Царственнаго отрока и помощію Польши, онъ мало по малу привлекалъ себѣ приверженцевъ, приближался къ цѣли преступныхъ замысловъ своихъ, — наконецъ отъ войска и народа признанъ законнымъ обладателемъ Царства, — мужественный Патріархъ Іовъ съ сонмомъ вѣрнаго духовенства не увлекся общимъ недугомъ заблужденія, — не пре-

клонился предъ ложнымъ призракомъ царской власти. Для вразумленія заблуждающихъ, для обличенія лжи и обмана, въ защиту правды попечительный Первосвятитель сдѣлалъ все, чего требовали смутныя обстоятельства того времени и что не выходило изъ предѣловъ духовной власти его. Увѣрившись въ подлинномъ имени и званіи явившагося обманщика, — онъ повелѣлъ привести это во всеобщее извѣстіе, торжественно произнесъ проклятіе на него и всѣхъ сообщниковъ особеннымъ посланіемъ къ духовнымъ въ Польшѣ и Литвѣ убѣждалъ обличить тамъ лживаго бродягу, въ общемъ собраніи духовенства опредѣлилъ собрать отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей войско, оружіе и запасы въ помощь Государству для отраженія враговъ, а по церквамъ ежедневно возносить особенныя молитвы объ успѣхахъ царскаго оружія; не переставалъ убѣждать народъ въ вѣрности данной присягѣ и обличать измѣнниковъ, доколѣ мятежники поруганіемъ, жестокими мученіями и лишеніемъ свободы не отняли у него возможности — продолжать подвиги для блага обуреваемаго отечества. Впрочемъ внушенный имъ духъ правды и вѣрности не ослабѣвалъ

въ прочихъ пастыряхъ, которые, не обольщаясь дарованными имъ отъ самозванца почестями, неусыпно бодрствовали на стражѣ Православія. Наконецъ не безъ содѣйствія и вразумленія ихъ народъ скоро увѣрился въ своемъ заблужденіи, свергнулъ съ высоты престола хитраго обольстителя и предалъ позорной смерти, достойной дѣлъ его! Призванный народомъ на царство Василій Іоанновичъ Шуйскій, низвергнувъ возведеннаго самозванцемъ на патріаршій престолъ Игнатія не изъ Русскихъ, избралъ на мѣсто его Гермогена, который уже извѣстенъ былъ своею твердостію, а теперь тѣмъ мужественнѣе и рѣшительнѣе подвизался для спасенія Православной Церкви и Государства, чѣмъ болѣе предстояло имъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. Новымъ бѣдствіемъ для Россіи было явленіе втораго самозванца, который называлъ себя Димитріемъ, будтобы спасшимся въ Москвѣ отъ убійства, и молва эта, не смотря на очевидную нелѣпость, опять взволновала умы, потрясла престолъ Царскій, наполнила все Царство ужасомъ и смятеніемъ и едва не предала его во власть иноземнаго повелителя. Патріархъ съ соборомъ духовенства отправилъ Ми-

трополита Пафнутія для увѣщанія мятежниковъ, а для успокоенія умовъ въ столицѣ, совершивъ торжественное покаяніе и разрѣшеніе столькихъ клятвопреступленій, въ присутствіи престарѣлаго поборника правды — Патріарха Іова, повелѣлъ совершить тоже самое и въ другихъ городахъ; разсылалъ повсюду граматы, убѣждая всѣхъ къ вѣрности законному Царю, подробно изображая дѣянія и обстоятельства смерти перваго самозванца; приглашалъ всѣхъ Епископовъ и монастыри жертвовать своими людьми, запасами, и деньгами для спасенія отечества. Когда же бояре рѣшились низвести Василія съ престола и требовали на то согласія Патріарха, — онъ не только самъ не принялъ участія въ низверженіи, но во всеуслышаніе обличалъ тяжесть этого преступленія, не переставалъ на молитвахъ возносить имя Царя и убѣждалъ всѣхъ пребывать вѣрными ему.

По заточеніи низверженнаго Царя усилились бѣдствія Россіи; Поляки, требовали престола ея для сына своего Короля, а приверженцы самозванца — для своего бродяги. Попечительный Архипастырь, почитая единственнымъ средствомъ къ облегченію

бѣдствій — утвержденіе самодержавія, — предлагалъ въ совѣтѣ избрать Царя изъ своихъ природныхъ бояръ и для сего указывалъ на юнаго и родственнаго Царственному Дому Михаила Ѳеодоровича; но приближеніе Польскаго войска къ Москвѣ, при содѣйствіи Салтыкова и Мстиславскаго, рѣшило выборъ съ пользу Владислава. Гермогенъ и Митрополитъ Филаретъ сильно противились этому избранію, и, не успѣвши измѣнить его, согласились, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Королевичъ до вступленія на Царскій престолъ принялъ Православное исповѣданіе, вступилъ въ бракъ съ Русскою и запретилъ подъ страхомъ смертной казни отступать отъ Православія. Наконецъ Поляки вступили въ Москву, а Сигизмундъ не хотѣлъ утвердить предложенныхъ для сына условій; тогда воспламенился новою ревностію мужественный Архипастырь, разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги Владиславу, разослалъ граматы по всѣмъ городамъ, благословляя и призывая ополчаться за родину. И на пастырскій, какъ бы оживляющій, гласъ его скоро отзывались одинъ городъ за другимъ, и дружины ихъ приближались къ столицѣ, терзаемой и Поляками и своими

измѣнниками. Послѣдніе видѣли, что великія силы собираются, двигаются и возрастаютъ какъ бы по волшебному мановенію и указанію вдохновеннаго пастыря, а потому неоднократно убѣждали его остановить народъ отъ предпринятаго возстанія — для освобожденія отечества: „Ты далъ имъ оружіе въ руки, ты можешь и смирить ихъ,“ угрожали съ такимъ ожесточеніемъ, что одинъ изъ нихъ — Салтыковъ, поднялъ даже мечъ на него. Но непоколебимый — и исполненный геройскаго самоотверженія, — Гермогенъ не переставалъ благословлять вѣрныхъ стоять до смерти за вѣру Православную, — а свирѣпыхъ враговъ — поражалъ проклятіемъ: „все смирится, отвѣчалъ онъ боярской думѣ, когда Салтыковъ — измѣнникъ, съ своею Литвою, изчезнетъ; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ св. храмахъ слыша латинское пѣніе, благословляю достойныхъ вождей Христіанскихъ утолить печаль Отечества и Церкви.“ Чтобы — заглушить гласъ Архипастыря, призывающій вѣрныхъ къ мужественной оборонѣ, приставили къ нему воинскую стражу и никого не допускали видѣться съ нимъ, потомъ заключили на Ки-

рилловскомъ подворьѣ. Когда защитники отечества осадили уже Кремль, — измѣнники съ предводителемъ Польскихъ войскъ снова прибѣгли къ старцу, снова убѣждали его — силою своего слова обезоружить Ляпунова и сподвижниковъ его, но неизмѣнилъ своего рѣшенія Патріархъ, изнуренный и скорбію о страждущемъ отечествѣ, и тяжкимъ заключеніемъ, а на угрозы смертію мужественно отвѣтствовалъ, указывая на небо: „боюсь Единаго, тамъ живущаго!“ Такъ ни тяжкое, строгое заключеніе, ни даже голодъ и другія мученія, — ничто не ослабило святой, пламенной и несокрушимой ревности Гермогена, доколѣ уже насильная, страдальческая кончина его не положила предѣла страданіямъ и вмѣстѣ благодѣтельнымъ подвигамъ добродѣтельнаго пастыря, на стражѣ Церкви и Царства. Но хотя и погасло это животворное свѣтило, — но уже успѣло воспламенить въ вѣрныхъ сердцахъ пламенную ревность къ великому дѣлу; а потому начатое имъ и страдальческою кончиною запечатлѣнное это святое дѣло ревностно и успѣшно продолжали всѣ прочіе пастыри и монастыри. Особенно много великихъ заслугъ и твердаго мужества оказала при

этомъ обитель Пр. Сергія, — которая, выдержавъ восемнадцати-мѣсячную жестокую осаду озлобленныхъ противъ нея Поляковъ, оставалась общимъ средоточіемъ и неизсякаемымъ источникомъ, какъ нравственнаго воодушевленія, такъ и матеріальныхъ способовъ для поддержанія вѣрныхъ сыновъ Россіи. Архимандритъ ея Діонисій и келарь Палицынъ разсылали убѣдительныя граматы по всѣмъ городамъ, оживляли мужество воиновъ, собравшихся для избавленія Москвы, прекращали возникавшія между вождями споры и несогласія, — а по изгнаніи враговъ, воздавъ благодареніе Господу, расположили народъ къ общему, единодушному избранію на престолъ Царскій предуказаннаго еще прозорливымъ Архипастыремъ Гермогеномъ — Михаила Ѳеодоровича. Такъ, когда вся Россія повсюду наводнена была хищными врагами и мятежниками, — когда престолъ Царей ея переходилъ изъ рукъ въ руки или оставался незанятымъ, когда уже почти весь народъ готовъ былъ отдаться во власть иноземнаго властителя, а съ тѣмъ, быть можетъ, потерять свою цѣлость и независимость, — посреди этихъ тяжкихъ бѣдствій и нестроеній пастыри Церкви съ сонмомъ

всего духовенства оставались единственными, твердыми, непоколебимыми столпами Вѣры и Царства, облегчали смертоносные удары внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій, мужественно, поистинѣ полагая душу свою за овцы, поддерживали слабыя искры жизни народной, близкой уже къ совершенному истощанію, — съ силою и быстротою неизвѣстныхъ еще тогда электрическихъ токовъ распространяли во всѣ отдаленные предѣлы силу, свѣтъ и теплоту, — подъ оживляющимъ вліяніемъ и мудрымъ руководствомъ которыхъ Россія благополучно преплыла бурное море всевозможныхъ ужасовъ и пораженій, достигла спасительнаго пристанища подъ Царственнымъ кровомъ и управленіемъ благословеннаго Дома Романовыхъ!

И нетолько во дни бѣдствій и смятеній являли пастыри Церкви свое благотворное участіе и ревностную заботу для пользъ общественныхъ: и въ мирное время вездѣ и во всемъ видны слѣды, хотя нестоль поразительные, — того же участія и отеческаго попеченія ихъ объ устройствѣ и благоденствіи отечества. Князья видѣли въ пастыряхъ нетолько своихъ духовныхъ отцевъ и богомольцевъ,

но часто обращались къ нимъ, какъ мудрымъ, искреннимъ и благожелательнымъ совѣтникамъ; — потому при обсужденіи и опредѣленіи способовъ къ общественному благоустройству, при новыхъ учрежденіяхъ по различнымъ предметамъ внутренняго управленія, даже въ дѣлахъ внѣшней политики, при объявленіи войны и при заключеніи мирныхъ договоровъ, все рѣшалось и принимало силу закона при участіи и по совѣту Митрополита и всего освященнаго Собора. И всѣ благія дѣйствія ихъ, всѣ высокія заслуги и подвиги для пользы общественной ознаменованы высокимъ характеромъ пламенной ревности, самоотверженія, смиренной покорности и соотвѣтствія намѣреніямъ предержащей власти. Всегда вѣрные священному званію своему, чуждые всякихъ замысловъ честолюбія и мірскаго преобладанія, побуждаемые искреннимъ желаніемъ общаго блага и спокойствія, пастыри наши ясно видѣли нужду и время, строго соблюдали мѣру и предѣлы своего участія въ дѣлахъ гражданскихъ, осторожно избѣгали враждебнаго столкновенія и незаконнаго вмѣшательства въ сферу другихъ дѣятелей на поприщѣ общественнаго благоустройства, — не ослабѣвали въ своей ревно-

сти отъ неудачи и безуспѣшности своихъ благодѣтельныхъ стремленій, а для осуществленія ихъ не страшились ни тяжкихъ подвиговъ и сильныхъ препятствій, ни высокихъ пожертвованій, трудныхъ лишеній и даже личныхъ для себя опасностей; наконецъ всѣ вожделѣнные плоды неусыпныхъ, усильныхъ трудовъ своихъ приносили на олтарь народнаго счастія и благоденствія. Правда, что Князья, бояре и весь народъ, въ благодарность за высокіе подвиги и благодѣтельныя заслуги пастырей своихъ, оказывали имъ особенное уваженіе, усердно жертвовали въ пользу ихъ достояніемъ своимъ; но всѣ высокія почести не ослѣпляли смиренныхъ служителей Вѣры, а доброхотныя даянія, составлявшія значительное богатство архіерейскихъ домовъ и монастырей, служили къ вспомоществованію бѣднымъ, къ облегченію народа въ тяжкое время неурожая и голода или на умноженіе воинственныхъ силъ и способовъ Государства въ столь частыхъ и изнурительныхъ борьбахъ съ внѣшними врагами.

Посему изъ любви къ правдѣ, въ защиту достославнаго служенія Правосл. Церкви и пастырей нашихъ, — а еще больше — для твердости и успѣха

новыхъ мѣръ и преобразованій въ общественномъ благоустройствѣ, было бы полезно, даже необходимо, — на основаніи такъ тщательно собираемыхъ и обработываемыхъ историческихъ памятниковъ (которыхъ у меня подъ руками немного), подробнѣе изобразить всѣ труды и заслуги духовнаго сословія нашего, оказанныя имъ для гражданскаго устройства, порядка, просвѣщенія, охраненія и развитія народныхъ силъ Россіи во всѣ разнообразные, иногда слишкомъ бѣдственные, періоды государственной жизни ея. Конечно, всякій истинный другъ отечества не можетъ искренно не пожелать подобнаго фундаментальнаго произведенія въ литературѣ нашей, особенно благовременнаго теперь, чтобы, съ одной стороны, остановить возникающее враждебное направленіе къ осужденію и уничиженію сословія духовныхъ пастырей, всегда оказывавшихъ столь много благотворнаго участія въ судьбахъ своей паствы, — а съ другой — изъ ясныхъ вѣковыхъ опытовъ исторіи познать и убѣдиться, какъ полезно и благодѣтельно для самаго гражданскаго общества оказывать сыновнюю покорность къ богомудрымъ учрежденіемъ Православной Церкви и долж-

ное уваженіе къ достойнымъ дѣятелямъ ея, — какъ необходимо пользоваться содѣйствіемъ и участіемъ ихъ въ дѣлѣ общественнаго благоустройства, для успѣха всѣхъ перемѣнъ и преобразованій, такъ сильно возбужденныхъ въ настоящее время. Иначе всѣ эти преобразованія, всѣ усилія и стремленія на поприщѣ прогресса мало принесутъ истинной пользы, — даже едва ли не окажутся пагубными и враждебными для благоденствія народа, который воспитался, благополучно прошелъ всѣ періоды бѣдственныхъ испытаній, укрѣпился въ силахъ и могуществѣ подъ покровомъ Православной Церкви и при участіи духовныхъ пастырей своихъ. Посему нельзя не опасаться горькихъ послѣдствій отъ дерзновеннаго посягательства на уничиженіе сего священнаго сословія, если не для насъ, то — для потомковъ нашихъ, которые въ правѣ будутъ осуждать за это пагубное уклоненіе отъ благодѣтельнаго руководства, и за неуваженіе къ Православнымъ пастырямъ, дѣлаемое вопреки яснымъ указаніямъ прошедшаго, даже наперекоръ истинному народному сознанію, по слѣпому довѣрію къ внушеніямъ иноземныхъ и иновѣрныхъ оракуловъ. Св. Церковь, не

находя въ насъ ни покорности къ спасительнымъ уставамъ своимъ, ни благодарности къ высокимъ девятивѣковымъ заслугамъ и благодѣяніямъ своимъ, ни желанія — пользоваться благотворнымъ участіемъ и вліяніемъ пастырей ея на благоденствіе наше, — съ скорбнымъ и тяжкимъ для материнской любви чувствомъ вознесетъ къ Божественному Основателю своему жалобный вопль свой устами Пророка: сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене!

Но довольно;... и то уже опасаюсь наскучить тебѣ длиннымъ разглагольствіемъ своимъ, далеко выходящимъ изъ обычныхъ размѣровъ письма. Думаю, что, прочитавши замѣчанія мои, ты — не безъ улыбки скажешь: все это справедливо, — но вѣдь все это уже — дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой! Но если въ минувшіе дни пастыри наши принимали столь сильное и благотворное участіе въ судьбахъ отечества, если участіе ихъ приносило намъ столь много блага и пользы: то для чего же намъ теперь удаляться отъ этого благословеннаго источника народной силы, — благоденствія и могущества нашего, — особенно

какъ тяжко погрѣшаемъ мы противъ справедливости, нарушаемъ долгъ признательности и — благодарности, позволяя себѣ, вмѣсто должнаго уваженія и покорности къ этимъ высокимъ дѣятелямъ, подвергать имя и честь ихъ укоризненному поношенію, безславію и уничиженію, а въ другихъ ослаблять довѣріе и расположеніе къ нимъ? — Кажется, Православная Церковь наша не подвергалась разительнымъ измѣненіямъ ни въ чистотѣ своего ученія, ни въ началахъ своей администраціи, ни въ духѣ и характерѣ своихъ представителей? Если бы даже и встрѣчались иногда какія-либо неблагопріятныя явленія въ жизни и отношеніяхъ духовенства къ обществу, — то справедливость требуетъ — говорить и дѣйствовать къ предотвращенію ихъ спокойно, благонамѣренно, усердно заботиться объ исправленіи пагубныхъ послѣдствій отъ нарушенія священныхъ обязанностей, — и притомъ подобныя явленія, какъ частныя исключенія, не даютъ права — унижать и чернить все вообще сословіе. Надобно искренне желать и — всѣми мѣрами стараться, чтобы Церковь и общество, пастыри — и міряне,

сохраняли между собою такой же живый, тѣсный и — правильный союзъ, въ какомъ, по Творческому устроенію, находятся въ насъ душа и тѣло.

О МОНАШЕСТВѢ.

Нерѣдко можно слышать нападенія на иноческую жизнь. Враги этой жизни признаютъ ее противною требованіямъ природы и несогласною съ благомъ общества. Но самый строгій порицатель иночества не можетъ не сознаться, что оно составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ Церкви Христовой. Обязывая отказаться отъ всѣхъ выгодъ общежитія, надежды счастія, удовольствій и наслажденій невинныхъ, монашество подвижникамъ своимъ объщаетъ одни скорби, лишенія, подвиги и труды тяжкіе; нарушителю уставовъ своихъ угрожаетъ и внутреннимъ судомъ совѣсти и внѣшнимъ осужденіемъ міра, и нелицепріятнымъ судомъ Божіимъ. Люди часто воздвигали и воздвигаютъ гоненіе противъ монашества, если не открытою силою, то прикрываясь лицемѣрнымъ видомъ блага общественнаго. Но между тѣмъ монашество всегда имѣло, имѣетъ,

и, — несомнѣваемся сказать, будетъ имѣть ревностныхъ подвижниковъ изъ тѣхъ Христіанъ, которые желаютъ высшаго совершенства. Благоустроенныя государства приняли на себя обязанность охранять благосостояніе монашескаго сословія и нетолько членамъ своимъ дозволили жертвовать достояніемъ для поддержанія обителей монашескихъ, но приносятъ для сего въ жертву и свое достояніе; Церковь же исключительно имъ ввѣряетъ свое высшее чиноначаліе; названіе: святыхъ сдѣлала собственнымъ именемъ монаховъ, и сословіе монашеское назвала ангельскимъ. Это уваженіе, оказываемое монашеству и ревнителями Христіанскаго совершенства, и Церковію и гражданскими обществами, не свидѣтельствуетъ ли о достоинствѣ этого сословія? Безъ сомнѣнія ревнители Христіанскаго совершенства уважаютъ монашество за духъ его, Церковь и государство за то благодѣтельное вліяніе, которое отъ монашества проистекаетъ.

Идея монашества такъ высока, обѣты его такъ святы, что невольно преклоняешься съ чувствомъ благоговѣнія предъ этимъ учрежденіемъ. Все, еже въ мірѣ, говоритъ Апостолъ, похоть плотская,

похоть очесъ и гордость житейская. Монашество обѣтомъ цѣломудрія стремится подавить похоть плоти, обѣтомъ нестяжательности — похоть очесъ, обѣтомъ послушанія — гордость житейскую. Монашество есть отреченіе отъ всего, что дорого человѣку, привязанному къ міру и его благамъ. Монахъ отрекается отъ удовольствій жизни супружеской и семейной, отъ богатства, мірской чести и своей воли, — и все для того, чтобы тѣмъ свободнѣе служить Богу и спасеніе души своей поставить единственнымъ предметомъ и цѣлію своихъ трудовъ. Это не своевольное, противное будто бы Евангельскому ученію, стѣсненіе человѣческой природы. Нѣтъ! Евангеліе высшее совершенство для человѣка поставляетъ именно въ томъ, чтобы онъ любилъ Господа Іисуса болѣе отца, матери, жены, дѣтей (Матѳ. 10, 37; 19, 29), чтобы онъ роздалъ свое имѣніе нищимъ (Матѳ. 19, 21; Лук. 18, 22), отрекся своей воли (Матѳ. 16, 24). Дѣвственную жизнь оно, явно, предпочитаетъ супружеской (Матѳ. 19, 12; 1 Кор. 7, 7. 32. 33. 38). Монашество есть стремленіе осуществить этотъ идеалъ высшаго совершенства, начертанный въ Евангеліи. Дивиться

ли послѣ этого, что люди, пристрастные къ удовольствіямъ земнымъ, силятся унизить монашество? Они видятъ въ монашествѣ обличеніе своей жизни, живой упрекъ себѣ. Монахи открыто отрекаются, какъ отъ препятствія ко спасенію, отъ всего, что тѣ ставятъ для себя дороже всего въ мірѣ. Если бы вы отъ міра были; то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра: потому ненавидитъ васъ міръ (Іоан. 15, 19).

Если возстаютъ противъ монашества во имя требованій чувственной природы, то почему не уважаютъ требованій высшей природы, почему осуждаютъ удовлетвореніе глубокому внутреннему влеченію сердца къ жизни, посвященной исключительно на служеніе Богу? Не всѣмъ понятно это стремленіе, потому не всѣ и призываются къ этой жизни. Но могій вмѣстити, говоритъ Спаситель о дѣвственной жизни, да вмѣститъ (Матѳ. 19, 12). Если бы жизнь иноческая избиралась по принужденію, то законно было бы во имя требованій природы возставать противъ нея. Но такъ какъ она избирается по свободному расположенію, послѣ предварительнаго испытанія въ тѣхъ лѣтахъ, когда че-

ловѣкъ уже можетъ и знать свои силы, и понимать свое положеніе, то справедливо ли препятствовать такому намѣренію. Даже среди Лютеранъ, неимѣющихъ монашества, — развѣ мало людей, которые по любви къ наукѣ, по любви къ одиночеству, не хотятъ вступать въ супружества. И никто не запрещаетъ имъ, никто не возстаетъ противъ нихъ. Какъ же запрещать вступленіе въ иночество, когда оно совершается по любви къ чистотѣ, по любви къ Богу?

Говорятъ: пусть желающій проводить дѣвственную жизнь остается въ кругу общества, зачѣмъ связывать себя обѣтами, зачѣмъ удаляться въ монастырь? Но какое имъ дѣло, гдѣ кто находитъ приличнѣе для себя жить? Всякій образъ жизни требуетъ соотвѣтственной себѣ обстановки. Ученый сближается съ людьми, интересующимися наукою, живетъ преимущественно въ кабинетѣ, обкладываетъ себя книгами; ремесленникъ окруженъ орудіями и предметами мастерства своего, пристрастный къ свѣтскимъ развлеченіямъ устрояетъ жизнь, избираетъ и общество сообразно съ своими расположеніями. Не естественно ли послѣ этого, что и

человѣкъ, желающій проводить, по любви къ Господу, дѣвственную жизнь, избираетъ кругъ людей единомысленныхъ, такое мѣсто для жительства, гдѣ бы онъ свободнѣе могъ молиться и удалять препятствія для достиженія своей цѣли? Такъ какъ вседневныя попеченія и занятія людей, живущихъ въ мірѣ, отвлекаютъ умъ отъ богомыслія, представляютъ много искушеній для чистоты внутренней, то естественно, что ревнующіе о чистотѣ духа и тѣла ищутъ удаленія отъ общества. „Я самъ, какъ и всѣ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ современнымъ ему порицателямъ монашества, — и даже болѣе, нежели вы, желалъ бы, что бы не было нужды убѣгать въ пустыни. Но поелику здѣсь все извращено, и самые города, не смотря на судилища и законы, полны нечестія и пороковъ, и только пустыни приносятъ богатые плоды любомудрія: то, по всей справедливости, слѣдовало бы порицать не тѣхъ, которые желающихъ избавляютъ отъ такой бури и смятенія и вводятъ въ тихую пристань; но тѣхъ, которые каждый городъ сдѣлали до того недоступнымъ и неспособнымъ для любомудрія, что желающіе спасенія должны удаляться въ пустыню. Скажи мнѣ,

если бы кто въ глубокую полночь, взявши огонь, поджегъ большой домъ, наполненный людьми, чтобы истребить спящихъ, кого бы мы стали обвинять, — того ли, кто разбудилъ бы спящихъ и вывелъ ихъ изъ дому, — или того, кто произвелъ пожаръ и привелъ въ такую крайность, какъ находящихся въ домѣ, такъ и выведшаго ихъ изъ огня*).“

Не споримъ противъ того, что сохранить чистоту духа и тѣла, святость помысловъ, искреннюю любовь къ ближнимъ среди міра — составляетъ подвигъ высшій, равносильный сему подвигъ иноческій. Но кто можетъ похвалиться этимъ? Не видимъ ли изъ исторіи, что мужи, отличавшіеся и святостію жизни, и силою воли, преимущественно являлись среди иноковъ? Не малодушное уклоненіе отъ опасностей и искушеній заставляетъ иноковъ удаляться отъ міра, но твердая рѣшимость постоянно умерщвлять свое тѣло, отсѣкать всякую нечистую мысль. Сколько тутъ нужно бдительности надъ собою! Сколько нужно терпѣнія, чтобы сохранить всегда душу и тѣло чистыми отъ прираженія грѣ-

*) Oper. Chrysost. Tom. I. Adv. oppugn. vitae monas. 7.

ховныхъ движеній! Сколько разъ слабая воля можетъ поколебаться въ своемъ направленіи! Потому-то иноки подкрѣпляютъ себя торжественнымъ обѣтомъ передъ святою Церковію. Всякое особенное служеніе Церкви и отечеству не сопровождается ли подобными обѣтами? Христіанинъ, принимая крещеніе, даетъ обѣтъ быть вѣрнымъ произносимому имъ исповѣданію; Епископъ даетъ присягу на вѣрное служеніе въ своемъ высокомъ званіи; каждый воинъ произноситъ также присягу и обязуется до послѣдней капли крови служить своему долгу.

Отреченіе иноковъ отъ міра не препятствуетъ имъ приносить самую многообразную, самую плодотворную пользу для общества. Иночество, самымъ духомъ своимъ, самыми стремленіями уже разрушаетъ то ложное мнѣніе противниковъ, будто бы монахи считаютъ достаточнымъ для своего спасенія одно внѣшнее вступленіе въ Христову Церковь, безъ жизни евангельской. Это значило бы быть Христіаниномъ только по имени. Собственнымъ примѣромъ иноки показываютъ мірскимъ людямъ, чего требуетъ отъ Христіанина его небесное званіе, гдѣ его истинныя радости; какъ легко и безъ со-

жалѣнія можно оставить ничтожныя утѣшенія міра, и какой неисчерпаемый источникъ блаженства заключается въ жизни евангельской! Живымъ стремленіемъ своимъ къ духовному совершенству они пробуждаютъ безпечность о суетившихся мірскими дѣлами, и показываютъ, что значитъ быть истиннымъ Христіаниномъ. Не даромъ толпы усердствующихъ Христіанъ стремятся посѣщать обители иноковъ, чтобы отдохнуть здѣсь душею отъ шума мірскаго, въ тишинѣ принести молитвы Богу, согрѣть въ себѣ духъ благочестія. Самыя жилища иноковъ, большею частію вдали отъ городовъ и народнаго шума, производятъ на посѣтителей глубокое впечатлѣніе. При видѣ этихъ жилищъ мира и тишины — невольно умолкаютъ въ душѣ всѣ движенія и страсти, которыя тревожатъ душу въ шумѣ мірской суеты. Еще болѣе назиданія доставляетъ взглядъ на благочестивыя занятія иноковъ.. Постоянное почти препровожденіе времени въ церковной службѣ, строгое исполненіе устава церковнаго, внятное, неспѣшное чтеніе и пѣніе въ церкви, скромный видъ, поступь, разговоръ — все это даетъ назиданіе. Такія впечатлѣнія не остаются, без-

плодными. Многіе, плѣнившись сладостію иноческой жизни, уходятъ въ монастыри. Но и возвращающіеся къ своимъ семействамъ, къ своимъ общественнымъ обязанностямъ выносятъ изъ обителей полезные для жизни уроки. Образъ жизни иноковъ, чистота общества, сладость церковнаго пѣнія — долго отзываются въ душѣ. Доброе впечатлѣніе, получаемое отъ посѣщенія обителей иноковъ, увеличивается тѣмъ, что посѣтители, вступая въ бесѣду съ иноками, открываютъ имъ свои духовныя нужды, получаютъ пользу душевную и, вкусивъ сладость собесѣдованія съ иноками, открываютъ и другимъ въ подобныхъ обстоятельствахъ источникъ духовнаго утѣшенія, который сами обрѣли въ обителяхъ иноковъ. Собственная трезвенность надъ собою, борьба съ различными искушеніями на пути къ духовному совершенству — доставляетъ подвижникамъ богатый запасъ собственной духовной опытности. Но болѣе всего благодать Святаго Духа, обильно изливающаяся на вѣрно-работающихъ Господу, — и отсюда дары сердцевѣдѣнія, ученія и духовнаго помазанія служатъ причиною необыкновенной дѣйственности иноческихъ наставленій на сердца мірянъ.

Долго было бы исчислять примѣры тѣхъ душеспасительныхъ наставленій, которыя преподаны были подвижниками Востока и нашими древними иноками. Кто знакомъ съ исторіею Православной Церкви вообще и въ частности съ исторіей монашества, тотъ знаетъ, что люди всѣхъ сословій, всякаго образованія, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ стекались къ уединеннымъ келліямъ подвижниковъ, чтобы получить отъ нихъ благословеніе и наставленія, и тщательно сохраняли не только въ своей памяти, но и для другихъ, какъ святыню, ихъ слова и поученія. Такъ составились цѣлые сборники изреченій отцевъ — пустынниковъ, извѣстные подъ именемъ патериковъ. Такъ составился Лавсаикъ, Лугъ духовный, собесѣдованія Кассіана. Кто не могъ самъ лично выслушать наставленія мудрыхъ старцевъ, — обращался къ нимъ письменно и отвѣтныя письма Исидора Пелусіота, Нила Синайскаго и другихъ подвижниковъ — сдѣлались достояніемъ всей Церкви. И въ древнихъ Русскихъ обителяхъ не только простолюдины, но и бояре и Князья искали для себя слова назиданія и утѣшенія, и не рѣдко сами оканчивали жизнь въ иноческихъ обителяхъ. И въ настоящее

время, кто самъ не помнитъ, или по крайней мѣрѣ не слышалъ, о томъ стеченіи народа въ обители Ростовскую къ Амфилогію и Иннокентію, въ Валаамскую къ Назарію, въ Саровскуго къ Марку и Серафиму и во многія другія обители къ инокамъ, опытнымъ въ духовной жизни, за наставленіями и поученіями. Мудрыя наставленія ихъ глубоко врѣзывались въ памяти, становились правиломъ жизни и обносились изъ устъ въ уста, обходя всю Россію. Отъ сего-то древнія наши лавры и обители служатъ предметами любви народной; къ нимъ влечетъ теплое, святое чувство Православія, и если не разгнѣваемъ Бога, и впредь будетъ привлекать безчисленныхъ богомольцевъ, проникнутыхъ истинною вѣрою и привязанностію къ родной святынѣ. Уничтожьте въ Россіи монастыри, и какая пустота останется въ сердцѣ Русскомъ, ненаполняемая ничѣмъ. Нѣкогда у Евреевъ весь народъ, въ урочные дни торжествъ ветхозавѣтныхъ, сходился въ единственный храмъ Іеговы, бывшій въ Іерусалимѣ. Это всенародное ежегодное собраніе было залогомъ единодушія и братства въ народѣ Божіемъ, напоминая ему о единствѣ его происхожденія и вѣры: тоже должно

сказать и о благочестивомъ посѣщеніи обителей единоплеменнаго народа Русскаго, разсѣяннаго по необъятному отечеству нашему, который встрѣчается однажды въ годъ, въ лицѣ своихъ богомольцевъ, у какой-нибудь одной святыни и передаетъ другъ другу взаимныя мысли и чувства, обогащается новыми свѣдѣніями, сознаетъ единство своей народности и своего Православія.

И ненапрасна эта любовь народа къ Русскимъ обителямъ иноковъ; она есть живое выраженіе благодарной памяти за то, чѣмъ Россія обязана иноческимъ обителямъ. Всѣ пастыри Русской Церкви были иноки и теперь избираются изъ иноковъ. Иночество воспитало ихъ; оно дало имъ силу нести честно на себѣ бремя заботы о благѣ Русской Церкви. Иноки преимущественно содѣйствовали распространенію Христіанства и гражданскаго образованія въ обширныхъ предѣлахъ Россіи. Первые просвѣтители Ростова, Епископы Леонтій и Исаія, были иноки Печерскаго монастыря. Послѣ нихъ окончательно утвердилъ Христіанство въ Ростовѣ Авраамій. Вятичи крещены были инокомъ Кукшею, Герасимъ въ XII в. проповѣдывалъ Христіанство въ

окрестностяхъ Вологды. Въ XIII в. отшельники, жившіе на Кубенскомъ озеръ, проповѣдывали Христову вѣру Чуди и Кареламъ; ихъ труды продолжали Сергій и Германъ Валаамскіе и потомъ Арсеній Коневскій; Лазарь крестилъ Лопарей около Онежскаго озера. Кто не знаетъ равноапостольныхъ трудовъ инока Стефана, просвѣтителя Перми? Въ XV и XVI в. Соловецкій монастырь былъ главнымъ разсадникомъ Христіанскаго просвѣщенія въ отдаленныхъ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи по всему Бѣлому поморью; особенно можно указать на труды Ѳеодорита и Трифона въ обращеніи Кольскихъ Лопарей. Вслѣдствіе ихъ трудовъ народъ, чуждый всякой гражданственности, принялъ и Христову вѣру, и Русскую гражданственность. Обращеніе въ Христіанство Сибирскихъ иновѣрцевъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ, утвержденіе Христіанства у Камчадаловъ и на Американскихъ островахъ совершилось и совершается преимущественно иноками. Вѣрно, въ живой памяти у всѣхъ апостольскіе труды архимандрита Макарія. Иноки, свободные отъ связей семейныхъ, несвязанные попеченіемъ о дѣлахъ житейскихъ, удобнѣе могли идти на проповѣдь Еван-

гелія въ самыя отдаленныя страны. Самымъ обѣтомъ своимъ призванные къ послушанію, къ трудамъ и лишеніямъ, они слѣдовали призыву пастырей, не думая о томъ, что ихъ ожидаетъ скорбнаго и тяжелаго.

Монастыри Русскіе были средоточіемъ книжнаго ученія и духовнаго образованія и служили прибѣжищемъ для всѣхъ, искавшихъ сего образованія. Всѣ, кто чувствовалъ потребность духовнаго Христіанскаго знанія, въ монастыряхъ находили достаточное удовлетвореніе своей духовной жаждѣ. Тогда какъ въ мірѣ книжнымъ ученіемъ занимались только желающіе, и то большею частію на досугѣ отъ житейскимъ дѣлъ, — въ монастыряхъ инокамъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность — чтеніе духовныхъ книгъ. Потому древніе Русскіе монастыри сдѣлались хранилищами и разсадниками духовной письменности, средоточіями библіотекъ, доставлявшими полную возможность поучаться въ духовныхъ книгахъ всякому, кто приходилъ въ монастырь. Сосредоточивая въ себѣ духовную письменность, обладая болѣе или менѣе богатыми книгохранилищами, монастыри были школами, въ которыхъ по-

лучали образованіе духовные писатели и учители Русской Церкви. Съ XI до конца XVIIв. насчитывается до 130 извѣстныхъ поимени писателей изъ архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ монастырей, кромѣ писателей Митрополитовъ и Епископовъ, воспитанныхъ также въ монастыряхъ и большею частію писавшихъ уже во время монастырской жизни, тогда какъ извѣстныхь по имени писателей изъ бѣлаго духовенства насчитывается только 19. Повѣствованіемъ о прошедшей судьбѣ отечества, изображеніемъ жизни святыхъ подвижниковъ, духовно-нравственными писаніями, обличеніями ересей и расколовъ*) они учили и воспитывали Русскій народъ въ духѣ благочестія, Православія и любви къ своему отечеству. Нельзя забыть того, что монастыри давали возможность получить образованіе лицамъ самаго простаго званія. Они изъ Никона — поселянина воспитали великаго Патріарха Всероссійскаго.

Исторія Русской Церкви никогда не забудетъ

---

*) Для примѣра укажемъ на писанія Іосифа Волоколамскаго противъ жидовствующихъ.

того, какъ великіе подвижники, въ бесѣдѣ съ Князьями, боярами, и народомъ, часто проводили въ древне-Русское общество самыя просвѣщенныя, высокія нравственныя идеи, далеко возвышавшія ихъ надъ понятіями современнаго общества, идеи, нескоро проникающія въ общество даже при высокомъ гражданскомъ просвѣщеніи. Въ то время, когда въ Россіи еще не утвердился государственный порядокъ и господствовало еще частное право, право сильнаго, когда землевладѣльцы и областные управители угнѣтали народъ и часто раздавался плачъ, рыданіе и вопль, какъ говоритъ лѣтопись, отъ насилія неправедныхъ судей, въ то время великіе подвижники Русской Церкви, въ бесѣдѣ съ Князьями, боярами и другими богатыми и сильными землевладѣльцами и рабовладѣльцами, постоянно старались проводить въ общество идею правды на судѣ, законности въ пріобрѣтеніи имуществъ, человѣколюбія въ отношеніи къ лицамъ несвободнаго состоянія*). Близкіе къ народу, по частымъ сношеніямъ съ нимъ и по са-

*) Примѣры сего можно читать въ Православн. Собесѣдн. 1858г. ч. 1. стр. 483—535.

мому происхожденію, иноки, по своему сану, по своему духу благочестія и ревности, могли смѣло говорить правду сильнымъ земли. Такъ Ѳеодосій Печерскій безтрепетно обличалъ Князя Святослава за изгнаніе Изяслава. Во время смутъ междуусобія удѣльнаго иноки являлись миротворцами Князей; иногда они оставляли свои келліи и приходили къ Князьямъ съ словомъ назиданія, иногда посылали Князьямъ увѣщательныя посланія (наприм. преп. Кириллъ Бѣлоезерскій), иногда по порученію Князей предпринимали отдаленныя путешествія для умиротворенія враждующихъ (какъ въ 1386 г. преп. Сергій Радонежскій, уже семидесятилѣтній старецъ, въ глубокую осень отправился въ Рязань, и кроткими словами успѣлъ склонить Олега къ любви). Но строго слѣдуя духу Православной Церкви, никто изъ иноковъ не вмѣшивался самопроизвольно въ дѣла и отношенія власти гражданской, какъ это часто встрѣчается въ западной Церкви. За то не было примѣра, чтобы иноки отказывались принимать участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, когда ихъ призывали къ тому Князья или народъ. Слово убѣжденія было главнымъ орудіемъ, съ какимъ являлись

они передъ Князьями и народомъ. И если кроткіе иноки благословляли Князей на брань, моля Бога объ успѣхахъ ихъ оружія, то всегда въ защиту праваго дѣла и для водворенія прочнаго мира и благоденствія въ отечествѣ. Такъ преподобный Сергій Радонежскій благословилъ Димитрія на святую борьбу за свободу отечества съ Монголами. Во время смутъ самозванцевъ и междуцарстія — обитель преподобнаго Сергія не жалѣла ни запасовъ своихъ, ни сокровищъ для нуждъ отечества, выдержала осмнадцатимѣсячную осаду, подвигла всю Россію на спасеніе Москвы и отечества. Вообще во время бѣдствій отечества иноки поддерживали духъ народа, облегчали его бѣдствія, часто сами оставаясь безъ куска хлѣба, отдавали его алчущимъ, несли не только деньги свои, но и священныя одежды и сосуды для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ государственныхъ.

Безъ сомнѣнія, въ настоящее время монастыри уже не имѣютъ такого важнаго значенія, какое они имѣли въ древней Россіи. Духовное просвѣщеніе нашло себѣ другіе пріюты; для высшихъ іерархическихъ дожностей образуется другое ученое мона-

шество; обѣднѣвшіе монастыри не могутъ помогать нуждамъ Государства. Но нравственное значеніе осталось за ними; и теперь изъ монастырей берутся многіе проповѣдники слова Божія для инородцевъ, духовники и совершители требъ духовныхъ для флота; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ есть училища для народа, въ большей части устроены страннопріимныя для принятія и прокормленія странныхъ; богадѣльни для призрѣнія убогихъ. И все это совершается скудными средствами, когда иноки нерѣдко должны сами воздѣлывать землю; женскія же иноческія обители всѣ содержатся трудами рукъ живущихъ въ нихъ.

Можно ли послѣ этого повторять упрекъ инокамъ, что они тунеядцы и даромъ живутъ на свѣтѣ. Кромѣ того, что всякій монастырь, какъ общество, имѣетъ свои необходимыя занятія и должности, которыя исправляются нарочно для того приставленными иноками, самая церковная служба занимаетъ уже много времени. Въ городскихъ или подгородныхъ монастыряхъ, гдѣ братія должна соображаться съ немощами и недостаткомъ времени или усердія гражданъ, — служба сокращается по

мѣрѣ возможности, но и тутъ никогда утреня не бываетъ менѣе двухъ или трехъ часовъ; столько же продолжаются двѣ литургіи — ранняя и поздняя, одна за другою, а иногда бываетъ ихъ до десяти, какъ напримѣръ въ Сергіевой лаврѣ; вечерня съ правиломъ также занимаетъ болѣе двухъ часовъ. Такимъ образомъ все въ сложности составляетъ отъ семи до восьми часовъ, въ пустынныхъ же монастыряхъ служба занимаетъ до 12 часовъ въ сутки. Кромѣ этого немало времени нужно употребить на приготовленіе къ службамъ, на попеченіе о посѣтителяхъ, на служеніе молебновъ и паннихидъ. Много ли остается празднаго времени? Многіе ли изъ мірянъ употребляютъ столько времени для труда? Служащіе, употребивъ до семи часовъ на службу, почитаютъ себя въ полномъ правѣ быть праздными все остальное время дня. А большая часть тѣхъ, которые осуждаютъ монаховъ за праздность, сами проводятъ всю жизнь въ праздныхъ увеселеніяхъ и суетныхъ бесѣдахъ, не дѣлая въ жизни ничего добраго, а только проживая, даже со вредомъ для себя и другихъ, по наслѣдству доставшееся имущество, истинно тунеядствуя, — иноки же про-

водятъ время въ молитвѣ. Можно ли назвать молитвенное упражненіе празднымъ дѣломъ? О если-бы всѣ проводили чаще жизнь въ молитвѣ! Тогда уподобились бы они ликамъ ангельскимъ, которые непрестанно славятъ на небасахъ Бога. Не считаютъ праздною жизнь иноческую тѣ, которые съ живымъ усердіемъ приходятъ участвовать на сихъ общественныхъ службахъ и просятъ еще себѣ исключительно молитвъ. Слѣдовательно иноки служатъ обществу столько же, сколько и приходское духовенство. Мірскіе священники, обязанные узами семейными, едва бываютъ въ силахъ удовлетворить необходимымъ требамъ, напротивъ того иноки, свободные отъ житейскихъ попеченій, могутъ исключительно посвятить себя на служеніе церкви; они могутъ съ большимъ великолѣпіемъ, внятнѣе и продолжительнѣе, вполнѣ сохраняя уставъ церковный, совершать службы, потому міряне охотнѣе идутъ молиться въ монастырь, нежели въ приходскую церковь. Здѣсь они слышатъ болѣе плавное чтеніе, стройное пѣніе, поученія, читаемыя во время службы. „По истинѣ, скажемъ словами извѣстнаго нашего духовнаго писателя, обители, разсѣянныя въ

сердцѣ и во всѣхъ концахъ Россіи, суть какъ бы спасительная катихизическая сѣть, охватившая собою все Православное царство. Ее можно сравнить съ тою апостольскою мрежею, которая, по указанію Самого Господа, извлекла столь обильную тоню на морѣ Галилейскомъ: ибо доселѣ совершается обильная ловля душъ человѣческихъ въ мѣстахъ, освященныхъ призываніемъ имени Божія.“ И притомъ велико ли у насъ число монастырей и монашествующихъ? Въ обширной Русской землѣ считается не съ большимъ четыреста мужскихъ монастырей, немного болѣе 200 женскихъ и въ нихъ менѣе 7500 постриженныхъ и не съ большимъ десять тысячъ послушниковъ и послущницъ, которые всегда могутъ оставить монастырь. Такое число неболѣе какъ капля въ морѣ при 50 милліонахъ Православныхъ. Преимущественно послушницъ много въ женскихъ монастыряхъ и это потому, что одинокое сиротство и вдовство требуютъ себѣ безопаснаго пріюта, который и находятъ въ женскихъ обителяхъ.

Тотъ не знаетъ состоянія нашихъ монастырей, кто упрекаетъ ихъ въ излишнемъ богатствѣ. Женскіе монастыри всѣ почти у насъ бѣдны, и не мо-

гутъ живущимъ въ нихъ дать общую одежду и пищу. Многіе мужскіе монастыри имѣютъ, дѣйствительно, значительныя средства. Но какія средства? Добровольныя приношенія посѣтителей и усердствующихъ; ни одинъ монастырь не имѣетъ постоянныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ необходимыхъ потребностей. Исключеніемъ можно поставить развѣ Новгородскій Юрьевскій, котораго ежегодное содержаніе обезпечено щедротами графини Анны Алексѣевны Орловой. Можно ли назвать богатымъ нищаго, живущаго подаяніемъ? Отъ ежегодныхъ доходовъ обители не имѣютъ остатковъ. Въ случаѣ пожара или другаго какого-нибудь несчастія едвали хоть одинъ монастырь можетъ возстановиться своими средствами. Богатство самихъ монаховъ живетъ только въ воображеніи порицателей иночества. Можетъ быть, иной изъ міра сохранилъ еще какія-нибудь деньги, но они отнюдь не въ монастырѣ пріобрѣтаются. Истиннымъ уставомъ иноческой жизни всегда было и будетъ общежитіе, непозволяющее имѣть собственности.

Конечно, не всѣ иноки живутъ соотвѣтственно

своему высокому званію; и между ними встрѣчаются люди недостойные. Но въ какомъ обществѣ человѣкъ не обнаруживаетъ своихъ слабостей? Адамъ въ раю явился нарушителемъ заповѣди Божіей; среди лика Апостоловъ открылся предатель. Но не надо забывать и того, что паденія монаховъ яснѣе усматриваются по причинѣ той высоты, на которой они находятся. Въ монахѣ самое легкое паденіе поставляютъ въ тяжкую вину, между тѣмъ живущему въ мірѣ извиняютъ преступленія тяжкія, часто не поставляя ихъ и въ вину. Видятъ недостатки нѣкоторыхъ и по нимъ судятъ о цѣломъ сословіи, забывая то, что нетрезвая жизнь одного инока видна всѣмъ, а тайныя добродѣтели, подвиги молитвы, воздержанія многихъ остаются невѣдомы для міра. О! лучше, еслибы всѣ слѣдовали мудрому, полному любви Христіанской, правилу Мономаха, который, видя инока шумна или въ зазорѣ не осуждалъ, но все покрывалъ любовію, вспоминая тѣ сладкіе часы, которые онъ проводилъ въ бесѣдѣ съ истинными иноками. Всякое общество, всякое учрежденіе, когда теряютъ духъ и внутреннюю силу, необходимо падаютъ; никакія мѣры Правитель-

ства не поддерживаютъ насильственно иночества въ Россіи; скорѣе затрудняется, чѣмъ облегчается для многихъ въ ступленіе въ иночество, и между тѣмъ оно не только не падаетъ, но постоянно возрастаетъ; возникаютъ новыя обители, украшаются прежнія. Тогда какъ отобраны были имѣнія у обителей, возникли и процвѣли новыя обители, какъ напр. Саровская, Валаамская, Оптина, Бѣлобережская и другія. Стало быть, есть внутренній духъ, есть духовная сила въ Русскомъ иночествѣ, которая держитъ его, распространяетъ; стало быть, есть потребность въ этомъ учрежденіи для самаго народа и для Государства. Если мы не встрѣчаемъ въ нынѣшнихъ инокахъ подвижниковъ, равныхъ Антонію, Ѳеодосію, Сергію: то должны помнить, что подобные люди были дивнымъ явленіемъ и для своего времени. Притомъ въ настоящее время тихіе, безъизвѣстные, подвиги безопаснѣе для самихъ подвижниковъ. Мы должны считать за счастіе, что среди этого шумнаго, мятежнаго, преданнаго матеріальнымъ выгодамъ міра, есть еще молитвенники, которые возносятъ молитвы за наше отечество, и своими молитвами удерживаютъ карающую руку

Божественнаго правосудія. — И кто знаетъ, какой вертоградъ праведниковъ незримо для мірскаго ока процвѣтаетъ между нынѣшними безъизвѣстными иноками; какой облакъ свидѣтелей благодати Господней скрывается подъ черными рясами въ убогихъ нашихъ обителяхъ монашества!

ВЗГЛЯДЪ ПРАВОСЛАВНАГО НА САНЪ ЕПИСКОПА.

Въ послѣднее время, при благотворномъ стремленіи Правительства къ преобразованіямъ и улучшеніямъ разныхъ частей гражданскаго быта Россіи, проявляется въ нѣкоторыхъ частныхъ лицахъ подобное стремленіе къ преобразованіямъ и въ самой Церкви. Слышны иногда въ обществѣ жалобные возгласы недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Русской Церкви; даже появляются довольно острыя и колкія журнальныя статьи и брошуры, въ которыхъ внѣшній бытъ Церкви представляется въ несбыточно-жалкомъ положеніи. Преимущественно укоряютъ Русское духовенство въ недостаточности умственнаго и нравственнаго образованія, нужнаго къ прохожденію его высокаго религіознаго служенія и къ достиженію цѣли этого служенія. Осуждаютъ весь административный церковный порядокъ, представляя его какимъ-то несовременнымъ,

отсталымъ. Слушая такіе возгласы о Русской церковной іерархіи, и читая статьи и брошуры, видимъ, что въ нихъ частные недостатки, гдѣ-либо подмѣченные и преувеличенные, или злоупотребленія нѣкоторыхъ людей, такъ неизбѣжныя вездѣ, — особенно въ такомъ обширномъ и многолюдномъ административномъ кругѣ, каково Русское духовное сословіе въ обширномъ Русскомъ Государствѣ, — обобщены и представлены, какъ характеристика всего духовнаго быта. Трудно опредѣлить побужденія, по которымъ нѣкоторые люди ожидаютъ, или покрайней мѣрѣ, желаютъ преобразованній въ Русской Церкви; трудно даже опредѣлить не только цѣль, но и самую сущность желаемаго нѣкоторыми преобразованія. Думается, что сочинители жалобъ и брошуръ — такіе мечтатели, которые, какъ-бы сей-часъ слетѣвъ съ неба и не нашедъ на землѣ между людьми никого кромѣ людей, жалобно вопіютъ, что и духовенство — не Ангелы. Они, кажется, думаютъ, что стоитъ только такъ или иначе перестроить административный бытъ духовенства, и — пастыри Церкви мгновенно превратятся въ небожителей, и весь Православный Русскій міръ бла-

гочестивою стезею потечетъ на небо.... Такъ думать — значитъ худо понимать, что̀ такое жизнь падшаго человѣчества на землѣ, и что̀ такое Христіанская вѣра, какъ его возстановительница! Впрочемъ тонъ и характеръ возгласовъ и брошуръ обличаетъ въ сочинителяхъ другое направленіе. Не тѣ ли это люди, которые, осмѣивая служителей Церкви, желали бы подрывать въ мнѣніи людей значеніе и силу Вѣры и Церкви, и такимъ образомъ давать болѣе простора въ жизни страстямъ человѣческимъ? То, что̀ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Запада уже давно совершается въ отношеніи къ ослабленію вѣры и нравственности въ человѣческомъ обществѣ, они, вмѣстѣ съ западнымъ просвѣщеніемъ, желали бы внести и въ нѣдра Россіи; и средствомъ къ тому избираютъ — чернить и позорить предъ самой же Россіей церковную іерархію, какъ блюстительницу началъ вѣры и нравственности. Они бросаютъ грязь въ лицо такого духовенства, представители котораго особенно никогда того не заслуживали.

Пастыри Русской Церкви, тихо и скромно исполняя дѣло своего мирнаго служенія, и всегда готовые съ ревностію защищать истину Вѣры, не

останавливаютъ много вниманія на тѣхъ обвиненіяхъ и укоризнахъ, которыя направляются лично противъ духовенства, тѣмъ менѣе находятъ нужнымъ отвѣчать на эти обвиненія. Слыша или читая справедливыя или несправедливыя укоризны, взносимыя на нихъ, они, вѣроятно, лучше многихъ другихъ понимаютъ, какъ пусты и безцѣльны насмѣшки людей надъ нравственностію другихъ; какъ пусты и неисполнимы претензіи людей, желающихъ, укоризнами и насмѣшками надъ духовенствомъ, какъ бы насильственно принудить его къ совершенству и благочестію, и какъ бы выставить его напоказъ предъ обществомъ и человѣчествомъ. Пастыри Церкви, вѣроятно, лучше знаютъ: — что̀ такое нравственная жизнь Христіанина; съ какими усиліями вѣра и благодать Христова должны побѣждать въ испорченной человѣческой природѣ все человѣческое? легко ли и быстро ли слабости и страсти человѣческія уступаютъ животворной и спасительной силѣ благодати, дѣйствующей въ Христіанскомъ мірѣ? одно ли мгновеніе, одно ли легкое движеніе воли достаточно для того, чтобы пріобрѣсть совершенство Христіанской жизни? Нѣтъ,

не совершенство, а постоянная, чрезъ всю жизнь продолжающаяся борьба слабостей и страстей съ дѣйствіями вѣры и благодати въ душѣ человѣческой — удѣлъ всякаго Христіанина, съ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ на, какой бы ступени общественнаго положенія онъ ни находился. Пастыри Церкви знаютъ и то, что во всѣ времена бытія своего на землѣ Церковь и около себя, и въ нѣдрахъ своихъ видала враговъ, слыхала порицателей и клеветниковъ; они знаютъ, что доколѣ есть въ мірѣ зло, дотолѣ и сама Церковь и служители ея всегда будутъ имѣть враговъ и хулителей; а это, конечно, продолжится дотолѣ, когда послѣдній врагъ испразднится — смерть[1]).

Итакъ повторяемъ, — еслибы дѣлались нападенія на самую сущность Вѣры и ея догматы, то среди Православнаго Израиля всегда нашлось бы седьмь тысячъ мужей, которые съумѣли бы владѣть мечемъ духовнымъ, иже есть глаголъ Божій[2]). Но какъ замѣчаемыя порицанія направляются болѣе противъ нравственнаго быта духо-

---

1) 1. Кор. XV, 26. 2) Еф. VI, 17.

венства; то по вышеизложеннымъ причинамъ излишне ожидать, чтобы пастыри Русской Церкви, особенно представители ихъ, рѣшились защищаться противъ злонамѣренныхъ клеветъ, и громогласно доказывать свои совершенства и добродѣтели. Между тѣмъ въ нѣдрахъ Русской Церкви всегда найдется немало такихъ людей, которые, понимая истинное достоинство церковной іерархіи, ея важность и значеніе въ нравственномъ бытѣ Россіи, почитаютъ долгомъ своимъ возвызить голосъ на защиту истины.

Хотя весь внѣшній бытъ Русской жизни, которымъ обусловливается и внѣшній бытъ Церкви, далеко еще не въ совершенномъ видѣ; но за то и клеветы, разсѣеваемыя о нравственномъ и административномъ состояніи Русскаго духовенства, представляютъ его далеко не въ томъ истинномъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно находится, особенно въ настоящее время. Много бы нужно говорить въ опроверженіе клеветъ, разсѣеваемыхъ о Русскомъ духовенствѣ; много бы нужно говорить для разъясненія истиннаго его положенія; много бы нужно говорить о желаемыхъ у совершенствованіяхъ и из-

мѣненіяхъ его быта. Но православному чувству особенно больно, когда разсѣеваемыя клеветы касаются Архипастырей, какъ представителей и блюстителей Вѣры и Церкви Православной. А потому въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе исключительно на важность и высокое значеніе ихъ сана.

Не говоря объ относительныхъ преимуществахъ и взаимныхъ оффиціальныхъ отношеніяхъ епархіальныхъ Русскихъ начальниковъ, носящихъ санъ или Митрополитовъ, или Архіепископовъ и Епископовъ, мы будемъ смотрѣть на значеніе и положеніе Православнаго Русскаго Архіерея вообще, какъ пастыря своей отдѣльной паствы. Для этой цѣли разсмотримъ: 1) священную важность сана и правъ духовной власти Архіереевъ, какъ апостольскихъ преемниковъ; 2) кто тѣ, кому по волѣ Провидѣнія вручаются эти священныя права въ Русской Церкви.

1. Пришедши основать на землѣ Церковь къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова[3]), Іисусъ Христосъ изъ первыхъ своихъ послѣдователей избра два-

3) Еф. IV, 12.

надесяте, ихже и Апостолы нарече[4]). Облеченные впослѣдствіи силою свыше, ниспосланіемъ Духа Святаго, Апостолы непосредственно отъ Божественнаго Основателя Церкви пріяли особенную духовную, полномочную власть, отличную отъ всякой земной власти, и въ то время сосредоточенную только въ ихъ лицѣ. Ибо Іисусъ Христосъ непосредственно избралъ Апостоловъ, ихже хотяше самъ[5]); и послалъ ихъ въ міръ съ тою же полномочною, по отношенію къ дѣлу ихъ благодатнаго служенія, властію, какою и Самъ съ пришествіемъ въ міръ облеченъ былъ отъ Бога Отца. Яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы[6]). Слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, Мене отметается[7]), — сказано Апостоламъ. Эти Богоизбранные служители спасительной истины, разъ уполномоченные свыше, долженствовали оставаться подъ постояннымъ, непосредственнымъ руководствомъ и дѣйствіемъ Самого Господа и Духа Святаго; потому что Іисусъ Христосъ, объ-

---

4) Лук. VI, 13. 5) Марк. III, 13. 6) Іоан. XX, 21. 7) Лук. X, 16.

щаясь пребывать съ Апостолами во вся дни до скончанія вѣка[8]), ниспослалъ имъ отъ Бога Отца Утѣшителя Духа Святаго, Который, по Его непреложному обѣщанію, наставитъ ихъ на всяку истину, и пребудетъ съ ними въ вѣкъ[9]). Въ слѣдствіе сего непосредственнаго избранія Апостоловъ Самимъ Іисусомъ Христомъ, и постояннаго присущія Его и Духа Святаго въ нихъ, Апостолы сдѣлались органами Святаго Духа, такъ что не они были глаголющіи, но Духъ Отца глаголяй въ нихъ[10]), — и полномочными въ Церкви мѣстоблюстителями Христовыми, приговору которыхъ въ обществѣ вѣрныхъ предоставлено право окончательнаго рѣшенія: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ[11]). — Такъ и сами Апостолы понимали Божественное учрежденіе особенной благодатной власти, сосредоточенной только въ ихъ лицѣ, и только себѣ въ то время усвояли Богопре-

8) Мѳ. XXVIII, 20. 9) Іоан. XIV, 16. 10) Мѳ. X, 20. 11) Мѳ. XVIII, 18.

данную власть. Изъ множества вѣрующихъ они только одного Матѳія, по указанію свыше, приняли въ свой апостольскій Соборъ, на мѣсто отпадшаго Іуды [12]). Апостолъ Павелъ, свыше и чудесно призванный на дѣло благовѣстія, явился также къ Апостоламъ, которые, уразумѣвъ въ его призваніи гласъ Призвавшаго, и познавъ благодать данную ему, десницы даша ему, принявъ въ сотрудники благовѣстія [13]). А потому и Апостолъ Павелъ себя и своихъ сотрудниковъ по апостольскому, пастырскому служенію, въ отличіе отъ наставляемыхъ, называетъ слугами Божіими, строителями таинъ Божіихъ [14]), и споспѣшниками Богу, а прочихъ членовъ общества вѣрующихъ — Божіимъ тяжаніемъ и Божіимъ зданіемъ [15]). Сознавая дѣло апостольскаго служенія непремѣннымъ долгомъ своимъ, Апостолы между тѣмъ совершенно удаляли отъ участія въ правахъ своихъ людей неуполномоченныхъ и непризванныхъ къ тому. Какъ проповѣдятъ, аще не посланы бу-

---

12) Дѣян. I, 26. 13) Гал. II, 9. 14) 1 Кор. IV, 1. 15) 1 Кор. III, 9.

дутъ[16])? — восклицаетъ Апостолъ о непризванныхъ учителяхъ: Еда вси Апостоли; еда вси пророцы; еда вси учители; еда вси силы[17])? — писалъ онъ же къ Коринѳскимъ Христіанамъ по случаю ихъ своеволія и нестроеній. Эту исключительность права на власть пастырства въ Церкви Апостолы всегда усвояли себѣ на основаніи непосредственнаго избранія и уполномоченія ихъ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Такъ Ап. Павелъ, нѣкогда вынужденный доказывать Коринѳянамъ достоинство своей пастырской власти, указываетъ на Божественное призваніе свое къ апостольству: нѣсмь ли Апостолъ, говоритъ онъ, нѣсмь ли свободь; не Іисуса Христа ли Господа видѣхъ[18])? И во всякомъ другомъ случаѣ достоинство своего служенія и своей власти, главнымъ образомъ, полагали въ томъ, что они призваны къ апостольству ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его отъ мертвыхъ[19]), и что благовѣ-

---

16) Рим. X, 15. 17) 1 Кор. XII, 29. 18) 1 Кор. IX, 1. 19) Гал. I, 1.

ствованіе, благовѣщенное ими, нѣсть по человѣку[20]). Вѣруя въ важность своего непосредственнаго призванія, Апостолы вѣрили также, что они всегда дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Божественнымъ, — что они въ себѣ имѣютъ умъ Христовъ[21]), и Духа Божія[22]); а потому опредѣленія своей власти почитали высшими, неизмѣнными, утверждающими только то, что изволися Святому Духу[23]).

Такая чрезвычайная благодатная власть, ввѣренная Апостоламъ, не должна была ограничиваться только ихъ временемъ и окончиться въ мірѣ вмѣстѣ съ окончаніемъ ихъ апостольскаго служенія. Іисусъ Христосъ принесъ искупительную кровавую жертву свою не о современномъ только Ему мірѣ, но и о грѣсѣхъ всего міра[24]); а потому и благодатная сила, какъ плодъ искупленія, ниспосланная Апостоламъ для возрожденія и освященія вѣрующихъ въ Искупителя, должна была переходить изъ рода въ

---

20) Гал. I, 11. 21) 1 Кор. II, 16. 22) 1 Кор. VIII, 40. 23) Дѣян. XV, 28. 24) 1 Іоан. 11, 2.

родъ до скончанія вѣка, какъ благодатный даръ, пріобрѣтенный Божественною кровію для людей всѣхъ временъ, и какъ Божественный органъ, передающій и распространяющій силу искупленія и возрожденія на всѣ вѣка и поколѣнія. Соображая это, согласно съ постояннымъ и неизмѣннымъ вѣрованіемъ Православной Церкви, не иначе можно вѣрить, что Искупитель, уполномочившій Апостоловъ совершать Божественное домостроительство спасенія рода человѣческаго, уполномочилъ въ лицѣ ихъ, и далъ въ нихъ и чрезъ нихъ на всѣ времена овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители къ совершенію святыхъ..... дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова[25]). Вникая въ эти слова, видимъ, что Іисусъ Христосъ именно Самъ далъ упомянутыхъ лицъ, — далъ для той цѣли и на тотъ конецъ, дондеже достигнемъ вси — вси чада падшаго Адама, какъ предметъ

25) Еф. IV, 11. 12. 13.

искупленія, чада всѣхъ временъ и странъ, — достигнемъ въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, что̀, по словамъ Апостола, конечно, не прежде исполнится, дондеже исполненіе языковъ внидетъ въ Церковь Христову[26]), — достигнемъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, т. е. достигнемъ всѣхъ окончательныхъ, благодатныхъ плодовъ искупленія, что̀ исполнится только тогда, когда нашъ Искупитель положитъ вся враги подъ ногама Своима; послѣдній же врагъ испразднится смерть, и когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ[27]). Указанные здѣсь предѣлы апостольскаго пастырства, обнимающіе всѣ вѣка и весь родъ человѣческій, а равно и цѣль, заключающаяся въ совершенномъ окончаніи домостроительства спасенія рода человѣческаго, — доказываютъ, что Іисусъ Христосъ далъ пастырей Церкви на все продолженіе бытія ея; далъ Онъ Самъ (Той далъ есть...), слѣдовательно не иначе, какъ въ лицѣ первыхъ Своихъ Апостоловъ, бла-

---

26) Рим. XI, 26. 27) 1 Кор. XV, 25. 26. 28.

годатная сила которыхъ, излитая на нихъ отъ Духа Святаго, должна была сообщаться и всѣмъ ихъ преемникамъ.

Такъ, если искупленіе, совершенное Іисусомъ Христомъ, предполагаетъ необходимость непрерывныхъ благодатныхъ органовъ для распространенія и совершенія благодати искупленія во всемъ родѣ человѣческомъ; то и непрерывное существованіе искупленныхъ и спасаемыхъ, какъ видимаго общества, не менѣе предполагаетъ нужду непрерывнаго существованія въ немъ пастырей или правителей. Созижду Церковь Мою, сказалъ Спаситель, и врата адова не одолѣютъ ей[28]). Но можетъ ли общество, стѣсняемое отвсюду внѣшними и внутренними врагами и бѣдствіями, пребывать нерушимо, а тѣмъ болѣе благоденствовать и процвѣтать безъ особенныхъ властей? Правда Церковь поддерживаетъ себя и существуетъ не человѣческими силами; ея глава — Самъ Іисусъ Христосъ; постоянный руководитель и хранитель — Духъ Святый. Однако Самъ Глава Церкви, когда еще видимо

28) Мѳ. XVI, 18.

присутствовалъ среди нея, избралъ ей особенныхъ правителей. Эти правители тѣмъ необходимѣе были въ Церкви послѣ Апостоловъ, чѣмъ болѣе распространялись ея видимые предѣлы, и чѣмъ болѣе умножавшееся разнообразіе членовъ ея, собиравшихся изъ разныхъ странъ и народовъ, требовало поддержанія между ними единства духа въ союзѣ вѣры и мира силою и полномочіемъ законной власти. Итакъ, въ самомъ назначеніи Церкви къ непрерывному до скончанія вѣка и повсемѣстному существованію ея на землѣ Іисусъ Христосъ открылъ свою волю о необходимости въ ней особенныхъ властей въ лицѣ апостольскихъ преемниковъ. Еще яснѣе эту волю онъ открылъ тогда, когда посылалъ Апостоловъ во весь міръ проповѣдывать Евангеліе всей твари[29]) и давалъ имъ обѣтованіе объ иномъ Утѣшителѣ[30]), имѣвшемъ пребыть съ ними въ вѣкъ, и о Своемъ съ ними пребываніи во вся дни до скончанія вѣка. Если Ученики Господа могли проповѣдывать Евангеліе всѣмъ языкамъ, имъ современнымъ, то, конечно, не могли лично проповѣдывать народамъ

---

29) Марк. XVI, 15. 30) Іоан. XIV, 16.

послѣдующихъ временъ, равно какъ не могли и жить до скончанія вѣка. Слѣдовательно, въ лицѣ Апостоловъ Спаситель послалъ на дѣло всемірной проповѣди, равно какъ и обнадежилъ Своимъ присутствіемъ среди нихъ и всѣхъ ихъ преемниковъ, или „тѣмъ (т. е. Апостоламъ) говорилъ, а сихъ подразумѣвалъ," какъ выражается бл. Августинъ [31]).

Такъ и Св. Апостолы, какъ ближайшіе преемники и полномочные толкователи и исполнители воли Спасителя, понимали истину о непрерывномъ порядкѣ священной іерархіи, болѣе или менѣе ясно для насъ выраженную Самимъ Основателемъ ея. Не говоря о Матѳіѣ и Павлѣ, сопричисленныхъ къ апостольскому лику по указанію свыше, и не безъ довершительнаго дѣйствія со стороны самихъ Апостоловъ, мы видимъ изъ Дѣяній Апостольскихъ, что Апостолы въ первоначально-основанныхъ ими Церквахъ всегда отдѣляли изъ числа вѣрныхъ особенно благонадежныхъ мужей, которыхъ поставляли пастырями и преемниками себѣ для распространенія и утвержденія вѣры. Поставленіе это не было дѣ-

31) Enarrat. in Psalm. 48, serm. I.

ломъ какъ бы обыкновеннаго человѣческаго опредѣленія къ должности, но было дѣломъ посвященія или сообщенія благодатнаго дара, который преподавали Апостолы особеннымъ таинственнымъ дѣйствіемъ — рукоположеніемъ [32]).

Этотъ даръ рукоположенія, какъ единственный отличительный признакъ законнаго пастыря, какъ единственный знакъ дѣйствительности и истинности апостольскаго преемства, Апостолы повелѣвали своимъ преемникамъ беречь и возгрѣвать, какъ необходимый къ прохожденію ихъ высокаго служенія [33]). По примѣру и заповѣди Апостоловъ, непосредственные преемники ихъ власти благодатной, для передачи и сохраненія въ непрерывности, должны были также поставлять преемниковъ себѣ [34]), и притомъ не иначе, какъ чрезъ то же самое таинственное рукоположеніе, которое, какъ неотъемлемую и неповторяемую печать благодати, должно было преподавать съ величайшею осторожностію и благоу-

---

32) Дѣян. XIV, 23. 33) 1. Тим. IV, 14. 2 Тим. 1, 6. 34) Тим. I, 5.

смотрѣніемъ [35]), и только вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити [36]).

А потому Апостолы предписывали даже правила, которыми должно руководствоваться при избраніи имъ преемниковъ [37]). Само собою видно, что, по мысли Іисуса Христа и Апостоловъ, пастыри, наслѣдовавшіе преемство власти чрезъ рукоположеніе, должны были замѣнять ихъ собою въ Христовой Церкви: ибо Апостолы повелѣвали своимъ преемникамъ исполнять дѣло служенія, какъ неотъемлемое ихъ право, полномочно, со всякимъ повелѣніемъ [38]), и, какъ существенный ихъ долгъ, съ перенесеніемъ, въ случаѣ необходимости, всевозможныхъ скорбей и злостраданій [39]). Важно припомнить здѣсь, что какъ Самъ Основатель Церкви, такъ и Апостолы учили, что преемники ихъ получаютъ и передаютъ другимъ чрезъ рукоположеніе тѣ же дары Духа Святаго, которые непосредственно сообщены были самимъ Апостоламъ. Такъ Ап. Павелъ въ

---

35) 1 Тим. V, 22. 36) 2 Тим. II, 2. 37) 1 Тим. III, 2—7. Тит. I, 6—9. 38) Тит. II, 15. 39) 2 Тим. IV, 5.

бесѣдѣ съ Ефесскими пастырями, напоминая обязанности ихъ званія, говоритъ, — что васъ Духъ Святый постави Епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею[40]).

Древняя Христіанская Церковь, пріявшая изъ устъ Апостоловъ ученіе о преемствѣ благодати рукоположенія, пріявшая и соблюдавшая самое таинство премственнаго рукоположенія, всегда хранило это преемство и въ ученіи, и священнодѣйствіи. „Мы можемъ, — говоритъ св. Ириней, — перечислить тѣхъ, которые отъ Апостоловъ были поставлены Епископами въ Церквахъ и преемниками ихъ даже до насъ[41])." По примѣру Иринея, исторія могла бы перечислить апостольскихъ преемниковъ даже до нашего времени. Ибо „у насъ, — скажемъ словами блаж. Іеронима[42]), — мѣсто Апостоловъ занимаютъ Епископы," которые суть истинные преемники Апостоловъ, „правящіе Церковію Божіею тою же самою властію," — какъ говоритъ св. Кипріанъ[43]). Такъ

---

40) Дѣян. XX, 28. 41) Lib. III, advers. haeres. cap. 3. 42) Epist. 53. 85. 43) Vid. acta concil. Carthag.

Церковь, храня благодать преемства, вѣрила въ него древле, такъ потомъ вѣрила всегда, такъ вѣритъ и нынѣ! „Епископъ преемникъ апостольскій, — говорятъ Восточные Патріархи въ окружномъ посланіи [44]), — возложеніемъ рукъ и призваніемъ Святаго Духа получивъ преемственно данную ему отъ Бога власть рѣшить и вязать, есть живой образъ Бога на землѣ, и по священнодѣйствующей силѣ Духа Святаго, обильный источникъ всѣхъ таинствъ вселенской Церкви, которымъ пріобрѣтается спасеніе.“ Итакъ по волѣ Іисуса Христа, раскрытой и преданной Апостолами послѣдующей за ними Церкви, власть Епископа, пріявшаго преемство благодати законнымъ рукоположеніемъ, есть та власть, чрезъ которую Божественная животворящая сила благодати, излитая на Апостоловъ, сообщается и распространяется въ мірѣ для возрожденія и освященія вѣрующихъ, — есть та сила, безъ сообщенія съ которою Христіанство всѣхъ временъ не можетъ составлять истинной Церкви Христовой. Ибо „Епископъ въ Церкви, а Церковь въ Епископѣ, — какъ говоритъ св. Ки-

---

44) Посл. Вост. Патр. чл. 10.

пріанъ [45]), — и кто не въ общеніи съ Епископомъ, тотъ и не въ Церкви.“ „Сообразно съ мнѣніемъ, издревле господствующимъ въ Восточной Церкви, утверждаемъ, — говорятъ Восточные Патріархи, — что званіе Епископа такъ необходимо въ Церкви, что безъ него ни Церковь Церковію, ни Христіанинъ Христіаниномъ не только быть, но и называться не можетъ“.... „Мы полагаемъ, — продолжаютъ они [46]), — что Епископъ столько же необходимъ для Церкви, сколько дыханіе для человѣка и солнце для міра. Посему нѣкоторые въ похвалу архіерейскаго сана хорошо говорятъ: „что̀ Богъ въ Церкви первородныхъ на небесахъ и солнце въ мірѣ, то̀ каждый Архіерей въ своей частной Церкви, такъ что имъ паства освящается, согрѣвается, и содѣлывается храмомъ Божіимъ.“

Показавъ преемственное происхожденіе епископскаго сана и власти отъ Апостоловъ, мы видимъ, что, по вѣрованію Церкви, каждый Архіерей въ своей частной Церкви или епархіи есть главный мѣстоблюститель Христовъ, и слѣдовательно глав-

---

45) Epist. 69. 46) Посл. Вост. Патр. чл. 10.

ный духовный начальникъ, какъ надъ всею подвѣдомственною ему іерархіею, такъ и надъ паствою [47]). Сообразно съ предположенной нами въ этой статьѣ цѣлію, должно, хотя кратко, показать тѣ священныя права и обязанности, которыя, бывъ приняты отъ Іисуса Христа самими Апостолами и потомъ преданы ими своимъ преемникамъ, теперь неотъемлемо принадлежатъ каждому Архіерею въ его епархіи.

Учрежденная для возрожденія и освященія человѣческаго рода, Церковь должна, по волѣ Основателя ея, научать людей истинному боговѣдѣнію и богопочтенію, возраждать и освящать ихъ таинствами, и спасительными постановленіями постоянно руководить ихъ во время земной жизни на пути къ небу. Соотвѣтственно этой тройственной цѣли, Іисусъ Христосъ облекъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ, Епископовъ, какъ ограновъ и представителей Церкви, правомъ учительства, священнодѣйствія и духовнаго управленія.

Право учительства Апостолы получили тогда,

---

47) Прав. Испов. ч. 1. вопр. 85.

когда Іисусъ Христосъ, давъ имъ обѣщаніе сдѣлать ихъ ловцами человѣковъ[48]), еще до страданія Своего посылалъ ихъ, облеченныхъ чудодѣйственною силою, проповѣдывать приближеніе царствія небеснаго, — впрочемъ, на сей разъ только однимъ еще овцамъ погибшимъ дому Израилева[49]). Но окончательно и торжественно Онъ далъ Апостоламъ право учительства послѣ своего воскресенія, когда, пославъ ихъ во весь міръ, повелѣлъ научать вся языки[50]), и, по облеченіи силою свыше, быть свидѣтелями Его во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли[51]). Уполномоченные Спасителемъ, Апостолы и письменно, и устно по вся дни въ церкви и въ домѣхъ не престаяху учаще и благовѣствующе Христа[52]), нерѣдко даже нощь и день непрестанно уча со слезами единаго коегождо[53]). Удаляя отъ про-

---

48) Марк. I, 17. 49) Мѳ. X, 6. 7. 50) Марк. XVI, 15. Мѳ. XXVIII, 19. 51) Дѣян. I, 8. 52) Дѣян. V, 42. 53) Дѣян. XX, 31.

повѣдничества другихъ, не призванныхъ къ тому[54]), они, въ глубокомъ сознаніи своего священнаго долга проповѣданія, говорили о себѣ: нужда бо ми належитъ[55]). Въ слѣдствіе сего, почитая дѣло благовѣстія чрезвычайнымъ и выше всѣхъ внѣшнихъ препятствій и прещеній власти человѣческой, они обыкновенно отвѣчали: не можемъ бо мы, еже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати[56]); и, злострадая даже до узъ, утверждали, что слово Божіе невяжется[57]). Преемникамъ своимъ Апостолы поставляли также въ существенную и непремѣнную обязанность и право — учить ввѣренныхъ имъ Христіанъ истинамъ вѣры и нравственности[58]); проповѣдывать слово благовременнѣ и безвременнѣ; нерѣдко со всею подробностію описывали предметы, на которые пастыри Церкви преимущественно должны обращать свою пастырскую дѣятельность[59]). Нѣтъ нужды выставлять длинный рядъ отеческихъ и соборныхъ

---

54) Рим. X, 15. 1. Кор. XII, 29. 55) 1. Кор. IX, 16. 56) Дѣян. IV, 20. 57) 2. Тим. II, 9. 58) 2. Тим. IV, 2. 59) См. Посл. къ Тим. и Титу.

свидѣтельствъ о томъ, что право учительства всегда было неотъемлемымъ правомъ Епископовъ во всѣ послѣдующія времена Церкви. Необходимо замѣтить только, что какъ сами Апостолы должны были предавать и свидѣтельствовать вѣрующимъ, что̀ они слышали изъ устъ Самого Господа и Учителя, что̀ видѣли своими очами и что̀ руки ихъ осязали[60]), такъ и каждому своему преемнику завѣщали предавать вѣрнымъ человѣкомъ только то, яже слышалъ отъ нихъ многими свидѣтели[61]). А потому всѣ преемники Апостоловъ, Епископы не имѣютъ на себѣ ни права, ни обязанности быть общественными и непогрѣшимыми учителями во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, основывающихся на соображеніяхъ ума и не относящихся къ сущности Христіанской вѣры. Они суть только хранители и преподаватели Откровеннаго ученія, преданнаго Апостолами и св. Отцами Церкви, которые, по словамъ Августина, „что нашли въ Церкви, то и содержали, чему сами научились, тому и учили, что пріяли отъ отцевъ, то предали и дѣ-

60) 1. Іоан. I, 1. 61) 2. Тим. II, 2.

тямъ [62]).“ Нужно замѣтить также, что Епископъ, при всемъ правѣ своемъ, не имѣетъ однако обязанности проповѣдывать ученіе Вѣры лично всѣмъ членамъ своей епархіи, нерѣдко обширной и многолюдной. Какъ сами Апостолы, такъ и ближайшіе ихъ преемники поставляли для сотрудничества себѣ пресвитеровъ [63]), которые и нынѣ, по рукоположеніи отъ Епископа, проповѣдуютъ слово Божіе въ своихъ мѣстныхъ паствахъ, и по 39 правилу апостольскому, „какъ во всемъ, такъ и въ преподаваніи ученія, постоянно подлежатъ надзору и суду своего Архипастыря.“ Епископъ же, какъ полномочный преемникъ апостольскій, поставленный быть источникомъ и хранителемъ Богопреданнаго ученія, долженъ заботиться о сохраненіи его, какъ въ паствѣ своей, такъ и въ сослужащихъ ему низшихъ пастыряхъ — лично или благоразумными распоряженіями, — словомъ: ему „заповѣдуется наблюдать,

---

62) August. advers. Iulian. Lib. II, cap. 10. 63) Въ настоящей статьѣ мы считаемъ неумѣстнымъ догматически и исторически доказывать существенное различіе между Епископами и пресвитерами; здѣсь мы принимаемъ его, какъ вѣрованіе, какъ фактъ Православной Русской Церкви.

чтобы въ Церкви сохранялась чистота и истина;“ какъ сказано въ постановленіяхъ апостольскихъ [64]). Потому что чрезъ Епископа, какъ полномочнаго преемника апостольскаго, — доколѣ онъ держится единенія съ Вселенскою Церковію, — „Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія [65])."

Право священнодѣйствія Апостолы, а въ лицѣ ихъ и преемники ихъ, Епископы, получили также отъ Господа. Еще во время земной жизни Іисуса Христа и по волѣ Его совершаемыя Апостолами нѣкоторыя священнодѣйствія [66]) — указывали на то высокое, чрезвычайное право, къ которому они предназначались. Оставивъ же Апостоловъ главными видимыми предстоятелями Церкви послѣ Себя, и пославъ ихъ на проповѣдь всѣмъ народамъ, Іисусъ Христосъ повелѣлъ имъ совершать крещеніе [67]), ко-

---

64) Lib. II, c. 26. 65) Посл. Вост. Патр. чл. 12. 66) Изъ Евангелія видно, что Апостолы, напр. крестили (Іоан. III, 22, IV, 2), и посылаемые по два во Іудеи, мазаху масломъ многія недужныя, и исцѣлѣваху (Марк. VI, 13). 67) Мѳ. XXVIII, 19.

торое служитъ единственною дверью въ царство благодати, а слѣдовательно и въ царство славы[68]); покаяніе, или таинственное отпущеніе грѣховъ, и пр.[69]). Въ продолженіе служенія своего Апостолы употребляли дарованное имъ право священнодѣйствія, — то омывая принимавшихъ ихъ ученіе банею крещенія, то низводя на нихъ Святаго Духа чрезъ возложеніе рукъ[70]); и потому, въ отличіе отъ прочихъ вѣрующихъ, только себя называли строителями таинъ Божіихъ[71]). Преемники Апостоловъ также должны были исполнять высокое дѣло священнодѣйствія, — нетолько совершая таинство рукоположенія, — о чемъ у помянуто выше, но и прочія Христіанскія таинства и общественныя священнодѣйствія[72]), такъ что вѣрующіе только изъ рукъ пастырей должны были получать благодатные дары въ священныхъ таинствахъ[73]). Ибо кромѣ благодатноуполномоченныхъ на преесте-

---

68) Іоан. III, 5. 69) Іоан. XX, 22. 23. 70) Кромѣ указаннаго выше, на это много примѣровъ и указаній въ кн. Дѣяній Апостольскихъ и въ ихъ посланіяхъ. 71) 1. Кор. IV, 1. 72) 1. Кор. XI, 23... 1. Тим. II, 1. 2. 73) Іак. V, 14. 15.

ственныя тайнодѣйствія, прочіе вѣрующіе — еда вси силы[74])? — Итакъ Епископъ, какъ полномочный преемникъ Апостоловъ, есть первый Священнодѣйствователь и совершитель святыхъ таинствъ въ своей епархіи[75]). Онъ есть исходное начало или источникъ преемственно отъ Апостоловъ пріятой благодати, которую онъ, — и только онъ одинъ, — сообщаетъ другимъ или для личнаго преспѣянія каждаго Христіанина въ вѣрѣ и жизни, или передаетъ ее (напр. священникамъ), какъ благодатное право руководить другихъ ко спасенію св. таинствами. Потому, на основаніи Св. Писанія, правилъ Св. Апостоловъ, св. Соборовъ и единодушнаго ученія св. Отцевъ Церкви[76]), Епископъ имѣетъ право рукополагать пресвитеровъ и прочихъ служижителей Церкви, — право исключительно ему принадлежащее, и отличающее его отъ пресвитеровъ[77]),

---

74) 1 Кор. XII, 29. 75) Посл. Вост. Патр. чл. 10. 76) Тит. I, 5. — 1 Тим. V, 22. — Апост. Прав. 2. — Пост. Апост. III, 2. — Соб. Ант. пр. 9. — Chrysost. in 1. ad Timoth. homil. XI, n. 1. — Hieronym. Epist. LXXXV ad Evagrium. 77) Кромѣ того по Соборн. правиламъ и вообще по ученію Правосл. Церкви, одному только Епископу

которые, впрочемъ, получивъ отъ своего Архипастыря, при рукоположеніи, право священнодѣйствія[78]), въ самомъ прохожденіи этой обязанности подлежатъ непрестанному надзору, власти и суду его[79]).

Въ Церкви, какъ и во всякомъ обществѣ, необходима правительственная власть для устроенія средствъ къ достиженію ея цѣли, которая, сколько важна сама по себѣ, столько же трудна по исполненію. Благоволившій называть себя Пастыремъ, а вѣрующихъ въ Него овцами[80]), Іисусъ Христосъ вручилъ право управленія Церковію Апостоламъ и ихъ преемникамъ въ образномъ выраженіи — пасти овецъ Его[81]), — выраженіи, которое ясно изображаетъ и силу власти пастырской, и глубокое къ ней благоговѣніе пасомыхъ. Съ этою властію, какъ частнѣйшее проявленіе ея, Онъ далъ имъ право судить и наказывать упорныхъ преступниковъ за-

---

принадлежитъ право освящать муро и жертвенникъ или антиминсъ. — Соборн. Карѳ. пр. 6. — Прав. Испов. ч. 1. вопр. 105. — Посл. Вост. Патр. чл. 10. 78) Посл. Вост. Патр. чл. 10. 79) Апост. Прав. 39. 80) Іоан. X, 1..... 81) Іоанн. XXII, 17.

кона Церкви, или удерживая, связывая ихъ грѣхи, или отлучая отъ общенія съ Церковію и со всѣми ея благодатными дарами, какъ язычниковъ и мытарей[82]). Конечно, право апостольской власти началось главнымъ образомъ только по облеченіи ихъ силою свыше, когда уже ихъ воля могла рѣшить то, что̀ изволися Духу Святому. Согласно съ волею Іисуса Христа, Апостолы распоряжались правомъ церковнаго законодательства, — или каждый изъ нихъ отдѣльно, своею самостоятельною властію, или собираясь вмѣстѣ, смотря по важности дѣлъ, какъ напр., для учрежденія новыхъ служебныхъ должностей въ Церкви[83]), или для разсужденія относительно употребленія обрядоваго закона Моисеева[84]). Въ-частности, Ап. Павелъ предписываетъ разныя правила общественной Христіанской жизни, церковнаго порядка и благочинія[85]). Противъ нарушителей церковныхъ правилъ употребляя право суда и наказанія, Апостолъ утверждалъ, что сила

82) Іоанн. XX, 23. Мѳ. XXVIII, 17. 18. 83) Дѣян. VI, 1—6. 84) Дѣян. XV, ... 85) 1 Кор. VI, VII, VIII, XI, XIV. 1 Тим. II, III, V. Тит. I, 5—10. II, 1—10. и мн. др.

власти его можетъ отмстити всяко преслушаніе[86]); а потому предупреждалъ иногда подобныхъ ослушниковъ, чтобы они, покаяніемъ и исправленіемъ, не допустили его прійти къ нимъ съ палицею[87]), или строго, безщадно сотворить по власти, юже Господь далъ есть[88]). И сей грозный судъ пастырской власти испытали на себѣ многіе преступники Церкви, изъ которыхъ однихъ Апостолъ предавалъ сатанѣ, да накажутся не хулити[89]), другихъ повелѣвалъ предавать сатанѣ во изможденіе плоти[90]). Всѣ эти права власти своей Апостолы вполнѣ предали своимъ преемникамъ, Епископамъ, которымъ повелѣвали управлять ввѣренными имъ Церквами, — внимать себѣ и всему стаду, посѣщающе оное не нуждею, но волею и по Бозѣ[91]), и уполномочивали дѣлать все, что нужно для благоустройства Церкви: — поставлять пастырей[92]), устроять низшія служебныя

---

86) 2 Кор. X, 6. 87) 1 Кор. IV, 21. 88) 2 Кор. XIII, 10. 89) 1 Тим. 1, 20. 90) 1 Кор. V, 5. 91) Дѣян. XX, 28. 1 Петр. V, 2. 92) Тит. I, 5. 1 Тим. V, 22.

должности[93]), судить членовъ Церкви[94]), награждать преуспѣвающихъ въ подвигахъ на пользу ея[95]) и наказывать виновныхъ. Во всѣ послѣдующія времена и доселѣ, Епископъ, какъ полномочный преемникъ Апостоловъ, есть главный духовный правитель въ своей частной Церкви, въ предѣлахъ которой онъ „собственно и преимущественно имѣетъ власть вязать и рѣшить[96]), и наблюдать за исполненіемъ Божественныхъ законовъ[97]), и за всѣмъ, что способствуетъ къ исполненію ихъ, и устранять все, что препятствуетъ исполненію. Всѣ низшіе пастыри, чрезъ архіерейское рукоположеніе пріявшіе власть вязать и вообще пасти порученныя имъ мѣстныя паствы, обязаны повиноваться Епископу, ничего не совершать въ Церкви безъ его разрѣшенія[98]), и

---

93) 1 Тим. III, 8—12. V, 4—12. 94) 1 Тим. V. 95) 1 Тим. III, 13. V, 16. 17. 96) Посл. Вост. Патр. чл. 10. — Ап. Пр. 31. — Карѳ. Соб. пр. 6. — Cyprian. Epist. LXXV. — Tertull. de poenit. c. 4. 7. — Greg. M. in Evang. lib. II. homil. 26. n. 5. 97) Clem. Rom. ep. 1. ad Corinth. n. 51. 56. Cyprian. Epist. LXIX. 98) Ап. Пр. 39. — Соб. Лаод. пр. 57. — Карѳ. 6. 42. 52. Ант. 8. 25. — Халк. 8. — Сард. 14.

подлежать постоянному его надзору и суду, въ слѣдствіе котораго онъ можетъ подвергать ихъ разнымъ наказаніемъ [99]).

Показавъ священныя права Епископовъ, какъ преемниковъ апостольскихъ, которыя неотъемлемо принадлежатъ имъ по волѣ Основателя Церкви, и не могутъ быть отмѣнены, видоизмѣнены или перенесены на какія либо другія лица, безъ нарушенія сущности древней апостольской Вѣры, мы должны теперь показать, кто тѣ лица, которымъ, по волѣ Провидѣнія, ввѣряется въ Русской Церкви благодать и права апостольскаго преемства.

2. Всякая истинно вѣрующая, Христіанская душа, понимая важность и высоту сана и цѣли апостольскаго или архіерейскаго званія и служенія, и, въ то же время, зная слабую природу человѣчества вообще, и особенно современнаго человѣчества, желала бы, конечно, чтобы Самъ Богъ непосредственно, видимо для всѣхъ, указывалъ тѣ лица, которыя Онъ Самъ призываетъ къ великому служенію Церкви. Такъ было время, когда Богоизбранные Са-

---

99) Ап. Пр. 15. 32. 55. Соб. Халк. 18. Трул. Соб. 34.

мулы на дѣтскомъ ложѣ слышали гласъ небеснаго призванія, и когда съ полей и пастбищъ, по вдохновенію свыше, являлись пророки среди избраннаго нѣкогда народа. Было время, когда Божественное слово Всемогущаго: гряди по мнѣ! — отрывало избранныхъ отъ мрежей и семействъ и дѣлало могучими ловцами человѣковъ, подобно тому, какъ нѣкогда то же слово рече и бысть, повелѣ и создашася. Прошло то время, когда Апостолы обращались къ Сердцевѣдцу показать того, его же Самъ избра отъ двоихъ единаго, пріяти жребій служенія апостольскаго[100]). И Сердцевѣдецъ Самъ изъ отверстаго неба призывалъ нѣкогда Павла; и среди церковнаго собранія вѣрующихъ гласно для всѣхъ указывалъ и отдѣлялъ тѣхъ, кого избиралъ на дѣло служенія Себѣ[101]). Да, прошло то время, когда благодатное сѣмя Христіанства, какъ зерно горушное, принесенное на землю съ неба, должно было расти и развиваться только собственною, Божественною силою. Тогда, по планамъ домостроительства Божія о мірѣ, нужно было

---

100) Дѣян. 1, 24. 25. 101) Дѣян. XIII, 2.

показать, въ поученіе послѣдующимъ вѣкамъ, что Церковь живетъ силою Того, Кто всему даетъ животъ, дыханіе и вся. А потому вѣчный Глава Церкви, то непосредственнымъ видимымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ и чрезвычайными средствами показывалъ Свое постоянное сопребываніе съ нею, то избирая буяя и немощная міра, да по срамитъ премудрыя и крѣпкія[102]), проявлялъ собственную Божественную силу въ Церкви, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ[103]); и, устраняя такимъ образомъ всякое человѣческое, немощное пособіе, бдѣлъ и стерегъ, дабы предъ новорождаемыми чадами Церкви не затмѣвалась собственная мощная, благодатная сила ея, и не ослабѣвала вѣра въ нее, — да не испразднится крестъ Христовъ[104]). Съ этою Божественною силою, при всесторонних стѣсненіяхъ и угнѣтеніяхъ отъ міра и діавола, Церковь прошла кровавымъ, крестнымъ путемъ чрезъ три столѣтія, своимъ оружіемъ, которое сильно Богомъ[105]),

---

102) 1 Кор. I, 27. 28. 103) ст. 29. 104) 1 Кор. I, 17. 105) 2 Кор. X, 4.

покорила враговъ, и благодатною мрежею уловила тѣ многочисленные народы, которые въ мірѣ составляютъ нынѣ лучшую часть человѣчества. Такъ, хотя прошло время видимаго обнаруженія сопребыванія съ Церковію Божественной силы; но тѣмъ неменѣе нынѣ, какъ и всегда, Незримый бдитъ надъ Церковію, *юже стяжа кровію Своею*, — бдитъ, да *врата адова не одолѣютъ ей*. И благодать Духа Святаго, нѣкогда излитая на Апостоловъ, преемственно переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ животворный токъ благодатной жизни для обновленія міра, подобно тому, какъ жизненная сила, влитая въ міръ всемогущимъ словомъ Творца: — *да прораститъ земля былiе травное*..... и: *раститеся и множитеся, и наполните землю*[106])..... — неудержимо стремится чрезъ пространство вѣковъ, и преемственно, неоскудно *сѣетъ сѣмя по роду своему*. Послѣ сего, хотя нынѣ видимо не обнаруживается непосредственное дѣйствіе Господа въ избранiи правителей Его Церкви, и кто бы ни были они по чело-

---

106) Быт. I, 11. 28.

вѣческому понятію и сужденію; нельзя однако сомнѣваться, что Промыслъ Божій, особенно благодатное смотрѣніе и строительство Того, Кто, по обѣщанію Своему, пребываетъ въ Церкви во вся дни до скончанія вѣка, хотя невидимо, но тѣмъ неменѣе дѣйствительно руководитъ избраніемъ пастырей Церкви. Если власъ главы нашей не падаетъ безъ воли Отца небеснаго, и всѣ обстоятельства нашей жизни текутъ по направленію, указанному перстомъ Божіимъ; если Всевышній, невидимо управляя теченіемъ обстоятельствъ и движеніями сердца и воли людей, самъ незримо для насъ поставляетъ цари и представляетъ[107]): то столько же, если не болѣе, Тотъ, Кто невидимо изливаетъ благодать на пастырей Церкви, Самъ, хотя также невидимо, но или стеченіемъ обстоятельствъ, или волею и согласіемъ людей, особенно пастырей, указуетъ, или, по крайней мѣрѣ, попускаетъ избраніе того или другаго изъ нихъ, согласно съ недовѣдомыми для насъ планами Его всемогущей воли. Современные намъ пастыри Церкви, вѣруя въ волю постоянно и незримо

---

107) Дан. II. 21. —

сопребывающаго въ Церкви Господа и Духа Святаго, избираютъ, конечно, и поставляютъ преемниковъ себѣ по человѣческому усмотрѣнію и разсужденію, руководясь при томъ, съ одной стороны церковными правилами, опредѣляющими избираемое лицо, съ другой, качествами избираемаго, въ возможной мѣрѣ соотвѣтствующими его будущему служенію. А потому и мы, вѣруя въ соприсущіе благодати Христовой въ преемникахъ апостольскихъ, какъ въ Богоизбранныхъ органахъ возрожденія и освященія людей, и имѣя въ виду Русскихъ Архипастырей, мы, въ настоящемъ случаѣ только съ человѣческой точки зрѣнія, — оставляя въ сторонѣ все внутреннее, благодатное, какъ незримое для другихъ, и часто неуловимое и непостижимое для себя самихъ, — посмотримъ на эту категорію лицъ, на ихъ нравственную возможность и способность къ дѣлу ихъ служенія. —

По 26 апостольскому правилу[108]), — изъ ко-

---

108) Правило гласитъ: „Повелѣваемъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными желающіе вступаютъ въ бракъ одни только чтецы и пѣвцы.

тораго видно, что между Епископами и пресвитерами могутъ быть женатые только вступившіе въ бракъ до посвященія въ эти степени, и что посвященные во Епископа или пресвитера уже не могутъ послѣ того вступать въ бракъ, — было въ древней Христіанской Церкви два рода священно-служащихъ — женатые и безбрачные, обязанные оставаться таковыми навсегда, т. е. монашествующіе. Древнее преданіе и обычай Церкви, особенно съ IV вѣка имѣвшій силу правила [109]), равно многочисленные примѣры безбрачія Епископовъ [110]) и частныя повременныя постановленія объ этомъ предметѣ [111]), показываютъ, что лица безбрачнаго, или монашествующаго сословія были предпочитаемы при избраніи въ санъ епископскій. Этотъ древній благочестивый обычай Церкви Трульскій Соборъ — „имѣя тщаніе, дабы все устрояти къ пользъ паствъ ... и прилагая попеченіе о спасеніи и преуспѣяніи людей на луч-

109) Chrysost. Homil. 2 in Iohan. — 110) Enses. 6. 42. 8. 9. 4. 30. Gregor. Naz. orat. de suo patre. Socrat. 5, 22. Niaphor. Hist. 12; 34. Sozom. 1, 17. 111) Соб. Карѳ. 3, 4.

шее, и о томъ, да не будетъ какого-либо нареканія на священное званіе [112]), — обратилъ въ общій, постоянный законъ для Церки. Русская Церковь, всегда и во всемъ преданная древнему ученію и законоположенію Православной Греческой Церкви, всегда и доселѣ только монашествующія лица допускаетъ на высшія іерархическія степени.

Опуская пока значеніе монашества, какъ нравственнаго воспитанія будущаго Іерарха, мы предварительно посмотримъ на служебныя должности, проходимыя тѣми монашествующими, которымъ въ Россіи преимущественно усвоено приготовленіе къ архіерейскому сану.

Въ Россіи, какъ и въ древнемъ Православномъ Востокѣ, существуютъ монастыри, куда стремятся лица всѣхъ званій, не исключая и низшаго, единственно ради возможныхъ благочестивыхъ подвиговъ монашества. Но многихъ монашествующихъ,

---

112) Прав. 12 е. — Подробный разборъ всего правила, равно какъ и вышеприведеннаго 26 го апостольскаго правила см. 6. Опыт. Курс. Церковн. Законовѣдь. Арх. Іоанна т. 1. отдѣл. 2. гл. VII §. 35. гл. X. §. 60.

преимущественно вышедшихъ изъ духовныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ приготовляются вообще пастыри Церкви, опредѣляютъ на духовно-ученыя должности при Семинаріяхъ и Академіяхъ, гдѣ они, неся свои монашескіе обѣты, продолжаютъ, иногда очень долго, ученыя занятія. Продолжительное и систематическое изученіе богословскихъ наукъ во всѣхъ ихъ отрасляхъ, и со всѣми приготовительными и вспомогательными науками, равно какъ и довольно основательное и обстоятельное знакомство съ свѣтскими науками, составляющими нынѣ предметъ общаго образованія, дѣлаютъ ученаго монаха болѣе или менѣе основательнымъ богословомъ. Но разсматриваемыя нами лица, проходя ученыя должности, вмѣстѣ съ тѣмъ проходятъ и другія должности, приличныя ихъ сану, или, покрайней мѣрѣ, выполняютъ порученія не только по учебному, но и епархіальному управленію, — что̀ даетъ имъ возможность вникать въ практическій бытъ Церкви и духовенства Но какъ всякому развитому человѣку интересно и естественно прислушиваться къ движенію разныхъ общественныхъ вопросовъ, — будетъ ли то въ общественной литературѣ или въ общественномъ бы-

ту; то какъ ученое развитіе, такъ и служебное положеніе, естественно, не отклоняютъ ученое монашествующее лицо отъ вниканія и познаванія разныхъ отраслей общечеловѣческаго, гражданскаго быта, его окружающаго. Такимъ образомъ положеніе монаха, состоящаго на церковно-общественной и ученой должности, даетъ ему возможность изъ наставника духовныхъ воспитанниковъ стать руководителемъ священниковъ и духовнымъ правителемъ епархіи. Если всякій пастырь, то преимущественно Архіерей долженъ быть способенъ и готовъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему о Вѣрѣ и ученіи; и если, по завѣщанію Апостола, право апостольскаго учительства должно передавать вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити[113]); то кому въ Русской Церкви приличнѣе и полезнѣе передавать это право, какъ не разсматриваемымъ нами лицамъ, наукою и должностію къ тому приготовленнымъ? Дѣйствительно, эти лица, въ келейной или кабинетной жизни несущія на себѣ Христово иго монашескихъ обѣтовъ, и въ то же

---

113) 2 Тим. II, 2. Тим. 1, 9.

время исправляющія обязанности церковно-общественной службы, и даже нерѣдко не только по должности, но и сочиненіями показавшія способность и знаніе своего дѣла, эти лица преимущественно и избираются къ принятію архіерейскаго сана, — избираются большею частію въ то время, когда уже давно преполовились годы ихъ духовно-ученой и монашеской жизни. Впрочемъ, не только монашествующіе — проходящіе ученыя должности призываются къ епископству; нерѣдко и настоятели монастырей, — кромѣ обстоятельнаго знанія ученія Церкви показавшіе опыты Христіанской жизни и благоразумія, — дѣлаются правителями епархій.

Имѣя въ виду любителей новизны и реформъ, которые подъ разными предлогами желали бы допускать къ архіерейскому сану и лица бѣлаго духовенства, мы, — разсматривая пока одно качество приготовляемыхъ къ архіерейскому сану — именно духовное образованіе, — должны сказать, что сословіе ученаго Русскаго монашества въ общей массѣ далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи бѣлое духовенство. Достаточно приготовленное въ учебныхъ заведеніяхъ къ знанію и исправленію своего служе-

нія, бѣлое духовенство, однако, по служебнымъ своимъ обстоятельствамъ, большею частію лишено возможности продолжать безпрепятственно духовно-ученыя занятія. Семейный бытъ его, всегда сопровождаемый свойственными ему занятіями и заботами, и приходскія обязанности, которыя, по характеру Православнаго вѣроисповѣданія столь обильнаго обрядностями, постоянно, благовременно и безвременно отвлекаютъ его въ приходъ, не оставляютъ бѣлому духовенству довольно времени для ученыхъ кабинетныхъ занятій. Между тѣмъ самый образъ монашеской жизни, сосредоточивающій человѣка въ самомъ себѣ и располагающій къ кабинетнымъ занятіямъ, самыя должности ученаго монашества, побуждающія его къ болѣе обширному и основательному изученію духовныхъ наукъ, и наконецъ, достаточныя средства и ученыя пособія, сосредоточенныя преимущественно въ учебныхъ заведеніяхъ, — всѣ эти обстоятельства составляютъ причину, что ученое монашество имѣетъ преимущество въ ученомъ отношеніи предъ остальнымъ духовенствомъ. Занимаясь образованіемъ духовнаго юношества, ученое монашество развиваетъ и обработываетъ ду-

ховныя науки, и даетъ направленіе всему духовному образованію. Систематическія изложенія богословскихъ наукъ, ученая разработка разныхъ предметовъ и вопросовъ, относящихся къ Вѣрѣ, Церкви или къ исторіи ихъ, и вообще вся духовно-ученая литература, которая въ послѣднее время довольно значительно развилась въ Русской Церкви, — все это составляетъ трудъ и плодъ дѣятельности и занятій преимущественно ученаго монашества. Конечно, въ средѣ бѣлаго духовенства находятся многія лица, которымъ нельзя отказать въ ученыхъ трудахъ; но говоря о цѣломъ сословіи, мы должны справедливо замѣтить, что пальма первенства принадлежитъ большинству ученаго монашества. Это достоинство и эти ученыя заслуги монашества въ пользу Церкви даютъ ему справедливое право стоять во главѣ духовенства, и потому приготовляться къ занятію епископскихъ мѣстъ. Въ слѣдствіе этой благоразумной системы, усвояющей право на архіерейскія должности преимущественно ученому монашеству, Русская Церковь въ средѣ своихъ Іерарховъ видитъ не только мудрыхъ пастырей и

богослововъ, но, нерѣдко, и глубоко - ученыхъ людей.

Надѣемся, что никто не будетъ сомнѣваться, что при образованности и учености людей нынѣшняго времени, нерѣдко несогласной съ духомъ и направленіемъ Христовой истины, значительная степень учености пастырей — не послѣднее качество. Но мы никакъ не можемъ допустить, чтобы ученость пастырей была первымъ ихъ качествомъ. Качества, болѣе свойственныя Церкви Христовой, какъ орудію благодати къ развитію нравственной жизни пасомыхъ, въ Русскихъ Архипастыряхъ обусловливаются ихъ монашескимъ саномъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего представляется вниманію безбрачіе Епископовъ, какъ одно изъ условій монашества. Если Христіанское нравоученіе представляетъ цѣломудріе, какъ желаемое совершенство нравственной жизни Христіанъ вообще[114]): то это совершенство вполнѣ сообразно съ высотою епископскаго сана, его значеніемъ и положеніемъ въ Церкви, въ которой онъ долженъ быть хранителемъ

114) 1. Кор. VII, 32—38.

чистоты и духовнаго цѣломудрія въ Вѣрѣ и жизни, дабы представить ее чистою дѣвою Христу[115]). Это само по себѣ высокое совершенство Христіанской жизни, и прочіе нравственные обѣты монашества, а равно и самый внѣшній, опредѣленный правилами, бытъ монашества, способствующій развитію внутренней духовной жизни человѣка, приводитъ къ убѣжденію, что среди нынѣшняго человѣчества преимущественно между монашествующими должно надѣяться найти лица, достойныя быть тѣмъ избраннымъ сосудомъ благодати, каковымъ, по Православному вѣрованію, признается Архіерей. А потому, обращая вниманіе на высоту архіерейскаго сана и на условія монашеской жизни, поддерживающей и развивающей характеръ истинно - Христіанской жизни, здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ, сравнивая между собою монашескую и общечеловѣческую жизнь Христіанъ, скажетъ вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Назіанзеномъ, что избранниками на архіерейство должны быть, какъ и бываютъ дѣйствительно, „наши назореи (монашествующіе), на кото-

115) 2. Кор. XI, 2.

рыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ — большею частію, должны лежать подобныя избранія[116]).“ Свойство монашескихъ обѣтовъ и условія монашеской жизни, содѣлывая Христіанина болѣе готовымъ и нравственно-способнымъ къ принятію благодати, столько же, и даже въ слѣдствіе того дѣлаетъ его, относительно говоря, болѣе способнымъ къ руководству и управленію паствою. Не оженивыйся, говоритъ Апостолъ, печется о Господнихъ, како угодити Господеви: а оженивыйся печется о мірскихъ, какъ угодити женѣ[117]), — печется преимущественно, какъ устроить свой внѣшній матеріальный бытъ, внѣшнія матеріальныя средства и удобства къ жизни, нерѣдко способомъ, далеко несоотвѣтствующимъ идеѣ Христіанской правды и истины, — что̀ среди человѣческой жизни часто бываетъ почти неизбѣжно. Такъ сказано Апостоломъ о частной жизни Христіанина! Но это отрѣшеніе отъ узъ внѣшней матеріальной жизни не болѣе ли свойственно, не болѣе ли необходимо правителямъ

---

116) О избраніи Василія Вел. — Слов. 18 въ похвалу отца своего. 117) 1. Кор. VII, 32. 33.

Церкви? А потому не естественнѣе ли къ управленію Церковію призывать тѣхъ, которые, принятіемъ на себя обѣтовъ монашества, сложили съ себя значительную часть тяжелаго бремени земныхъ заботъ, удручающихъ человѣка и привязывающихъ его къ мелочнымъ интересамъ? Важность, святость, обширность и трудность обязанностей Архипастыря требуютъ отъ него совершеннаго, всецѣлаго посвященія себя и всей жизни своей благу Церкви; а потому возможное для человѣка иноческое отреченіе отъ міра, нравственно возвышая Христіанина надъ всѣми плотскими узами и внѣшними отношеніями къ міру, болѣе, чѣмъ мірское обыкновенное состояніе Христіанина, способствуетъ къ свободному и безпрепятственному исполненію обязанностей Архипастыря. Если на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго управленія законный долгъ службы часто приходитъ въ столкновеніе съ постоянно вопіющими въ каждомъ человѣкѣ слабостями и страстями его испорченной природы; если эти, на каждомъ шагу жизни преслѣдующія человѣка, мелочныя слабости и страсти производятъ, то опущенія и недосмотры, то болѣе или менѣе важныя,

болѣе или менѣе извинительныя несправедливости или пристрастія: то кому, по здравому разсужденію чоловѣческому, болѣе прилично довѣрить управленіе Церковію, какъ не тѣмъ, которые хотя и тѣ же люди, но, по свойству монашескаго сана, не связаны столько внѣшними условіями и мелочными интересами жизни, и потому, имѣютъ болѣе возможности стремиться къ нравственнымъ цѣлямъ ихъ служенія, или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ столько необходимости уклоняться или стѣсняться въ исполненіи дѣла правды и истины, сколько это бываетъ иногда неизбѣжно для мірскихъ людей, при условіяхъ, наложенныхъ житейскими обстоятельствами? Такимъ образомъ монашескій санъ Архипастырей, даже только съ человѣческой точки зрѣнія, ручается за относительно большее удобство исполненія ими служенія Церкви и управленія ею [118]).

На сужденія, нами высказанныя, представляются

---

118) Подобный взглядъ на безбрачіе Архіереевъ Православныхъ можно встрѣтить и у иновѣрцевъ, напр. см. „Revue des deux mondes“ 15 Octobre 1858, стр. 787 и 788. — См. журн. „Духовн. Бесѣд.“, 1859 г. No. 1. стр. 31.

со стороны нѣкоторыхъ два возраженія: — отрѣшенное отъ міра положеніе монашествующихъ, предполагая въ нихъ незнаніе всѣхъ условій и обстоятельствъ мірской жизни, представляетъ ихъ какъ-бы недостаточно способными къ управленію и руководству жизнію людей. — Съ другой стороны, возведеніе монашествующихъ къ общественно-церковному управленію не лишаетъ ли ихъ самихъ, въ этомъ соприкосновеніи съ міромъ, характера ихъ собственной иноческой жизни, долженствующей быть какъ-бы совершенно отрѣшенною отъ міра? — Но призваемый къ управленію Церковію монашествующій пастырь, не тою ли же самою Христіанскою жизнію долженъ управлять и руководить въ мірѣ, которой и самъ посвятилъ себя въ монастырскихъ стѣнахъ или въ уединенной учено-монашеской келліи, и которую возгрѣвалъ въ себѣ въ теченіе предшествовавшей жизни? Борьба съ слабостями и страстями человѣческими, которую уединенно ведетъ въ своей жизни монахъ, не есть ли общая борьба, которая предстоитъ каждому Христіанину и постоянно ощущается имъ, въ какомъ бы положеніи жизни онъ ни находился? Монашескій обѣтъ,

какъ возможно-посильное для человѣка осуществленіе Христіанскихъ стремленій, не есть ли идеалъ, смотря на который каждый Христіанинъ долженъ помнить, къ чему ведетъ, и чего требуетъ отъ него Вѣра? А потому не монашествующій ли Архипастырь, испытавшій въ себѣ въ теченіе жизни столько борьбы человѣческаго съ Христіанскимъ, и, быть можетъ, уже предвкусившій побѣду Христіанскаго, благодатнаго начала надъ слабостями ветхаго человѣка, — не онъ ли только и можетъ быть правителемъ и руководителемъ Христіанской жизни въ другихъ? Притомъ мы и прежде замѣтили, что монашествующіе, приготовляемые къ высшему пастырскому служенію, не составляютъ какъ-бы отшельниковъ отъ міра: они несутъ довольно многосложныя обязанности церковно-общественной службы, находятся въ служебномъ соприкосновеніи съ людьми разнаго рода, и далеко нечужды знанія общественнаго человѣческаго быта, которымъ, слѣдовательно, имѣютъ полную возможность руководить въ Христіанскомъ отношеніи. По той же причинѣ, имъ нельзя приписывать какой-либо односторонности взгляда на жизнь. Руководя Христі-

анскою жизнію людей, монашествующіе Архипастыри, по самому свойству Вѣры, которой они служатъ, не могутъ быть врагами гражданскаго образованія и истиннаго просвѣщенія людей. Вспомнимъ эпоху преобразованія Россіи при Петрѣ Великомъ, которому въ борьбѣ съ предразсудками и невѣжествомъ разныхъ классовъ народа нужны были сотрудники, и мы увидимъ, что современные ему представители Русской Церкви немало содѣйствовали ему своимъ религіознымъ вліяніемъ на народъ. Въ настоящее время всѣ благотворныя начинанія и дѣйствія Правительства относительно улучшенія и развитія гражданскаго быта Россіи не могутъ встрѣчать и не встрѣчаютъ какихъ-либо препятствій со стороны Архипастырей Церкви, равно какъ и со стороны самой Вѣры. Конечно, нельзя ожидать и требовать, чтобы пастыри Церкви вполнѣ могли положительно содѣйствовать успѣхамъ человѣческаго гражданскаго образованія. На нихъ лежитъ не тотъ долгъ ни предъ Церковію, ни предъ Государствомъ. Храня Богопреданную вѣру и правила нравственной жизни въ человѣческомъ обществѣ, они тѣмъ самымъ служатъ и Государству, которое только тогда

можетъ ожидать благоденствія, когда внутренняя жизнь его подданныхъ будетъ направляема по ученію Вѣры. Здѣсь постороннему наблюдателю нельзя не остановиться на невольно-представляющемся сравненіи Пастырей современныхъ намъ обществъ Христіанскихъ. Тогда какъ Католическіе пастыри стремятся къ внѣшнему вліянію на распоряженія гражданскаго правительства, Лютеранскіе, напротивъ, ослабляютъ требованія Христіанства предъ своеволіемъ ума и страстей человѣческихъ. Монашествующіе Архипастыри Русскіе, не вмѣшиваясь во внѣшнія распоряженія Правительства, предоставляютъ себѣ поддерживать и ожидаютъ отъ Правительства содѣйствія въ поддержаніи въ человѣческомъ обществѣ истинныхъ началъ вѣры, на которыхъ зиждется благоденствіе нравственно-религіозной и нравственно-гражданской жизни людей. Прочность началъ вѣры и нравственности въ обществѣ человѣческомъ много зависитъ отъ монашества Русскихъ Архипастырей, которые, по самому положенію своему, преданнѣе цѣлямъ Церкви, чѣмъ бѣлое духовенство, которое, при большей связи своей съ мірскою жизнію, естественно отъ того уступчи-

вѣе предъ отрицательными началами нравственности и вѣры. А потому желаніе нѣкоторыхъ предоставить управленіе Церковію духовнымъ людямъ, болѣе связаннымъ съ общечеловѣческою мірскою жизнію, не есть ли опрометчивое, или, быть можетъ, намѣренное стремленіе болѣе ослабить истинно-Христіанское вліяніе на жизнь людей, которая и сама по себѣ, по прирожденной человѣку поврежденности, стремится не подчиняться, или болѣе и болѣе освобождаться отъ благаго, легкаго и спасительнаго, но несогласнаго съ требованіями страстей, ига Христовыхъ заповѣдей. —

Къ тому же ведетъ направленію, и столь же мало имѣетъ основанія другое упомянутое нами мечтательное предположеніе, будто монашествующій пастырь, выступивъ на поприще общественной службы Церкви, нѣкоторымъ образомъ утрачиваетъ основной характеръ иночества, долженствующаго быть внѣ всякихъ мірскихъ отношеній. Неся обѣты монашества ради личной душевной пользы, инокъ, какъ и всякій Христіанинъ, нисколько чрезъ то не освобождается отъ нравственной обязанности служить

истинной пользѣ другихъ, особенно если это служеніе относится къ распространенію и утвержденію въ другихъ вѣры и нравственности. Ревнуя о развитіи вѣры и нравственности въ себѣ самомъ, и развивъ эту ревность до значительной степени, монашествующій не можетъ не ревновать о томъ же и въ другихъ Христіанахъ, особенно если онъ способенъ къ тому и по опыту жизни своей, и по Христіанскимъ познаніямъ: таковъ естественный законъ распространенія добра! Съ другой стороны, Христіанское общество, вѣруя въ правила Вѣры и нравственности Христіанской, и стремясь къ большему усвоенію ихъ и къ дальнѣйшему преспѣянію въ Христіанской жизни, не можетъ не желать для себя истиннаго руководства, которое всегда желательно видѣть и получать отъ тѣхъ, кто нравственно болѣе къ тому способенъ. Послѣ сего дѣятельность монашествующихъ въ мірѣ Христіанскомъ не представляетъ ничего страннаго. Христіанская вѣра дана людямъ, всѣмъ безъ исключенія, для руководства въ нравственной жизни; что же удивительнаго и страннаго, если монашествующіе, внявъ гласу вѣры, и болѣе другихъ осуществляя ее въ своей жизни,

иногда остаются для служенія Церкви среди міра? Напротивъ совершенно естественно и цѣлесообразно, что Православная Церковь, какъ общество людей, желающихъ направлять жизнь свою, въ возможной для каждаго мѣрѣ и степени, по указанію Богооткровенной вѣры, имѣетъ духовными руководителями или пастырями лица монашествующія, какъ лица, избравшія единое на потребу, и по самому положенію и обязанностямъ своего сана рѣшившіяся главнымъ образомъ слѣдовать руководству Христовой вѣры. Въ подтвержденіе и какъ-бы въ оправданіе сего нужно упомянуть о томъ сильномъ вліяніи, какое имѣетъ на Православную паству Архипастырь, не только какъ Архипастырь, но преимущественно какъ Архипастырь-монахъ. Естественно желаніе и ожиданіе Православныхъ Христіанъ имѣть религіозное руководство отъ тѣхъ лицъ, самый санъ которыхъ невольно, по тайному влеченію, располагаетъ къ уваженію, если не къ благоговѣнію. А потому еще Григорій Назіанзенъ замѣчалъ, что въ его время многіе Христіане желали принимать таинства и религіозное руководство отъ Епископовъ или пресвитеровъ — только нежена-

тыхъ[119]). Мы не будетъ указывать на примѣры древней Греческой Церкви, въ которой строгое монашество, даже отшельники по временамъ принимали дѣятельное участіе въ устроеніи дѣлъ вѣры и нравственности, нисколько не теряя отъ того чистоты и строгости своихъ обѣтовъ. Мы обратимся къ Русской Церкви, въ которую перешелъ и даже укоренился тотъ же духъ и характеръ уваженія и сочувствія къ монашеству. И въ древнія и въ наши времена въ Россіи монастыри составляютъ вообще такое мѣсто, куда благочестивые люди стремились и стремятся по временамъ, чтобы хотя въ непродолжительное посѣщеніе влить въ душу, истомленную невзгодами жизни, религіозное успокоеніе и примиреніе. Въ стѣнахъ монастырскихъ хранятся для Православнаго памятники осуществленія вѣры въ подвигахъ жизни; а потому тѣ, которые шли и нынѣ идутъ тою же смиренною стезею иноческой жизни, всегда внушали и внушаютъ къ себѣ и къ своему наставленію предпочтительное вниманіе. Отъ того въ древней Руси часто по благочестивому

---

119) Orat. 40. de baptis. —

желанію Великихъ Князей и Царей строгіе иноки мѣняли монашескій посохъ на жезлъ архипастырскій. Выходя изъ-за стѣнъ монастырскихъ, они въ душѣ своей выносили долговременные опыты и плоды монашеской жизни на благо своихъ многолюдныхъ паствъ. И какъ цѣнили ихъ современники! Какъ помнитъ ихъ Православное потомство! Приснопамятныя имена Святителей Петра, Алексія, Іоны, Филиппа и другихъ не только навсегда внесены на страницы Русской исторіи, но и въ церковныхъ богослуженіяхъ возносятся, какъ имена присныхъ молитвенниковъ за землю и Церковь Русскую. Послѣ того измѣнились времена, измѣнились люди, измѣнились условія общественной жизни въ Россіи, измѣнилось направленіе общественнаго образованія; но среди внѣшнихъ видимыхъ измѣненій Русской жизни, въ которой вращаются и пастыри, постоянно остается одинъ и тотъ же духъ и характеръ Русскаго Православнаго монашества и то же религіозное почтеніе къ нему. Нынѣшнее ученое образованіе Архипастырей, вызванное обстоятельствами, нынѣшнія условія и отношенія въ жизни и служебной ихъ дѣятельности, не измѣнивъ въ нихъ

духа и характера православнаго монашества, не отнимаетъ, конечно, ни ихъ достоинства, ни нравственнаго вліянія ихъ сана на другихъ. Рѣдкость появленія ихъ гдѣ-либо, по требованіямъ должности, среди паствы даетъ возможность видѣть то нравственное ихъ вліяніе на паству и то нравственное почтеніе къ ихъ сану, на которыя не иначе можно смотрѣть, какъ на внутреннюю, таинственную или благодатную связь, которая съ ихъ стороны выражается и поддерживается важностію и достоинствомъ сана, съ другой стороны убѣжденіемъ въ нихъ и довѣренностію пасомыхъ къ ихъ достоинству. Посмотрите, когда самъ Архипастырь совершаетъ гдѣ-либо богослуженіе; благочестивые посѣтители храма не такъ тогда сочувствуютъ богослуженію, не такъ ощущаютъ вліяніе его на себя, какъ это бываетъ при обыкновенныхъ служеніяхъ священническихъ. Вотъ Архипастырь выходитъ изъ храма: надо видѣть, съ какимъ сердечнымъ энтузіазмомъ народъ, стоящій въ храмѣ и даже около храма, стремится и тѣснится, чтобы достичь возможности прикоснуться къ десницѣ своего Владыки. Бывавшій въ Русскихъ губернскихъ городахъ

знаетъ, что̀ такое провожаніе прежняго Архипастыря, отъѣзжающаго, по распоряженію начальства, въ другую епархію, или встрѣча новаго. Эти два случая представляютъ такія нравственныя явленія, которыя вѣрно характеризуютъ то внутреннее уваженіе, которое паства питаетъ къ своему Архипастырю, какъ нравственно-религіозному руководителю душъ и молитвенному ходатаю за другихъ по благодати своего сана. Умиленно-отрадная картина представляется наблюдателю, когда уважаемый Архипастырь, при всеобщемъ звонѣ градскихъ церквей, среди многочисленнаго стеченія народа, окружающаго мѣста его послѣднихъ посѣщеній, оставляетъ паству, нерѣдко глубоко-растроганный и религіозно-растрогивающій другихъ. Тѣ же чувства, но въ другомъ, болѣе веселомъ выраженіи, можно видѣть въ епархіальныхъ городахъ, когда при вѣсти о прибытіи новаго Архипастыря, народъ спѣшитъ въ тотъ храмъ, гдѣ надѣется видѣть новаго Архипастыря и услышать первое его архипастырское привѣтствіе. Нельзя не видѣть, что подобное обнаруженіе чувствъ сколько есть плодъ религіозности Православныхъ, столько же есть результатъ важности

архипастырскаго сана и довѣрія къ его достоинству, чрезъ продолжительное время пріобрѣтенному, укорененному и доселѣ поддерживаемому Русскими Архипастырями. Эти выраженія чувствъ Православнаго народа, — обнаруживающіяся въ немъ хотя съ большею торжественностію и съ другимъ болѣе восторженнымъ характеромъ только при посѣщеніи губернскихъ городовъ лицами Августѣйшей Фамиліи, — ручаются за то, что достоинство и характеръ Русскихъ Архипастырей соотвѣтствуетъ, сколько возможно по-человѣчески, высокому ихъ служенію среди Православныхъ паствъ, ввѣренныхъ имъ Провидѣніемъ. —

Итакъ повторивъ, что общественно-церковное служеніе Архипастырей-монаховъ не только не странно среди міра Христіанскаго, но даже совершенно цѣлесообразно съ назначеніемъ Церкви, мы могли бы оставить дальнѣйшее разсужденіе. Но имѣя въ виду нѣкоторыя неблагонамѣренныя сужденія или, быть можетъ, недоразумѣнія относительно нравственнаго характера этихъ уважаемыхъ въ Россіи лицъ, находимъ нужнымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. При этомъ удивляясь самона-

дѣянности сужденій о томъ же предметѣ другихъ, мы сознаемся и осмѣливаемся увѣрить читателей, что глубоко сердце человѣка, чтобы вѣрно судить о немъ, особенно если онъ въ нѣкоторомъ разобщеніи съ общею жизнію людей. Еще глубже и недоступнѣе тотъ тайникъ души, гдѣ благодать Духа производитъ свои дѣйствія, иногда совершенно незамѣтно и неуловимо не только для постороннихъ, но и для той самой души. Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа[120]). Даже въ человѣкѣ, живущемъ среди міра, мы не можемъ подмѣтить и оцѣнить то достоинство, тѣ душевныя явленія, которыя происходятъ въ немъ отъ стремленія — быть во всемъ человѣкомъ среди людей и въ то же время не угашать тайныхъ требованій Христіанской души; не можемъ подмѣтить и оцѣнить степени скрываемой отъ другихъ тайной душевной борьбы, въ которой всѣ слѣдствія жизни среди людей, пораждаемыя не-

120) Іоан. III, 8.

обходимостію, сталкиваются съ тайными высокими порывами души, которая съ болѣзненнымъ усиліемъ стремится сквозь дрязгъ — горкій и неизбѣжный дрязгъ жизни, къ цѣли указуемой Христіанствомъ; не можемъ, слѣдовательно, и среди обыкновенной обстановки жизни человѣка вполнѣ понять и оцѣнить ту сокровенную нравственную жизнь, которую онъ вырабатываетъ среди вседневной борьбы съ препятствіями болѣзненными тайными усиліями, достоинство которыхъ, равно какъ и нравственная важность результата ихъ часто извѣстны только Сердцевѣдцу. Такъ есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа! Внутренняя жизнь монаха еще недоступнѣе для посторонняго взора. Его борьба въ самомъ себѣ со всѣмъ тѣмъ, что свойственно ветхому человѣку, — борьба, къ которой призванъ, и которую, конечно, ведетъ въ извѣстной мѣрѣ каждый Христіанинъ, исключая тѣхъ, которые, предавшись совершенно влеченіямъ своего ветхаго человѣка, даже и не хотятъ признавать его ветхости, — борьба, говоримъ, монаха съ самимъ собою, его служебныя обязанности, требующія бдѣнія и нравственныхъ усилій, многосложныя отношенія

къ различнымъ людямъ, часто препятствующимъ благородному усилію, сознаваемый недостатокъ средствъ или слабость силъ къ достиженію высокихъ цѣлей служенія, и, наконецъ, всѣ тѣ обстоятельства и слѣдствія, которыя сопровождаютъ благородныя и высокія стремленія искренно правящаго своимъ дѣломъ, и нерѣдко не встрѣчающаго не только желаемыхъ благихъ послѣдствій, но даже содѣйствія, одобренія и сочувствія, — всѣ эти обстоятельства, возможныя въ дѣйствительности для монашествующаго, состоящаго на общественной службѣ, прибавляютъ къ собственному его монашеству новую болѣзнь и трудъ сердца, и составляютъ разнообразныя и трудныя явленія его внутренней жизни, которую только самъ онъ чувствуетъ въ своемъ уединенномъ жилищѣ, и которая достойно оцѣнится, конечно, послѣ — не людьми. Не лучше ли послѣ сего сказать, что монашествующій пастырь, дѣйствующій среди людей, есть труженикъ жизни?

Но оставивъ разборъ внутренней жизни монашествующихъ Архипастырей, недовѣдомой тѣмъ, кто не въ состояніи слѣдить за нею и цѣнить ее,

мы лучше и естественнѣе обратимъ вниманіе на внѣшнюю обстановку ихъ жизни. Она, какъ всѣми видимая, можетъ невинно подавать нѣкоторый поводъ къ превратному взгляду на нравственную жизнь Архипастырей; между тѣмъ какъ даже при легкомъ обзорѣ ея, всякій здравомыслящій не найдетъ въ ней ничего, что могло бы нарушать условія и характеръ монашества Архипастырей. Ибо какова эта обстановка? Въ иныхъ мѣстахъ архіерейское жилище помѣщается въ какомъ-либо монастырѣ; если же и есть отдѣльный домъ, то онъ самъ собою представляетъ небольшой монастырь, окруженный стѣнкою, за которою иногда виднѣется садъ. Положимъ, что домъ этомъ обширенъ и не безъ внѣшняго архитектурнаго достоинства и даже прилично декорированъ внутри; въ немъ домовая церковь и кромѣ того все, что необходимо для всякаго, равно какъ и монастырскаго заведенія. Но въ этомъ заведеніи ничто не превышаетъ того, что потребно и прилично значенію сана проживающаго въ немъ Архипастыря. Ибо кромѣ небольшаго, состоящаго при немъ, домоваго штата духовныхъ (всегда монашествующихъ) лицъ и кромѣ домовой

канцеляріи, для которыхъ необходимо все потребное для цѣли и назначенія ихъ, самъ Архипастырь долженъ имѣть приличное его сану помѣщеніе, приспособленное какъ къ его домашней, кабинетной жизни, такъ и къ потребностямъ, обусловливаемымъ его оффиціальнымъ положеніемъ въ обществѣ. Кромѣ каждодневнаго служенія въ домовой церкви архіерейской, кромѣ ежедневныхъ занятій домовой канцеляріи, кромѣ оффиціальныхъ выходовъ и пріемовъ или кабинетныхъ занятій Архипастыря, — что̀ еще человѣческое можетъ видоизмѣнить и оживить это, описываемое нами, монастырское жилище? Изрѣдка, быть можетъ, стукъ подъѣзжающихъ каретъ нарушаетъ тишину этого почти безмолвнаго и уединеннаго жилища: нѣкоторыя уважаемыя особы въ городѣ, конечно, бываютъ у Архипастырей, сколько по дѣламъ болѣе или менѣе важнымъ, столько и для того, чтобы только посѣтить уважаемаго Архипастыря. Трудно болѣе сего предположить возможность какихъ либо мірскихъ занятій и развлеченій для архіерейскаго быта, кромѣ тѣхъ, которыя необходимо обусловливаются значеніемъ и положеніемъ Архіерея въ обществѣ, которое соблюдаетъ извѣст-

ныя отношенія и питаетъ приличное уваженіе къ нему, какъ Архипастырю и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ къ уважаемому члену общества. Послѣ ежедневныхъ занятій епархіальными дѣлами и пріемами духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, являющихся по должности и по дѣламъ, кромѣ церковныхъ богослуженій, кабинетныхъ занятій пастырскихъ и даже духовно-ученыхъ, — особенно если свѣжесть и крѣпость силъ Архіерея еще допускаетъ это, — остается ли довольно времени для какихъ-либо человѣческихъ развлеченій или пріятныхъ и спокойныхъ отдохновеній? Да и какія возможны развлеченія для Архіереевъ, если еще до архіерейскаго сана большая часть изъ нихъ давно — давно преполовили дни своей жизни? Знакомому съ внѣшними матеріальными средствами и съ внѣшнимъ бытомъ Католическихъ Архипастырей не придетъ на мысль предположеніе о мнимой роскоши внѣшней жизни Русскихъ Архипастырей, матеріальныя средства которыхъ не превышаютъ скромныхъ потребностей ихъ жизни.

Впрочемъ, если скромный бытъ Архіереевъ представляется иногда недовольно соотвѣтствующимъ ихъ значенію, особенно по взгляду и сужде-

нію тѣхъ людей, которые лучше видятъ сучецъ во очесѣхъ ближняго своего, нежели бревно въ собственномъ своемъ глазѣ: то должно помнить, что монашество ни на кого не налагаетъ безусловной обязанности къ аскетизму. Принимая монашество, человѣкъ на столько же обязуется исполнять, такъ называемые, евангельскіе совѣты, какъ правила для себя, на сколько и всякій Христіанинъ обязуется къ исполненію правилъ Христіанской жизни вообще, воспринятыхъ на себя при крещеніи. Но воспринятіе на себя, какъ монашескихъ обѣтовъ, такъ и правилъ Христіанской жизни вообще, само по себѣ еще не ручается ни въ монашествующемъ, ни въ простомъ Христіанинѣ за точное и полное исполненіе ихъ, которое не зависитъ отъ однихъ человѣческихъ силъ, но главнымъ образомъ отъ Того, Кто есть дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи[121]). Принятіе монашескихъ обѣтовъ само по себѣ есть великій подвигъ вѣры Христіанина, такъ какъ онъ, при воспринятіи обѣтовъ, не имѣя

121) Филип. 11, 13.

возможности предвидѣть все, что можетъ встрѣтиться съ нимъ въ будущемъ, предается волѣ и руководству призвавшаго его Господа. Такимъ образомъ человѣкъ есть только хотящій, предполагающій и рѣшающійся, но достигающій и совершающій есть Господь, который ведетъ жизнь Христіанина, какъ хочетъ. Не забудемъ и того, что монашество всегда имѣло и имѣетъ разные виды, къ которымъ не всякій обязывается. Въ первое время Христіанства были такъ называемые Назореи, которые, съ обѣтами монашества въ душѣ, оставались въ мірѣ, и несли приличныя имъ обязанности службы, особенно церковной. Такъ точно монашествующіе Архипастыри, по свойству служенія своего, живя среди людей, или лучше, находясь съ ними въ соприкосновеніи по обязанностямъ своего сана, не могутъ при нынѣшнемъ устройствѣ и условіяхъ общественной жизни имѣть иной, нежели какой онъ есть въ дѣйствительности, бытъ внѣшней ихъ жизни, который, какъ мы замѣтили прежде, долженъ соотвѣтствовать значенію ихъ сана и положенію въ обществѣ гражданскомъ. Смотря на внѣшнюю сторону жизни Архипастырей всегда нужно помнить,

что какъ Христіанство вообще, такъ въ частности и монашество не уничтожаетъ въ человѣкѣ всѣхъ благородныхъ и законныхъ стремленій и потребностей души человѣческой; а потому не презираетъ и не запрещаетъ и той внѣшности, которая гармонируетъ или удовлетворяетъ внутреннему, душевному. Отсюда, вся та внѣшность, которая требуется или приличіемъ и благолѣпіемъ, или необходимыми по должности удобствами, не должна никому казаться какъ-бы неумѣстною роскошью для монашествующихъ. Самое благолѣпіе внѣшности и устройства храмовъ, самая торжественность обрядовъ богослуженія, допускаемыхъ и даже предписываемыхъ правилами Церкви, не позволяютъ намъ отрицать права монашествующихъ Архипастырей на приличіе ихъ внѣшняго быта. Апостолъ не только разрѣшаетъ, но даже предписываетъ, чтобы все было благообразно и по чину[122]).

Эта общая характеристика внѣшняго быта Русскихъ Архіереевъ разнообразится и видоизмѣняется различіемъ ихъ личныхъ характеровъ. Никто не

122) 1 Кор. XII, ст. 11 сн. ст. 18.

будетъ сомнѣваться, что каждый человѣкъ, даже при единствѣ убѣжденій, при единствѣ вѣрованій съ другими, имѣетъ отличительныя способности и свой прирожденный личный характеръ, который опредѣляетъ всѣ оттѣнки его внѣшней жизви, его образъ поведенія и обращенія съ другими, — характеръ, который не можетъ быть совершенно измѣненъ даже и Христіанскимъ образованіемъ. Кромѣ того каждому даны и различные дары благодати, и, быть можетъ, даже примѣнительно къ естественнымъ способностямъ и характеру каждаго Христіанина, болѣе способнаго къ тому или другому[123]). Такъ, овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ: другому же вѣра тѣмъ же Духомъ: иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусѣ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ[123]). Не говоря о томъ, что въ нравственной жизни или въ благодатномъ слу-

123) 1 Кор. XII, 7—10.

женіи эти дары имѣютъ полное примѣненіе и обнаруженіе; дары въ жизни внѣшней, общественной эти благодатные дары, особенно въ Архипастыряхъ, столько же, быть можетъ, обнаруживаются и разнообразятся, сколько и ихъ естественныя способности и характеръ. Отъ того, между Русскими Архипастырями можно найти такихъ, которыхъ благочестивая монашеская настроенность явно выражается во внѣшней жизни даже наклонностію и расположеніемъ къ аскетизму. Въ другихъ изъ нихъ внѣшній образъ жизни склоняется болѣе къ постоянному благоразумному начальственному разсмотрѣнію дѣлъ ихъ епархій, такъ что ихъ личное усмотрѣніе и распоряженіе нерѣдко касается самыхъ, по видимому, ничтожныхъ частностей. Бываютъ и такіе, которые, болѣе или менѣе совмѣщая въ себѣ упомянутыя характеристическія настроенности, и располагая по нимъ свою внѣшнюю жизнь и дѣятельность, обладаютъ сверхъ того теплымъ, общительнымъ сердцемъ и веселою настроенностію духа; въ слѣдствіе чего не отказываютъ себѣ въ обществѣ людей, съ которыми можно дѣлить свободное отъ должностныхъ занятій время, и проводить его въ

собесѣдованіяхъ, которыя приличны и сану архіерейскому, и интересны для всякаго развитаго и образованнаго человѣка. Конечно, какъ между начальствующими по разнымъ частямъ гражданскаго управленія, такъ и между духовными правителями епархій, и въ Россіи, и внѣ ея найдутся люди, которые обладаютъ меньшими, чѣмъ другіе, способностями естественными и благодатными, меньшею силою воли и характера, меньшею энергіею къ дѣятельности. Явленія подобнаго рода не могутъ быть предметомъ ни удивленія, ни укоризны; потому что во всемъ мірѣ нѣтъ и быть не можетъ идеально-прекрасныхъ и благоустроенныхъ обществъ, пока люди — люди. Если среди Богоизбранныхъ Апостоловъ, по попущенію Промысла, нашелся предатель; то что удивительнаго, если, разбирая всѣ Христіанскія общества разсѣянныя по міру, найдемъ людей, по нравственнымъ силамъ своимъ далеко несоотвѣтствующихъ воображаемому идеалу пастырей Церкви? Порицанія и укоризны всегда возможны, пока есть люди способные къ тому по разнымъ своимъ личнымъ видамъ; только порицанія эти не всегда умѣстны и основательны. Прочтите посланія

Апостола Павла, и вы увидите, сколько разъ даже онъ, — Апостолъ Павелъ, потрудившійся въ дѣлѣ благовѣстія болѣе прочихъ Апостоловъ, — сколько разъ подвергался нареканіямъ, и сколько разъ долженъ былъ оправдываться! Впрочемъ не всегда неблагонамѣренность, но часто и недоразумѣніе, а большею частію личные, до безконечности разнообразные вкусы и понятія людей-порицателей бываютъ причиною укоризнъ, взносимыхъ на пастырей Церкви. Пусть, напр. Архипастырь — истинный монахъ, подвижникъ. Прекрасно! Найдутся люди, которые съ благоговѣніемъ будутъ смотрѣть на него. Но найдутся и другіе, которые назовутъ это ригоризмомъ, святошествомъ и проч.... Пусть Архипастырь, преданный своему служенію, постоянно, ревностно занимается или изданіемъ проповѣдей для назиданія паствы, или обработкою духовно-ученыхъ предметовъ для руководства низшихъ пастырей: неудивительно, если и эта благородная дѣятельность, цѣнимая благонамѣренными и здравомыслящими людьми, со стороны другихъ будетъ очернена, и приписана, напр. славолюбивымъ расчетамъ и проч .... Если Архипастырь, какъ мы замѣтили выше, не от-

казываетъ себѣ бывать иногда въ обществѣ свѣтскихъ, но достойныхъ его людей: то справедливы ли тѣ, которые иногда смотрятъ на это подозрительнымъ и неодобрительнымъ взглядомъ? Развѣ Христіанство и монашество уничтожаютъ, убиваютъ въ душѣ все истинно-человѣческое, благородное, не исключая даже благородной общительности съ людьми? Высокіе, достоподражаемые для пастырей примѣры теплаго, любвеобильнаго общенія съ людьми мы видимъ въ жизни Самого Спасителя, Который принималъ участіе въ человѣческихъ радостяхъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, плакалъ на гробѣ друга своего, Лазаря, раздѣлялъ горесть сестеръ его, и съ отеческою любовію ласкалъ приводимыхъ къ нему дѣтей. Странно, что злонамѣренная подозрительность простирается даже на то, если Архипастырь, отрываясь отъ многосложныхъ и многочисленныхъ дѣлъ, найдетъ удобное время хотя мимоѣздомъ лично обозрѣть свою нерѣдко обширную епархію, чтобы для начальственныхъ соображеній и распоряженій знать хотя общія характеристическія черты паствы, положеніе, бытъ и занятія подчиненныхъ ему духовныхъ лицъ, а равно и всѣхъ

тѣхъ, кто въ соприкосновеніи съ сельскими духовными, или даже кто имѣетъ вліяніе на ихъ бытъ. Эта лукавая, недоброжелательная подозрительность укоряетъ и то, если многіе сельскіе помѣщики считаютъ за удовольствіе и священный долгъ странноприимства или гостепріимства пригласить странствующаго по епархіи Архипастыря принять предлагаемый ему временный пріютъ въ ихъ домѣ, какъ болѣе удобномъ для особы Архіерея, и если онъ (Архіерей) принимаетъ это приглашеніе какъ для того, чтобы имѣть понятіе о лицахъ подобнаго рода, нерѣдко имѣющихъ вліяніе на сельское духовенство, такъ и для того, чтобы, воспользовавшись удобствомъ временнаго пріюта, быть въ сообществѣ съ людьми образованными, и пріобрѣсть отъ нихъ понятіе о кругѣ людей того края. Какъ же послѣ всего этого смотрѣть не на Архіереевъ, а на ихъ обвинителей? Одни Архипастыри нехороши потому, что слишкомъ святы, несовременны; другіе нехороши потому, что несвяты по — наружности; третьи нехороши потому, что, желая поддержать вліяніе Церкви и духовенства, стараются защищать права и честь духовенства при всякихъ столкнове-

ніяхъ его съ людьми мірскими; четвертые нехороши потому, что желая мира Церкви и общаго расположенія къ ней, слишкомъ снисходительны къ мірянамъ и строги къ духовенству при какихъ-либо взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ. Что же послѣ всего этого дѣлать? Пожелать Архипастырямъ терпѣнія? Но оно всегда было и есть, и, къ несчастію, они только этимъ и вооружены противъ нападеній и клеветъ. Пожелать порицателямъ исправленія и перемѣны взгляда на Церковь и ея служителей? Но какъ безполезны одни желанія! Впрочемъ такое положеніе истины и ея служителей — не новость въ мірѣ человѣческомъ. Было время: — пріиде Іоаннъ ни ядый, ни пія, и глаголютъ: бѣса имать. Пріиде Сынъ Человѣческій ядый и піяй, и глаголютъ: се человѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ[124]). Кому же уподобить тѣхъ и нынѣшнихъ толкователей и судей положенія Церкви? Кому уподоблю родъ сей, — спрашивалъ Христосъ, и вотъ Онъ же отвѣчаетъ: подобенъ есть дѣтемъ сѣдя-

---

124) Мѳ. XI, 18. 19.

щимъ на торжищахъ и возглашающимъ другѣмъ своимъ и глаголющимъ: піскахомъ вамъ, и не плясасте: плакахомъ вамъ, и не рыдасте[125]). Но Господи Боже, о если бы это только были дѣти! Не есть ли это тѣ, которыхъ лукавое и разукрашенное слово, яко гаггрена жиръ[126]), заразительно распространяетъ въ неопытныхъ, довѣрчивыхъ душахъ гибельный холодъ къ Церкви и Вѣрѣ?!..... Но довольно! ..... Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія своя[127])!

Итакъ мы показали какъ священную важность сана и правъ Архіереевъ вообще, какъ преемниковъ апостольскихъ, такъ равно и личное достоинство тѣхъ Архіереевъ, которымъ волею Провидѣнія ввѣрена Русская Церковь. Мы говоримъ это тѣмъ, которые способны безпристрастно вникать въ истину, которые не-слишкомъ идеально смотрятъ на жизнь человѣческую, и которые среди случайныхъ частностей способны видѣть постоянный, общій характеръ. —

---

125) Мѳ. XI, 16. 17. 126) 2 Тим. II, 17. 127) 2 Тим. II, 19.

МЫСЛИ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА

О КНИГѢ

„ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.“

Съ нѣкотораго времени всѣ толкуютъ о гласности, полагая ее въ основаніе всякому дѣлу, какъ будто стоитъ только огласить что-либо неблаговидное, и оно сейчасъ исправится. Если бы еще гласность всегда оглашала дѣло и правду, то можно было бы ожидать отъ нея пользы, хотя не въ настоящемъ, а въ будущемъ; но, къ сожалѣнію, свобода языка, внезапно разрѣшившагося, называемая теперь гласностію, большею частію увлекаетъ оглашающихъ такъ далеко, что они забѣгаютъ за предѣлы истины и почти всегда представляютъ дѣло въ превратномъ видѣ, и такимъ образомъ пишутъ, вмѣсто портретовъ, карикатуры и, разумѣется, не достигаютъ своей цѣли.

Примѣч. Статья эта выдана при „Духовной Бесѣдѣ," въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, и написана извѣстнымъ Русскимъ писателемъ. Помѣщаемъ её въ нашемъ сборникѣ, какъ первое, явившееся въ печати, опроверженіе злонамѣренной книги. Изд.

Мы можемъ видѣть примѣръ тому въ свѣтской литературѣ, гдѣ даже приторно стало читать всѣ повѣсти и романы о взяточничествѣ, во всѣхъ его видахъ. Не знаю, многіе ли исцѣлились отъ столь неблаговидныхъ изображеній; но, конечно, бо́льшая часть обличаемыхъ, посмотрѣвъ въ такое увеличительное зеркало, отошла съ самодовольною улыбкою, говоря себѣ: „это не я.“ Дошла теперь очередь и до духовныхъ лицъ, на которыхъ тѣмъ съ большею яростію стали нападать, что личность ихъ болѣе ограждена, и что въ нихъ можно бросить камень только изъ-за угла (т. е. изъ-за границы). Кто же въ этомъ случаѣ первый бросилъ камень? Горько подумать, что это человѣкъ, принадлежащій самъ тому же званію, которое такъ жестоко и неприлично осуждаетъ, посмѣиваясь надъ наготою отеческою. Кто же поднялъ этотъ камень, чтобы сильнѣе кинуть его прямо въ сердце родной своей Церкви? Это, какъ видно, уже человѣкъ совершенно инаго сословія и, безъ сомнѣнія, почитающій себя патріотомъ! Какъ достало однако у него духа бросить такой позоръ въ лице своего Отечества, которое страдаетъ здѣсь столько же, сколько и

Церковь? Книга сія переведена уже на Французскій и Нѣмецкій языки.

Но вотъ еще одно печальное явленіе: никто доселѣ не далъ себѣ труда разобрать, до какой степени справедливо все, что собрано въ этой книгѣ, а между тѣмъ едва ли не всѣ принимаютъ ее за сущую истину: одни — по чувству пристрастія къ гласности, которая какъ будто даетъ право суда и власти неимѣющимъ оныхъ въ дѣйствительности; другіе же — по давнему тайному предубѣжденію противъ духовенства, не давая себѣ отчета, откуда проистекаетъ такое предубѣжденіе (не отъ того ли, что въ самомъ образѣ жизни нашей все глубже и рѣзче обозначается черта между направленіемъ мірскимъ и духовнымъ?); бо́льшая же часть вопіющихъ увлекается общею молвою, и такимъ образомъ вредная и безсознательная книга, проникая мало по малу во всѣ слои общества, высшаго и низшаго, производитъ вездѣ губительныя опустошенія, ибо снизу она отчуждаетъ паству отъ пасущихъ, давая частнымъ случаямъ повсемѣстную гласность, а сверху — лишаетъ всякаго довѣрія самихъ Пастырей, бросая на нихъ столь невыгод-

ную тѣнь, хотя отъ этого нисколько не умножаются средства къ улучшенію.

Вотъ единственная причина, которая побуждаетъ меня, по искренней любви къ Церкви, безъ всякой личности, высказать, въ краткихъ словахъ, мнѣніе мое о сей книгѣ, чтобъ и другіе могли осторожнѣе читать ее и не имѣть къ ней довѣренности, увидѣвъ, съ какимъ пристрастіемъ она написана. Когда человѣкъ извѣстный, имѣющій авторитетъ и заслужившій общее уваженіе, излагаетъ свое рѣшительное мнѣніе о какомъ-либо важномъ предметѣ, можно съ довѣренностію принимать оное; но если авторъ совершенно неизвѣстенъ, утаилъ свое имя и пропиталъ желчью все свое сочиненіе; то необходимо, прежде нежели дать ему полную вѣру, постараться разгадать его личность и характеръ, изъ собственныхъ его словъ, чтобы, оцѣнивъ его предварительно, взвѣсить потомъ, до какой степени можно имѣть къ нему вѣру.

Нельзя не догадаться, читая книгу, что авторъ описанія сельскаго духовенства долженъ быть и самъ священникъ, не высоко поднявшійся на іерархической степени, потому что все, что вы-

ше уѣзднаго іерея, подвергается его нареканію. Кругъ его обзора, какъ видно, простирается только на четыре епархіи, о коихъ онъ упоминаетъ: (стр. 8) Московскую, Владимірскую, Ярославскую и Тверскую; на сію послѣднюю преимущественно падаетъ бо́льшая часть его замѣчаній, хотя однако онъ смѣло и широко позволяетъ себѣ судить о всей Россійской Церкви. Здѣсь, какъ видно, онъ употребляетъ риторическую фигуру, часть вмѣсто цѣлаго, и частные случаи дѣлаетъ общими.

Пусть каждый размыслитъ, какъ должно судить о человѣкѣ, который позволяетъ себѣ такъ выражаться о своихъ Архіереяхъ: (на стр. 69) „вѣчное проклятіе на этихъ эгоистовъ, макіавелей, книжниковъ и фарисеевъ Церкви Христовой, которые по своимъ расчетамъ, по истинѣ діавольскимъ, возстали противъ жалованья сельскому духовенству!“ Что это относится единственно къ Архіереямъ, можно судить по тому, что далѣе (на стр. 72) авторъ пишетъ: „обезпечить (духовенство) нужно немедленно, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ мѣры будутъ уже не своевременны; всего этого не хотятъ знать тѣ, на отвѣтственности ко-

торыхъ преимущественно должна лежать забота о стадѣ Христовомъ: наши Архипастыри; мы не говоримъ: не могутъ, но не хотятъ, именно не хотятъ.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ вопіетъ: „не нужно жалованья! изрекли они (Архипастыри) въ своей мудрой и благонамѣренной заботливости о пасомыхъ.... Этимъ вы хотите навсегда сохранить свою беззаконную, нечестивую, ужасную власть надъ бѣлымъ духовенствомъ; вы не хотите и знать, обезпечивая свою тиранію, что есть Судія земли“ (стр. 44). Помнитъ ли онъ это самъ? Распространяясь о томъ, на что тратятъ духовныя власти свои доходы, заносчивый писатель доходитъ даже до неприличія, позволяя себѣ такіе намеки, которые нигдѣ не могутъ быть терпимы. Совѣстно повторять и то, что говоритъ онъ объ обращеніи Архіереевъ со священниками, называя ихъ сатрапами въ рясахъ, и возводя на ихъ голову всѣ возможныя нелѣпости: будто они смотрятъ на іереевъ, какъ на собакъ нечистыхъ (стр. 125) и прочее. Послѣ такихъ выраженій неужели еще можно вѣрить автору, будто Архіереи внушаютъ мірянамъ: „мы уже почти совсѣмъ рас-

топтали поповъ, топчите кстати и вы: все ослы и бо́льшаго не заслуживаютъ“ (стр. 127), и къ этому присовокупляетъ: „на это способны только смиренные Архипастыри Православной Руси.“ Какое хульное кощунство надъ всею Церковью, надъ всею Православною Русью! Книга падаетъ изъ рукъ; но вотъ ее подымаютъ, на нее даже указываютъ въ наставленіе Архипастырямъ; до чего мы дожили!

Не угодно ли заглянуть въ особую статью о наградахъ, если вамъ угодно, чтобы яснѣе обозначился завистливый характеръ автора (стр. 137). Тутъ онъ высказался весь: всѣми силами старается показать, какъ необходимы священнику земныя награды и какъ несправедливы духовныя власти, недовольно награждающія іереевъ; тутъ же опять, сравнительно съ подвигами сельскихъ священниковъ, посыпались на бѣдныхъ Архіереевъ всѣ возможныя ругательства: какимъ образомъ дѣятельность ихъ, хотя они и валялись съ дѣтства въ неисходной грязи, ограничивается только чтеніемъ газетъ, хорошимъ столомъ, прогулками на Орловскихъ рысакахъ, и тому подобное (стр. 140). Прискорбно, но нельзя и не приводить такія мѣста, чтобы мож-

но было судить по нимъ о самомъ авторѣ, который кощунствуетъ не только о своихъ пастыряхъ, но и о самой литургіи, говоря, (стр. 73) „что сельскому священнику невыносимый трудъ служить литургію въ праздникъ; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ обѣдню,“ и въ этомъ же вкусѣ представляетъ онъ романтическія картины сельскаго быта священниковъ. Изумительно, какъ все это можетъ быть принято и читаемо высшимъ обществомъ, которое, конечно, не позволило бы автору выражаться предъ собою изустно столь неприличнымъ образомъ.

Но, скажутъ нѣкоторые, какъ же ему не повѣрить? Много правды въ описаніи сельскаго священника! Дѣйствительно, есть правда, но въ такомъ ли видѣ она представлена, въ которомъ бы можно было принять ее? Какъ отдѣлить истину отъ лжи? И сколько свѣтскимъ лицамъ (для которыхъ собственно и написана эта книга въ такомъ духѣ) надобно имѣть опытности духовной для того, чтобы сдѣлать химическое разложеніе этой книги? Къ этому присоединилось еще другое затрудненіе: книга писана въ два пріема, или лучше сказать, въ два

почерка, сколько можно судить по самому слогу: по канвѣ, криво натянутой однимъ, вышивалъ свои узоры другой, еще болѣе неумолимый критикъ, и дополнялъ то, что ему казалось слабымъ или недоговореннымъ, хотя его ученыя отмѣтки и совѣты не всегда приспособлены къ дѣлу, отъ чего встрѣчаются частыя противорѣчія; въ такомъ видѣ и пустилъ онъ за границу свое двуглавое произведеніе.

Разбирать во всей подробности книгу сію, значило бы написать рядомъ съ нею другую такого же объема; мы представимъ только главныя ея несообразности, чтобы по нимъ можно было судить о ея правдоподобіи. Что же касается до ея духа и неприличія, то кажется о нихъ можно судить и по тѣмъ немногимъ отрывкамъ, которые мы уже представили. Никто не будетъ оспаривать, что воспитаніе нашего духовнаго юношества, особенно въ низшихъ училищахъ, не въ цвѣтущемъ положеніи, и требуетъ сверхъ пастырскихъ заботъ еще и усиленныхъ средствъ, безъ которыхъ и заботы останутся тщетными. Надобно вспомнить и то, что не вѣками возросло сіе ученое образованіе, но вдругъ, какъ бы по одному Царскому манію, оно возникло

въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; и такъ какъ за полвѣка предъ тѣмъ, съ отобраніемъ монастырскихъ имуществъ, высшее духовенство наше лишено было дѣятельныхъ средствъ для сего высокаго предмета, то въ самое то время началъ только образовываться особый капиталъ для сей благой цѣли; я разумѣю свѣчной сборъ: слѣдственно нельзя было требовать ни тогда, ни даже теперь, когда уже капиталъ этотъ довольно великъ, чтобы все было удовлетворительно въ учебныхъ заведеніяхъ, потому что, кромѣ содержанія 60 тысячь человѣкъ духовныхъ воспитанниковъ, изъ этого же капитала выстроились въ пятидесяти епархіяхъ всѣ Академіи, Семинаріи и училища, и изъ него же еще раздаются ежегодныя пособія разныя довольно большими суммами. Такимъ образомъ мнимая огромность капитала, которая по первому взгляду поражаетъ, обращается въ весьма умаленные размѣры. На круглаго сироту — ученика Семинаріи приходится не болѣе 35 руб. въ годъ (Римско-католическія въ Россіи получаютъ даже вдвое); а на ученика низшихъ училищъ — 22 руб.: многое ли же можно сдѣлать съ такими средствами?

Но скажутъ: дѣло не въ деньгахъ, а въ надзорѣ. Не буду и въ этомъ оправдывать надзирателей, если они виновны, хотя и нельзя принять за истину тѣ неприличные анекдоты, которые позволяетъ себѣ разсказывать авторъ. Согласенъ, что бѣдному сельскому священнику очень трудно и дорого нанимать квартиры для своихъ дѣтей, отдаваемыхъ въ уѣздныя духовныя училища, и что нѣкоторые смотрители сихъ училищъ должны бы болѣе наблюдать за нравственнымъ направленіемъ учениковъ; но мнѣ кажется, что сія священная обязанность еще болѣе лежитъ на самихъ родителяхъ, потому что отъ нихъ зависитъ выборъ квартиры, и, не смотря на крайнюю свою нищету, они могли бы не помѣщать дѣтей своихъ у людей неблагонадежныхъ, какъ разсказываетъ авторъ. Нѣсколько священниковъ могли бы соединиться, чтобы вмѣстѣ нанять какое-либо общее помѣщеніе, хотя весьма убогое, но скромное, для своихъ дѣтей, и поручить ихъ надзору какого-либо добраго человѣка въ городѣ. Итакъ здѣсь надобно раздѣлить вину пополамъ, между родителями и наставниками. Слѣдуетъ еще замѣтить, что изъ всѣхъ описаній явствуетъ, что

книга составлена уже давно, и что авторъ описываетъ въ ней свое малолѣтство, потому что многое съ тѣхъ поръ измѣнилось на Руси, и всѣ приводимые имъ грубые примѣры необразованности сами собою упразднились съ общимъ образованіемъ Государства.

Доказательствомъ тому, что рѣчь идетъ о дѣлахъ и временахъ давно минувшихъ, можетъ служить то, что разсказываетъ авторъ о Латинскомъ языкѣ, на который обращено будто бы еще доселѣ исключительное вниманіе, и за симъ укоромъ, какъ обыкновенно, слѣдуютъ страницы три витіеватыхъ разсужденій съ своего рода шутками (стр. 16—19). Это дѣйствительно было такъ, лѣтъ за тридцать тому назадъ, когда въ Семинаріяхъ преподавали богословіе и философію на Латинскомъ, и по сей причинѣ съ дѣтства пріучали дѣтей къ сему языку. По сему анахронизму можно отчасти опредѣлить и время составленія книги о сельскомъ духовенствѣ, хотя во многихъ мѣстахъ, при разсказѣ нѣкоторыхъ не весьма приличныхъ анекдотовъ, употребляется такое лѣтосчисленіе: въ прошломъ году, безъ опредѣленія того года, въ который это написано.

Между тѣмъ какъ разстояніе лѣтъ совершенно измѣняетъ здѣсь обстоятельства дѣла.

Нельзя однако же согласиться съ неумолимымъ критикомъ, чтобы вовсе былъ безполезенъ Латинскій языкъ и особенно Греческій, — языкъ церковный и святаго Писанія, — а ихъ можно изучить только въ дѣтствѣ. Неизвѣстно, почему полагаетъ критикъ, что катихизисъ и священная исторія занимаютъ лишь третью степень въ образованіи духовныхъ училищъ? Отъ того ли только, что они записаны въ такомъ порядкѣ на учебныхъ таблицахъ? И можно ли такъ рѣшительно говорить, что въ сердце учениковъ не проникаетъ до 14 лѣтъ ни одна благодатная мысль, ни одно святое чувство? (стр. 20). Впрочемъ, во взглядѣ критика есть много страннаго; напримѣръ: онъ укоряетъ (стр. 21), для чего съ особенною заботливостію преподается церковное нотное пѣніе, которое называетъ дикимъ и антимузыкальнымъ, услаждавшимъ будто бы нашихъ предковъ въ часы разгула, и гнѣвается, для чего, вмѣсто обученія придворному пѣнію, убиваютъ время на допотопные обиходы и октоихи? На каждаго не угодишь; но не поблагодарятъ его наши

Православные за такія неприличныя выраженія, а старообрядцы еще менѣе, да и знаетъ ли онъ собственно, что такое октоихъ, когда онъ называетъ время богослуженія часами разгула? Извольте по этой мѣрѣ судить о другихъ его замѣчаніяхъ.

Матеріальное состояніе сихъ училищъ справедливо описано только отчасти, ибо, какъ я уже говорилъ, многое измѣнилось; развѣ въ какомъ-нибудь захолустьѣ еще не усовершенствовался старый бытъ. Что касается до поборовъ учителей съ учениковъ и до ихъ истязаній, то, по словамъ автора, оныя дошли до такой степени, что одному ученику отъ двухъ учителей случается вытерпѣть въ день до 200 розогъ, самыхъ безпощадныхъ, за то только, что родители ничего не заплатили учителю (стр. 11), учитель же тутъ стоитъ и кричитъ: больнѣе, больнѣе, и потомъ еще бьетъ мальчика въ голову и рветъ ему волосы, повторяя такія истязанія по два и по три раза въ недѣлю. Дикая сія картина могла только осуществиться въ разгоряченномъ воображеніи писателя; и можно ли повѣрить ему на слово, чтобы родители засѣченныхъ мальчиковъ молчали потому, что у нихъ учатся еще и

другія дѣти? Какъ все это преувеличено и написанно съ вѣтра! Если бы, на основаніи такихъ жалобъ, безъ повѣрки, писать новые для училищъ уставы, то пришлось бы измѣнять ихъ каждый день.

Статья семинарскаго образованія, едва ли вся принадлежитъ собственно іерею, ибо тутъ особенно замѣтно глубокое краснорѣчіе ученѣйшаго мужа; здѣсь же встрѣтите и ѣдкія выраженія противъ монаховъ, которые, будучи поставлены ректорами, менѣе думаютъ о благѣ ввѣренныхъ имъ дѣтей, нежели о какомъ-нибудь кауромъ...! (sic). Удивительно, какъ остроумно! А между тѣмъ авторъ самъ не знаетъ, со смѣхомъ ли, или со скорбію, смотрѣть ему на жалкую и пошлую карикатуру нашего духовнаго образованія (стр. 31). Какія все отборныя выраженія! „Ректоръ Семинаріи монахъ!“ восклицаетъ онъ, и вотъ на эту тему широко распространился ученый критикъ и дошелъ до такого вывода, что руководителемъ будущихъ іереевъ долженъ быть непремѣнно іерей (стр. 29). Однако помнится, что въ анекдотахъ объ уѣздныхъ училищахъ, являлся на сцену въ числѣ критикуемыхъ и каѳедральный протоіерей; (стр. 15) „бывшій профес-

соръ риторики, который жесточайшимъ образомъ гналъ весьма хорошаго ученика за то, что его отецъ обличилъ смотрителя въ утайкѣ жалованья бѣдныхъ учениковъ, называлъ его гадью и разбойникомъ и добился до того, что его исключили."

Примѣръ этотъ, конечно, не приводитъ къ такому заключенію, чтобы для образованія іереевъ необходимы были женатые священники, а не монахи. Притомъ же и въ послѣдующихъ статьяхъ семейный бытъ сельскаго священника такъ романтически описанъ, что не много назидательнаго могли бы извлечь изъ онаго ученики Семинаріи. И сколько подобныхъ противорѣчій разсыпано въ цѣлой книгѣ: ихъ стоитъ только собрать въ одинъ букетъ, чтобы опровергнуть одно другимъ. Ректоръ-монахъ хотя и самъ не семьянинъ, можетъ, однако, принадлежать хорошему семейству и заимствовать въ немъ добрый примѣръ семейной жизни. Впрочемъ, дѣло не въ рясѣ и не въ семейныхъ узахъ, а въ добромъ сердцѣ и здравомъ смыслѣ поставленнаго во главу училища.

При разборѣ семинарскаго ученія, справедливо замѣчено то, что иногда мало обращается внима-

нія на педагогическія способности и назначаются для преподаванія не всегда люди къ тому приготовленные, даже занимавшіеся иными предметами. Но не случаются ли такіе грѣхи и въ нашихъ Университетахъ, гдѣ бываетъ ропотъ студентовъ на бездарныхъ профессоровъ? Что касается до преподаванія богословія, то, кажется, по образцу, какъ оно преподается нынѣ духовными лицами въ Университетахъ, можно судить, что курсъ онаго значительно усовершенствовался въ Семинаріяхъ, и что слѣдовательно нареканія нынѣшняго критика болѣе относятся ко временамъ уже минувшимъ. Многословныя его варіаціи на сію тему полагаю приличнѣе отложить, ибо непонятно, для чего къ разсужденію о богословіи присоединилъ онъ опять намеки о страшныхъ казняхъ, будто бы совершаемыхъ въ Семинаріяхъ, такъ что вся система семинарскаго управленія представлена имъ подъ такою фирмою: „казни всѣхъ безъ пощады, лучше будутъ бояться“ (стр. 33). Очень жаль, что г. критикъ былъ однимъ изъ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ очень много подобныхъ воспоминаній изъ школьной жизни

осталось въ памяти! Жаль и то, что онъ раздѣляетъ эти воспоминанія съ другими: suum cuique.

Преходя молчаніемъ философію, которая дѣйствительно не процвѣтаетъ въ Семинаріяхъ и едва ли можетъ гдѣ-либо цвѣсти, останавливаюсь на медицинѣ, на которую особенно обратилъ вниманіе критикъ. Онъ осудилъ передъ этимъ и весьма справедливо преподаваніе въ Семинаріяхъ агрономіи, потому что помѣщику и управляющему можно быть агрономами, а священнику предстоитъ иная, высшая цѣль. Но отъ чего же такъ пристрастенъ критикъ къ медицинѣ? „Наука сія, говоритъ онъ, должна идти въ Семинаріяхъ объ руку съ главнымъ предметомъ, потому что Спаситель не только училъ, но и исцѣлялъ“ (стр. 37). Трудно повѣрить, чтобъ этотъ „глубоко знаменательный примѣръ“ могъ привести іерей, потому что іерею, такъ часто читающему св. Евангеліе, трудно забыть, что Господь исцѣлялъ больныхъ не медицинскими пособіями, что Апостолы по Его Божественному распоряженію, какъ сами мазаху масломъ многи недужныя и исцѣлѣваху, такъ и пастырямъ Церкви запо-

вѣдали врачевать больныхъ не медицинскими пособіями, а таинствомъ Елеосвященія.

Мудрствующій критикъ широко распространяется потомъ о безполезности уѣздныхъ врачей, которые, будто бы, предпочитаютъ своему дѣлу спокойствіе, комфортъ, а нерѣдко и чарку, грубы, невнимательны къ крестьянамъ, ѣздятъ только къ помѣщикамъ и раззоряютъ больныхъ на рецепты. Чѣмъ же поправить такое зло? — спрашиваетъ онъ, и самъ разрѣшаетъ задачу: для этого одно средство: „сдѣлать священника врачемъ, настоящимъ врачемъ, а не по имени только.“ Тутъ опять слѣдуютъ цѣлыя страницы убѣдительнаго краснорѣчія о единовременномъ врачеваніи души и тѣла. Для достиженія сей благой цѣли предлагаетъ онъ уничтожить въ семинарскомъ курсѣ науки безполезныя: риторику, философію, математику, агрономію, языки Греческій и Еврейскій, даже исторіи всеобщую и церковную сократить на половину, и все время, посвящаемое на изученіе этихъ наукъ, употребить на полный курсъ медицины со всѣми привходящими къ ней науками, для преподаванія коихъ должны быть назначаемы профессоры медицинской Ака-

деміи, подъ строжайшимъ надзоромъ Университетовъ; а ученики Семинарій должны держать по сему предмету экзамены также въ Университетахъ, на проѣздъ же ихъ въ оные употреблять суммы попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; наконецъ, въ поощреніе, получившимъ степень лекаря, давать лучшія мѣста въ епархіи Для пріобрѣтенія же анатомическихъ аппаратовъ подвергнуть строжайшему контролю суммы, назначаемыя на содержаніе Семинарій и собирать съ монастырей и церквей отъ 300 до 1,000 рублей: какъ это все практически придумано!

Помилуйте, г. критикъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать священника врачемъ и подвергать его медицинское образованіе строгому надзору Университетовъ и медицинскихъ Академій, не лучше ли, чтобы Университеты и Академіи строже наблюдали за поведеніемъ и образованіемъ своихъ воспитанниковъ, спеціально приготовляемыхъ для этого дѣла? А если они, какъ полагаете вы, не умѣютъ образовать своихъ собственныхъ воспитанниковъ и присмотрѣть за ними, то почему же лучше присмотрятъ за семинаристами? Не явствуетъ ли изъ этого, что

всѣмъ и каждому полезнѣе и благонадежнѣе было бы исправлять собственные грѣхи, нежели такъ рѣзко нападать на чужіе и подавать неопытные совѣты тамъ, гдѣ они вовсе не нужны? Куда какъ хорошо и прилично будетъ, если священники, оставивъ прямую свою обязанность, съ которою при малыхъ своихъ средствахъ, едва могутъ совладать, будутъ еще исполнять должность врачей, особенно тамъ, гдѣ цѣлыя селенія, какъ замѣчаетъ критикъ, заражены ужаснымъ недугомъ, заносимымъ изъ столицы (стр. 41). Какъ же послѣ этого приступитъ онъ къ совершенію святыхъ Таинъ? И чѣмъ виноваты духовныя лица, что медики, будто бы, мало заботятся о здоровьѣ государственнаго народонаселенія? Въ такомъ родѣ, бо́льшею частію, и прочіе совѣты строгаго разбирателя духовнаго образованія, умѣющаго находить въ немъ одно лишь дурное. Безъ сомнѣнія, многое еще подлежитъ исправленію, но къ этому необходимы и бо́льшія средства, и умы опытные, безпристрастные и благонамѣренные, а не такого рода теоріи и непристойныя брани, какими исполнена книга о сельскомъ духовенствѣ.

Въ концъ суровой своей критики о духовномъ образованіи вообще, (стр. 51) мудрствующій присовокупляетъ: „по крайнему разумѣнію, образовавшемуся въ слѣдствіе долговременныхъ наблюденій и крѣпкихъ размышленій, мы сказали бы (а кто же мы?), каково должно быть это образованіе; да къ чему? кто послушаетъ словъ человѣка, идущаго путемъ безвѣстнымъ, горькимъ и страшно тернистымъ? Необходимость преобразованія чувствуется, но новые проэкты напишутся въ кабинетѣ человѣка громкаго и славнаго, окруженнаго всѣмъ комфортомъ, для котораго бытъ сельскаго іерея, требованія и нужды его — темна вода во облацѣхъ воздушныхъ.“ Вотъ по сему тексту можно угадать, что это заключеніе писано собственно іереемъ, но, милостивый государь, кто бы вы ни были, позвольте вамъ замѣтить: хотя и весьма естественно, что въ кабинетѣ, а не въ хижинѣ, будутъ начертываться сіи преобразованія, однако въ этомъ кабинетѣ конечно съ любовію были бы приняты и опыты сельской, практической мудрости, представленные съ должнымъ приличіемъ, а не въ такомъ безобразномъ видѣ, въ какомъ явилась за границею на поруганіе всему Русскому духовен-

ству книга: описаніе сельскаго духовенства; она можетъ принести только вредъ, а не пользу, ибо все въ ней представлено въ превратномъ видѣ, какъ о томъ можно судить по сему краткому разбору первой ея части о духовномъ образованіи.

Право, стѣсняется сердце продолжать такой разборъ, чрезъ который невольно повторяются оскорбительныя хулы критика, хотя и для опроверженія ихъ. Тяжкая падаетъ отвѣтственность за нихъ предъ Богомъ и людьми на дерзнувшаго поднять столь святотатно руку свою на святую Церковь!

Опечатки.

				Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран.	7	строка	22	выдеживаетъ	выдерживаетъ
-	18	-	11	поляну	помяну
-	46	-	20	роскольниковъ	раскольниковъ
-	57	-	7	Перестолу	Престолу
-	—	-	21	можетъ	можемъ
-	58	-	8	анаѳанѣ	анаѳемѣ
-	129	-	19	По	Но
-	144	-	10	пограмму	программу
-	145	-	3	пограммѣ	программѣ
-	172	-	12	прерывасись	прерывались
-	183	-	19	относится	относиться
-	185	-	3	такіе	такія
-	—	-	9	которые	которыя
-	186	-	2	завистливые и зложелательные	завистливыя и зложелательныя
-	—	-	11	изыргая	изрыгая
-	199	-	7	дъствовали	дѣйствовали
-	218	-	6	зіе	сіе
-	245	-	5	о суетившихся	осуетившихся
-	248	-	4	Саровскуго	Саровскую
-	258	-	5	небасахъ	небесахъ

			Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран.	262	строка 3	въ ступленіе	вступленіе
–	271	– 4	съ	къ
–	—	– 5	на, какой	, на какой
–	276	– 15	тяжаніемъ	стяжаніемъ
–	286	– 8	хранило	хранила
–	—	– 19	Киріанъ	Кипріанъ
–	289	– 18	ограновъ	органовъ
–	305	– 13	представляетъ	преставляетъ
–	307	– 19	Enses.	Euses.
–	—	– 21	Niaphor.	Nicephor.
–	308	– 3	Церки	Церкви
–	—	– 18	6.	въ
–	318	– 3	чоловѣческому	человѣческому
–	319	– 12	призаваемый	призываемый
–	324	– 6	монашесвтующій	монашествующій.

3128.

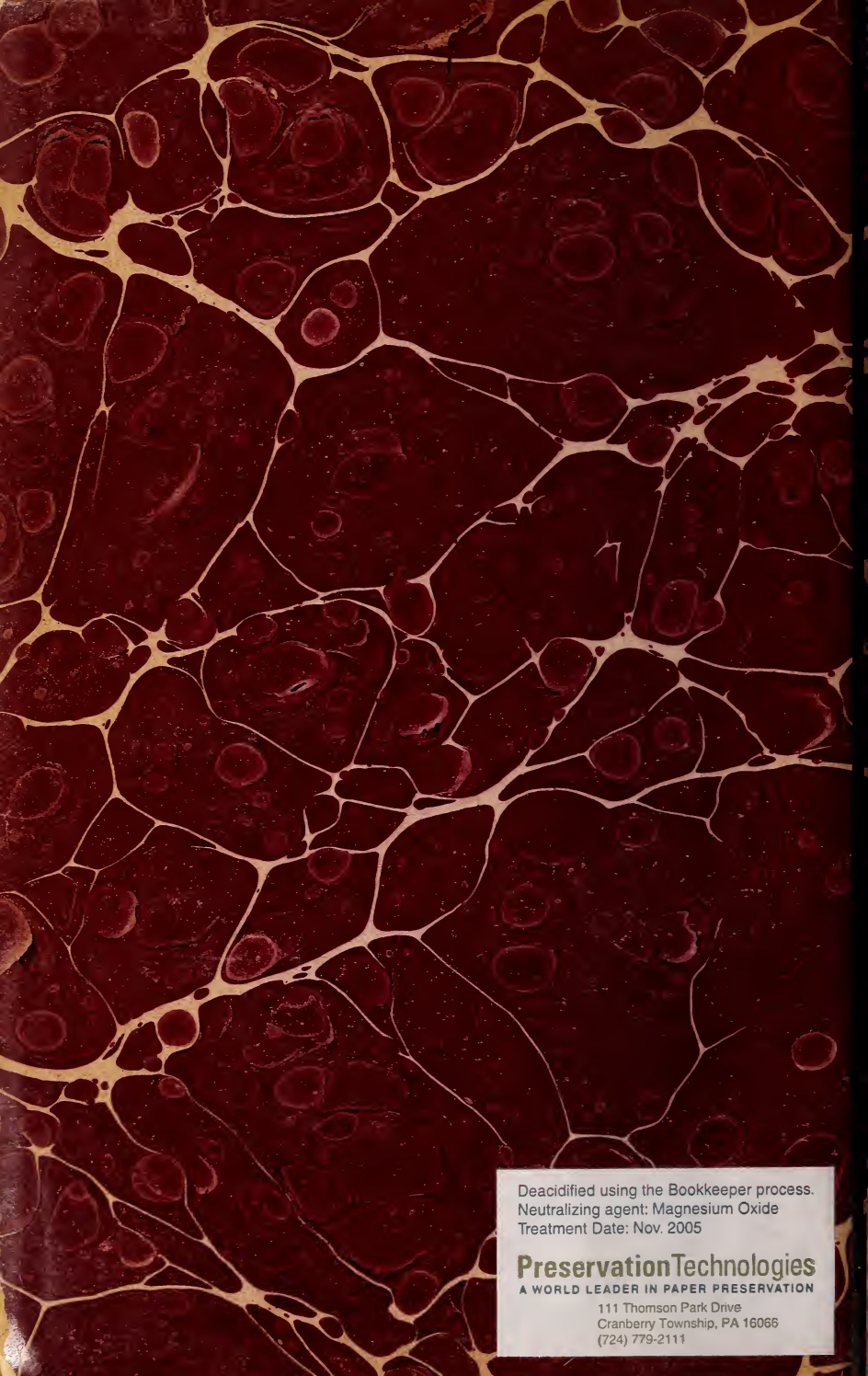
Книги:

. . . . по 6 фр.

РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО . . . – 8 фр.

продаются у книгопродавца А. Франка въ Парижъ, въ улицъ Ришелье No. 67, противъ императорской библіотеки.

LE Ag '10



Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 017 148 033 4